

ОСОБЕННОСТИ, ПРОБЛЕМЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ СТРАН И
РЕГИОНОВ ВОСТОКА: АЗИИ
И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

Материалы конференции

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**ОСОБЕННОСТИ, ПРОБЛЕМЫ И
ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ СТРАН И РЕГИОНОВ ВОСТОКА:
АЗИИ И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ**

**Материалы общероссийской конференции
экономистов-востоковедов**

20 марта 2017 г.

Москва
ИВ РАН
2017

УДК 339.9+338.1

ББК 65.7+65.5

О75

Ответственные редакторы:

д.и.н. В.Я. Белокреницкий

д.э.н. А.В. Акимов

к.э.н. И.В. Дерюгина

О75 Особенности, проблемы и перспективы экономического развития стран и регионов Востока: Азии и Северной Африки. Материалы общероссийской конференции экономистов-востоковедов / Институт востоковедения РАН. – М. 2017. – 200 с.

В сборнике представлены материалы Общероссийской конференции экономистов-востоковедов «Особенности, проблемы и перспективы экономического развития стран и регионов Востока (Азии и Северной Африки)», которая состоялась в Институте востоковедения 20 марта 2017 г. На конференции были обсуждены наиболее актуальные технико-экономические и социально-экономические проблемы стран Азии и Северной Африки. Наибольшее внимание было уделено влиянию научно-технического прогресса и новейших технологий, свойственных четвертой промышленной революции, на экономический рост этих стран. Из отраслевых аспектов были затронуты вопросы энергетики, сельского хозяйства, финансовой сферы, экономической безопасности. Также были рассмотрены острые социально-экономические проблемы стран Востока: трудовые ресурсы и человеческий капитал, бедность, неравенство, «теневая экономика», региональные проблемы. В конференции приняли участие докладчики из десяти научно-образовательных центров и институтов России.

© Коллектив авторов, 2017

© Институт востоковедения РАН, 2017

Содержание

Предисловие	5
Авдаков И.Ю. Японский железнодорожный транспорт: настоящее и будущее.....	7
Акимов А.В. Влияние роботизации на перспективы развития стран Востока: основные тренды...10	
Александров Ю.Г. Трудовые ресурсы и человеческий капитал в развивающихся и переходных экономиках.....	15
Бабенкова С.Ю. Особенности и перспективы развития «теневой экономики» арабских стран	19
Белокреницкий В.Я. Современный этап социально-экономической эволюции Пакистана	23
Бойцов В.В. Импортозамещение и хозяйственное развитие стран ЮВА	27
Борисов М. Г. Восток в русле развития мировой энергетики	31
Бочарова Л.С. Арабский мир без нефти: потенциал и перспективы развития возобновляемой энергетики.....	35
Гордиенко Д.В. Обеспечение экономической безопасности Южной Кореи при реализации глобальных интеграционных проектов	39
Горячева А.М. Бедность и неравенство в Индии в 2000-е годы.....	54
Гукасян Г.Л. Стратегии экономического развития стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива	59
Дерюгина И.В. XXI век. Инновационные подходы к развитию сельского хозяйства в странах Востока.....	65
Захарова Н.В., Хмелевский В.В. Потенциал использования высокоскоростных железнодорожных магистралей между Россией и Китаем для транспортировки грузов.....	71
Иванова В.П. Динамика и перспективы экономического развития стран и регионов Востока	76
Каменев С.Н. Проблемы подсчета ВВП в Индии и Пакистане: сложности и ошибки	82
Кандалинцев В.Г. Инвестиционный климат как инструмент привлечения ПИИ в странах Востока: возможности и ограничения.....	85
Коростелева М.О. Влияние японских прямых инвестиций в КНР на динамику и структуру двустороннего товарооборота.....	90
Лебедева И.П. Япония: диверсификация форм занятости и углубление социального расслоения .96	
Лукоянов А.К. Развитие железнодорожного транспорта Ирана	100
Марьясис Д.А. Стратегия выхода России на инновационные рынки Ближнего Востока.....	105
Матюнина Л.Х. Выбор режима валютного курса: возможности и вызовы.....	110
Мельянцева В.А. Удастся ли беднейшим странам мира встать на путь быстрого экономического развития?	114
Мосолова О.В. Основные показатели экономического развития Австралии в начале XXI века...119	
Муранова А.П. Воздействие глобализации на налоговую политику стран Юго-Восточной Азии	123
Немчинов В.М. Политэкономика Востока: вчера, сегодня, завтра	127

Нежданов В.Л. Малазийские хуацяо и Китай: взаимовыгодное экономическое партнерство.....	130
Окимбеков У.В. Состояние и перспективы развития экономики Афганистана	134
Печищева Л. А. Индия и Германия: сотрудничество в области экономики на современном этапе.	140
Пиковер А.В. Информатизация и электронная коммерция в Китае.....	143
Растяжникова Е.В. Суперциклы на рынке сырьевых ресурсов на примере стран БРИКС	149
Руденко Л.Н. Современные проблемы электроэнергетики арабских стран.....	154
Симонова А. И. «Один пояс – один путь» как глобальный китайский экономический проект	158
Смирнова Г.И. Республика Судан пытается решить проблему продовольственной безопасности в рамках Комплексной программы развития сельского хозяйства Африки	160
Соловьева З.А. Некоторые проблемы деградации природной среды в странах Магриба	166
Стрельцов Д.В. Глобальные позиции Японии в мировой экономике: долгосрочные тенденции..	170
Судьин А.В. Железные дороги в системе международного транспортного коридора «Север–Юг»	175
Тимонина И.Л. Индустрия 4.0 в Японии: направления и перспективы.....	179
Федорченко А.В. Возможен ли экономический ренессанс в арабском мире?	183
Филоник А.О. Арабский Восток: противоправная деятельность в экономической сфере	188
Фридман Л.А., Имамкулиева Э.Э. Наука Китая в мире 21 века (финансово-экономические ресурсы)	192
Цветкова Н.Н. Производство товаров ИКТ и ИТ услуг в странах Востока: перспективы на фоне развития роботизации и автоматизации.....	195

Предисловие

В Институте востоковедения РАН 20 марта 2017 г. состоялась Общероссийская конференция экономистов-востоковедов «Особенности, проблемы и перспективы экономического развития стран и регионов Востока (Азии и Северной Африки)». В конференции приняли участие докладчики из Института востоковедения РАН, Института Дальнего Востока РАН, ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова, РАНХ и ГС при Президенте РФ, РЭУ им. Г. В. Плеханова, ФГБУ «ВГНКИ», НИУ «Высшая школа экономики», Тюменского государственного университета, МГИМО (У) МИД РФ.

Работа конференции проходила по двум секциям: технико-экономической и социально-экономической. Технико-экономическая секция была посвящена обсуждению следующих вопросов:

1. Влияние высоких технологий на экономику стран Азии и Северной Африки. Рассмотрено положительное и отрицательное воздействие новейших технологий. В рамках темы выступили А.В. Акимов, И.Л. Тимонина, Д.В. Стрельцов, А.В. Пиковер, Н.Н. Цветкова, Д.А. Марьясис, О.В. Мосолова, Л.А. Фридман, Э.Э. Имамкулиева. На примере Японии были рассмотрены вопросы формирования нового технологического уклада – Четвертой промышленной революции, три ведущих направления Абэномики, инновационный потенциал страны. Вопросы информатизации общества стран Азии и их последствия для молодого поколения были подняты на примере Китая. Также внимание было уделено финансированию и стратегиям инновационного развития на примере Израиля, Австралии и Китая. Особое место в дискуссии заняли вопросы внедрения в экономику информационно-компьютерных технологий, роботов и их влияние на проблемы занятости в странах Востока.

2. Влияние технологий среднего уровня на примере транспортного строительства. Главным был вопрос, как технологии среднего уровня воздействуют на воспроизводственный процесс в странах Азии. По теме выступили И.Ю. Авдаков, Н.В. Захарова, В.В. Хмелевский, А.К. Лукоянов, А.В. Судьин. Были рассмотрены вопросы потенциала высокоскоростных железных дорог и его влияния на экономический рост в Китае, японский железнодорожный транспорт, роли железных дорог в рамках российско-иранско-индийского международного транспортного коридора.

3. Энергетика и развитие. По теме выступили М.Г. Борисов, Л.С. Бочарова, Е.В. Растянникова, Л.Н. Руденко. Обсуждены перспективы, положительные и отрицательные составляющие углеродной и возобновляемой энергетики, рассмотрена ситуация в арабских странах, предложен новый подход к исследованию динамики цен на энергоносители, учитывающий 30-летний суперцикл.

4. Возможность сельского хозяйства стран и регионов Востока обеспечить продовольственную безопасность на национальном или региональном уровнях. По теме выступили И.В. Дерюгина, Г.И. Смирнова,

З.А. Соловьева. Были обсуждены вопросы влияния научно-технического прогресса, экологии, комплекса социальных проблем на развитие сельского хозяйства. Подчеркнуто, что в последние годы изменились подходы к оценкам эффективности научно-технического прогресса в странах Азии, вырабатываются принципиально новые методы устойчивого развития сельского хозяйства, предполагающие экологическую безопасность.

Социально-экономическая секция была посвящена проблемам развития регионов:

1. Восточная и Юго-Восточная Азия. Выступили Ю.Г. Александров, В.В. Бойцов, Д.В. Гордиенко, М.О. Коростелева, И.П. Лебедева, А.П. Муранова, В.Л. Нежданов, А.И. Симонова. Главный вопрос для обсуждения был – станет ли регион ЮВА новым центром мирового хозяйства с устойчивым ростом. В частности, было уделено внимание трудовым ресурсам и человеческому капиталу в странах ЮВА и Японии, рассматривалась эффективность политики импортозамещения в отдельных странах ЮВА, воздействие глобализации на экономический рост и государственную политику в странах региона.

2. Южная Азия. Выступили В.Я. Белокреницкий, А.М. Горячева, С.Н. Каменев, У.В. Окимбеков, Л.А. Печищева. Основным вопросом, на который предлагалось ответить выступающим, был – каковы перспективы преодоления отсталости в странах региона. Мнения были различными. Докладчики предлагали уделять большее внимание политэкономии при изучении вопросов социально-экономического развития региона и в своих исследованиях полностью не отказываться от либеральной интеллектуальной мысли, а преодоление отсталости связывали с малым предпринимательством, где сконцентрировано до 75% занятых. Поднимался вопрос о некорректном использовании только макроэкономических параметров при оценке уровня развития стран региона. Рассмотрены были острые проблемы экономического роста, бедности и неравенства в Индии, Пакистане, Афганистане.

3. Ближний Восток. Выступили С.Ю. Бабенкова, Г.Л. Гукасян, А.В. Федорченко, А.О. Филоник. Были обсуждены вопросы влияния политических событий на развитие региона, в том числе, стратегии развития стран ССАГПЗ, условия возможного ренессанса в арабском мире. Специальное внимание было уделено противоправной деятельности в экономической сфере, особенностям и перспективам «теневой экономики» в арабских странах.

4. Общие проблемы социально-экономического развития стран Востока. Выступали В.Г. Кандалинцев, Л.Х. Матюнина, В.А. Мельянцев, В.П. Иванова, В.М. Немчинов. Обсуждали проблемы, с которыми сталкиваются все страны Востока – удастся ли беднейшим странам встать на путь быстрого экономического развития, влияние экономического роста в странах Востока на экономику России, условия и механизмы привлечения инвестиций в страны Востока. Была сделана оценка нестабильности мирового развития и показаны факторы, на нее влияющие.

Авдаков И.Ю.
**ЯПОНСКИЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ТРАНСПОРТ: НАСТОЯЩЕЕ И
БУДУЩЕЕ**

К.э.н., Ведущий научный сотрудник
Институт востоковедения РАН
Центр энергетических и транспортных исследований
avdakovigor@yandex.ru

Созданный почти с полувековым отставанием от передовых стран Европы и США железнодорожный транспорт Японии исторически не только быстро догнал европейский уровень развития этой отрасли народного хозяйства, но уже в 1960-е годы смог стать одним из мировых лидеров. Япония стала первой в мире страной, где появились качественно новые высокоскоростные поезда — синкансэны, явившиеся результатом научно-технического прогресса в области пассажирских перевозок и технического перевооружения железных дорог. За Японией последовали Голландия, Франция и ряд других европейских стран. Немногим менее полувека потребовалось азиатским странам — Китаю, Южной Корее, Тайваню, — чтобы также приступить к строительству высокоскоростных дорог.

Японский железнодорожный транспорт отличается от североамериканского или западноевропейского. На него приходится значительно бóльшая, чем в любой другой развитой стране мира, доля перевозок пассажиров — 21% (во Франции этот показатель составляет 10%, в Великобритании и Германии — 6%, в США — 1%). Железные дороги имеют огромное значение для всего японского общества и оказывают исключительное влияние на социально-экономическую жизнь страны, отличаясь этим от системы железных дорог других развитых государств.

В ходе своей эволюции железнодорожный транспорт Японии приобрел совершенно особые черты, отразившие своеобразие традиций, культуры, быта, социально-экономических и географических условий Страны восходящего солнца, оказывая самобытное воздействие не только на социально-экономическое развитие страны, но и на культурную жизнь японцев. Еще в начале XX столетия железнодорожные компании, обеспечивающие пригородное сообщение крупнейших городов — Токио, Осака, Нагоя, Кобэ, Киото, — приступили к беспрецедентному строительству жилых кварталов и даже небольших городов, крупных универсальных магазинов, фешенебельных отелей около своих терминалов. Кроме того, эти компании создали возле своих транспортных линий учреждения культурного назначения: театры, картинные галереи, спортивные сооружения. Частные компании все шире развивают туризм, вторгаются в информационный бизнес, включая кабельное телевидение и компьютерные сети. Необходимо отметить, что такого всеобъемлющего воздействия железнодорожных компаний на культурную жизнь и быт людей история еще не знала. [1, с. 8].

В условиях глобализации мировой экономики и либерализации национальных рынков в XX в. Япония одной из первых (в 1981 г.) приступила к широкомасштабной приватизации государственных железных дорог. Японская модель приватизации оказалась весьма удачной. После десятилетнего спада в деятельности государственной корпорации «Кокутэцу» вновь образовавшиеся вместо нее три из семи крупнейших железнодорожных компаний быстро вышли на режим самоокупаемости и возвращают многомиллиардный долг, оставшийся от «Кокутэцу», государству. Приватизация государственных железных дорог усилила конкуренцию в области перевозок. Но развитие железнодорожного транспорта Японии и после приватизации остается под контролем государства, которое регулирует тарифы на перевозки, дает рекомендации, а частично и финансирует на коммерческой основе новое строительство. Такое гибкое сочетание государственных и рыночных рычагов регулирования отрасли дает заметные положительные результаты. Оно придало новый импульс научно-техническому прогрессу в области железнодорожного транспорта. [2, с. 219].

Так, в начале XXI в. высокоскоростная пассажирская железная дорога была проведена на четвертый крупный остров Японии – Хоккайдо. Он соединен с островом Хонсю самым протяженным в мире подводным тоннелем – Сейкан (64 км). Японцы уже приступили к строительству самой длинной в мире железной дороги системы "маглев" (поезда на магнитной подушке движутся, не касаясь рельс). Линия свяжет Токио и Нагоя (286 км), а путь займет всего 40 минут. К 2027 г. её продлят до Осака (550 км от Токио). Частично строительство должно окупиться за счет продажи японской технологии "маглев" США.

В области пассажирского железнодорожного транспорта японские инженеры сделали новый серьезный технологический прорыв, что сказывается на резком увеличении конкурентоспособности их железнодорожной отрасли на международном рынке.

Если в XX в. Япония была вне конкуренции, то уже в первой четверти XXI в. ее все активнее теснит Китай на азиатском рынке. Поднебесная обогнала Японию по протяженности внутренних скоростных дорог и продолжает наращивать темпы нового железнодорожного строительства у себя дома. При этом, переходя от импорта немецкой техники и технологии к отечественной, КНР достигла больших успехов в создании собственной модели скоростного движения.

Особо обостряется конкурентная борьба за строительство скоростных железнодорожных линий на рынках крупных азиатских стран. Если Япония завоевала основные позиции в области строительства скоростных железных дорог в Индии, то в Индонезии ожесточенная конкурентная борьба между Японией и КНР только разворачивается. Бесспорно, что создание протяженной железной дороги на магнитной подушке "маглев", окажет значительный демонстрационный эффект и создаст дополнительные преимущества в ходе конкурентной борьбы с Китаем на рынках других крупных азиатских стран.

Иная ситуация складывается в области грузового железнодорожного транспорта Японии. Пройдя стадию расцвета в период экономического чуда 1960 – 70-х годов, он утратил своё былое значение в обеспечении грузовых перевозок внутри страны. Причиной этого стала не только обострившаяся конкуренция со стороны автодорожного транспорта и прибрежного судоходства, но и контейнеризация многих грузов. Конечно, в ходе реализации плана "Нью фрейт-21" было сделано много в деле технического перевооружения основной грузовой железнодорожной кампании "Нихон Камоцу Тэцудо", но этого оказалось недостаточным. Объем перевозок насыпных и наливных грузов и грузооборот на железнодорожном транспорте уменьшались и относительно, и абсолютно, а контейнеров – стагнировало.

Возрождение грузового железнодорожного транспорта Японии видится на путях расширения перевозок внешнеторговых грузов. Прорывными явятся так называемый Северо-Японский железнодорожный транспортный коридор. Согласно этому проекту предполагается соединить сеть железных дорог Японии с общеевропейской сетью железных дорог через порт Вакканай (о. Хоккайдо) и порт Корсаков (о. Сахалин), где будет проложен туннель под проливом Лаперуза (возможно, мост над ним) и Ванино — Холмск (о. Сахалин), где проектируется туннель под Татарским проливом. Этот проект транспортного коридора между Японией и Европой японцы рассматривают наряду с планом создания железнодорожного сообщения между портом Симоносэки и портом Пусан (Южная Корея). Железнодорожный транспортный коридор как альтернатива морскому транспортному пути из Азии в Европу будет способствовать увеличению эффективности транспортировки грузов между Японией и Европой. [1, с. 165].

С открытием Северо-Японского железнодорожного транспортного моста воплотится в жизнь одно из предвидений видного американского ученого и политического деятеля Ляруша о ключевой роли железнодорожных транспортных коридоров, и в том числе между Японией и материковой частью Азии, в обеспечении экономических связей между «полюсами роста» в Европе и Азии.

Список литературы

1. Авдаков И.Ю. Железные дороги Японии: от вестернизации до глобализации. – М.: ИВ РАН, 2012., с. 165.
2. Саакян Ю.З., Трудов О.Г., Савчук В.Б. Мировой опыт реформирования железных дорог.

Акимов А.В.
**ВЛИЯНИЕ РОБОТИЗАЦИИ НА ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СТРАН
ВОСТОКА: ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ**

Д.э.н., Заведующий Отделом экономических исследований,
Институт востоковедения РАН
akimovivran@mail.ru

В последние годы накапливавшиеся в течение десятилетий успехи в развитии разных технологий привели к созданию широчайшего спектра производств, в которых человек практически не нужен. Такая ситуация кардинально меняет сложившуюся систему социальных и экономических отношений.

Робототехника наиболее заметная часть новых технологий в области трудосбережения, но помимо нее успешно развивается целый ряд других технологий, приводящий к тем же последствиям для рынка труда, что и робототехника. К таким технологиям относятся станки с числовым программным управлением (ЧПУ), искусственный интеллект, аддитивные технологии, а также создание крупных машин и их комплексов для горных работ и перевалки насыпных грузов. Кроме того, существуют уже привычные технологии, которые в свое время (несколько десятилетий назад) произвели революционные изменения в ряде отраслей.

Роботы отличаются от станков с ЧПУ большим количеством степеней свободы при выполнении работ, но станки с ЧПУ выполняют работу по программе, также как и роботы, вытесняя квалифицированный персонал (станочников). Искусственный интеллект в основном заменяет лиц умственного труда, включая низкоквалифицированных инженеров, офисных работников, а также врачей при диагностике и даже преподавателей при проверке эссе студентов, так как эти системы способны обучаться, если в них введены работы, ранее оцененные преподавателями.

Из аддитивных технологий наиболее известны трехмерные лазерные принтеры, способные распечатать трехмерное изделие по программе путем послойного нанесения пластических масс с различными добавками. Цельный предмет получается путем склеивания или спекания.

Крупные машины в горном деле отличаются большой производительностью, способны переваливать огромные количества породы, что вытесняет подземный способ добычи, где нужны шахтеры, заменяя его карьерным способом разработки месторождений.

Примерами старых технологий в области трудосбережения являются механизация сельского хозяйства, контейнерные перевозки, вытеснившие докеров в портах, магазины самообслуживания и торговые автоматы, заменяющие продавцов, дистанционное банковское обслуживание и банкоматы.

Таким образом, в современной экономике накоплены многочисленные

технологии, заменяющие человека и при этом не только не ухудшающие результат, а в большинстве случаев повышающие производительность, и качество, снимая человеческий фактор в производстве.

Перечисленные технологии развиваются, и их внедрение расширяется. Уже можно определить тренды и их влияние на социально-экономические процессы в различных частях мировой экономики. Для основных стран Востока и их групп можно выделить следующие наиболее важные тенденции.

Япония, Республика Корея, Тайвань и Сингапур:

1. Япония имеет крупнейший парк роботов в обрабатывающей промышленности, и японские фирмы лидируют в мировом производстве роботов технологически и по объемам выпуска. В Республике Корея достигнут самый высокий уровень роботизации промышленности (531 робот на 10 тыс. занятых). Сингапур занимает второе место – 398, на третьем Япония – 305. На Тайване установлено 190 роботов на 10 тыс. занятых в промышленности. Самая «роботизированная» страна в Европе, Германия имеет уровень 301 роботов, а США – 176. [4]. Несмотря на уже достигнутый высокий уровень роботизации промышленности, Япония и Корея продолжают наращивать парк промышленных роботов, устанавливая их ежегодно примерно столько же, сколько устанавливается в Северной Америке (табл. 1).

2. Япония занимает исключительное положение как крупнейший разработчик и производитель роботов. В ней реализуется программа развития робототехники, которая нацелена на внедрение роботов во все сферы жизни общества. Цель программы – сделать Японию сверхдержавой в сфере роботизации (Robotics Superpower).

Задачи Японии в ходе революции – стать мировым центром нововведений в области робототехники (innovation hub of the world), стать мировым лидером по широте использования роботов в повседневной жизни, лидировать в сфере Интернета вещей (роботы объединяются в информационные сети через Интернет), построения роботов с искусственным интеллектом и объединением их в сети.

Что касается применения роботов в промышленности, то тут акцент делается на их использование в малом и среднем бизнесе, поскольку крупные фирмы уже широко используют эту технику. В качестве перспективной сферы применения роботов рассматривается сфера услуг. Речь в стратегии идет о безбарьерной среде для роботов к 2020 г., то есть об их широком применении в быту.

В целом, программа носит общенациональный характер, нацелена на технологическое лидерство, опирается на имеющиеся достижения. [5].

Таблица 1. Поставки многоцелевых роботов по странам, число роботов.

	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2019 г.
Китай	57096	68556	90000	160000
Индия	2126	2065	2600	6000

Япония	29297	35023	38000	43000
Республика Корея	24721	38285	40000	46000
Тайвань	6912	7200	9000	13000
Таиланд	2657	2556	3000	4500
Прочие страны Азии и Австралия	10635	6873	7600	13200
Северная Америка	31029	36444	38000	46000
Европа	45559	50073	54200	68800

Ист: [2, p.18]

Китай:

1. КНР лидирует в мире по темпам роста парка роботов. Развиты и другие трудосберегающие технологии. Много импортруется, но КНР входит в число лидеров по темпам роста использования роботов в производстве.

2. Трудосберегающие технологии обеспечат КНР продолжение экономического роста при стареющем населении. В КНР принят десятилетний план под названием "Made in China 2025" [3], цель которого, сделать Китай одним из технологических лидеров в мире в течение ближайших лет. Согласно этому плану к 2020 г. число роботов на 10 тыс. занятых в КНР должно достичь 150. Уже в 2015 г. продажи роботов в КНР были выше, чем суммарные продажи в ЕС. См. Табл. 1.

3. Трудосберегающие технологии сужают рынок труда, особенно для сельского населения.

4. Возникает угроза разделения Китая на современный развитый городской и отсталый сельский.

5. Сохранение сильной централизованной власти, обеспечивающей перераспределительные процессы в обществе, создает механизм, способный решать проблемы занятости при использовании трудосберегающих технологий.

Индия:

1. Индия – мировой лидер оффшорного программирования, а вся робототехника нуждается в программировании, что создает заказы на этот вид деятельности. Индия является мировым лидером в предоставлении ИТ-услуг. Как подчеркивает Н.Н.Цветова, Индия уже является крупным экспортером услуг в этой сфере, имеет подготовленных специалистов и высокие рейтинги привлекательности для иностранных инвесторов в ИТ-услуги. [1, Глава 2]

2. Трудосберегающие технологии способны поднять производительность труда во всех отраслях хозяйства. Уже сейчас в Индии предпочтение отдается открытой добыче угля, в автостроении широко применяются импортные роботы, но по насыщенности промышленности роботами и по темпам роста их парка Индия сильно отстает от Китая (см. табл.1).

3. В Индии имеется инженерная школа и достаточно квалифицированных рабочих для проектирования и производства собственной современной

техники. Уже сейчас в Индии развито производство станков с ЧПУ.

4. Трудосберегающие технологии способны подорвать рынок труда в Индии и вызвать социальные волнения разрушительной силы. Индия не имеет централизованной системы планирования и управления социально-экономическими процессами, подобной китайской, и более подвержена угрозам, возникающим при развитии трудосберегающих технологий.

Новые индустриальные страны:

1. Промышленность этой группы стран уже имеет робототехнику и другие трудосберегающие технологии. Например, Таиланд устанавливает больше роботов, чем Индия (см. табл.1). Количество промышленных роботов велико в автопроме и электронике. Филиалы транснациональных компаний устанавливают современное оборудование повсеместно. Как отмечается в готовом докладе Международной федерации робототехники (International Robotics Association) в 2015 г. большой рост парка роботов наблюдался в Малайзии, Сингапуре и Вьетнаме. [2].

2. Распространение робототехники создает угрозу основному конкурентному преимуществу новых индустриальных стран – дешевой рабочей силе. Производство может проиграть конкуренцию, экспорт уменьшится, возникнет необходимость ориентации на рынки развивающихся стран с новой конкурентной средой.

Капиталоизбыточные нефтеэкспортеры:

1. Робототехника может отчасти решить проблему этой группы стран, состоящую в том, что местная рабочая сила не способна и не желает работать в промышленности. Местное производство может быть налажено на основе импорта современных трудосберегающих технологий.

Бедные страны с быстро растущим населением (Пакистан, Бангладеш, Афганистан, Йемен):

1. Импортные трудосберегающие технологии могут быстро повысить производство во всех сферах хозяйства.

2. Трудосберегающие технологии способны блокировать социальное развитие, поскольку многочисленная малоквалифицированная рабочая сила не нужна мировому рынку.

3. Массовая безработица способна вызвать эмиграцию и социальные волнения.

4. Внешняя помощь может оказаться единственным вариантом социально-экономического развития.

Очевидно, что модель догоняющего развития, состоявшая в экспортоориентированной индустриализации, находится под угрозой, поскольку трудосберегающие технологии обесценивают одно из основных конкурентных преимуществ развивающихся стран – дешевую рабочую силу.

Стратегия догоняющего развития может измениться в пользу большей ориентации на внутренний рынок или внешние экономические связи в большей степени будут ориентированы по линии Юг-Юг, то есть между развивающимися странами.

В то же время в Восточной Азии сформировался центр мировой обрабатывающей промышленности, который не только конкурентоспособен в экономическом соревновании с Европой и США, но и технологически опережает их в важных аспектах производства.

Список литературы:

1. Цветкова Н.Н. Информационно-коммуникационные технологии в странах Востока: производство товаров ИКТ и ИТ-услуг. М., ИВ РАН, 2016.
2. Executive Summary World Robotics 2016 Industrial Robots <http://www.ifr.org/news/ifr-press-release/world-robotics-report-2016-832/> (09.02.2017)
3. Made in China 2025 <https://www.csis.org/analysis/made-china-2025> (14.02.2017)
4. Presentation Market Overview World Robotics 29.09.2016 IFR <http://www.ifr.org/industrial-robots/statistics/> (10.02.17)
5. Summary Japanese Robot Strategy http://www.meti.go.jp/english/press/2015/pdf/0123_01c.pdf (14.02.2017)

Александров Ю.Г.
ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В
РАЗВИВАЮЩИХСЯ И ПЕРЕХОДНЫХ ЭКОНОМИКАХ

Д.э.н., Главный научный сотрудник
Институт востоковедения РАН
Центр исследования общих проблем современного Востока
georgal2@yandex.ru

Тема охватывает время движения авангарда развивающихся стран Востока от индустриализации 1950-1980-х годов к открытым экономикам 1990-2010-х годов на базе трудоинтенсивных технологий ТНК с постепенным приращением элементов постиндустриальных производительных сил. В годы индустриализации самым актуальным было противоречие между избытком неквалифицированной рабочей силы в обстановке «демографического взрыва» и трудосберегающими промышленными технологиями. Несоответствие индустриальных технологий социальным условиям развивающихся стран было особенно явным в густонаселенных странах Южной, Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Там возник феномен «дуальных» экономик с замкнутым на себя промышленным сектором, который был огражден своими трудосберегающими технологиями от рабочей силы эродировавшего традиционного сектора, а таможенными границами - от конкуренции мирового рынка.

В дальнейшем именно страны ДВ и ЮВА стали авангардом перехода к открытым экономикам и к созданию высокотехнологических отраслей, став «азиатскими тиграми». Соответственно, перед ними встали незнакомые прежде задачи в отношении количественных, и качественных характеристик трудовых ресурсов. Сложность возникающих проблем стимулирует поиск новых инструментов для их анализа. Наряду с изучением демографических процессов и мобилизации трудовых ресурсов все больший интерес вызывает оценка их характеристик как человеческого и культурного капитала. Первое (*человеческий капитал*), уже общепринятое, относится к качеству рабочей силы с точки зрения ее способности создавать доход. Второе (*культурный капитал*), предложенное американским культурологом Лоуренсом Харрисоном, - добавление к существующим понятиям капитала. Этот инструмент может использоваться при оценке того, создает ли та или иная культура благоприятные условия для экономического развития и социального прогресса либо, наоборот, препятствует им. Это «набор ценностей, который может быть назван “универсальной культу[образование, успех, достоинство, бережливость и этичное поведение. [6, 6-8]

Наряду с «тиграми» образовалась группа азиатских переходных экономик: Китай, Вьетнам, бывшие среднеазиатские республики СССР. В период социалистической индустриализации противоречие между избытком трудовых и дефицитом капитальных ресурсов решалась в них нерыночными

мобилизационными способами: с использованием массовой кооперации рабочей силы на операциях, технологически допускавших замену машин ручным трудом. Но затем кризис системы социализма дал старт переходу этих стран от централизованных распределительных систем к рыночным экономикам. Те из этих стран, кто в свое время более других преуспел в индустриализации, столкнулись не только с задачей преодоления экономической отсталости и включения в мировую экономику, но и с проблемой модернизации своей громоздкой и технологически отсталой тяжелой промышленности. В Азии это, в первую очередь, Китай и Казахстан.

Китай в 1980-е годы приступил к радикальному ограничению роста населения («одна семья – один ребенок») и одновременной мобилизации избыточных сельских трудовых ресурсов для трудоинтенсивных отраслей городской экономики. Начав с аграрной реформы и создания крупного экспортного сектора промышленности, в 2000-е годы он стал разворачиваться к общей модернизации экономики. Такая стратегия включает развитие внутренних регионов, технологическое обновление промышленности и поворот от ресурсоемких к высокотехнологичным, наукоемким и ресурсосберегающим технологиям. Тем не менее, Китай предстает как крупнейшая в мире страна индустриального труда. Численность фабричных и заводских рабочих превышает 460 млн. человек. Это в своей массе дисциплинированная и грамотная рабочая сила, которая организована в контролируемые государством централизованные профсоюзы, но, в принципе обладает высоким протестным потенциалом. Развитие китайской экономики идет генеральным курсом повышения производительности труда. Но это еще не отменяет потребность в новых больших контингентах трудящихся. Однако к настоящему времени здесь накопились серьезные противоречия. Одно из них неравноправие недавних сельско-городских мигрантов. Но это проблема, сравнительно легко поддается административному решению. Гораздо сложнее неблагоприятные последствия ограничения рождаемости, которое жестко проводится с 1980 года. На это накладываются новые процессы: продолжающийся отток в города населения быстро стареющей деревни, изменение демографического поведения горожан в сторону малодетной семьи при формировании системы потребностей, присущей индустриальному обществу. В результате уже с 2012 г. в стране отмечается абсолютное сокращение прироста трудоспособного населения - на 2,5-3,5 млн. человек в год. При такой тенденции. уменьшение трудовых ресурсов может к 2030 г. достичь почти 30 миллионов. [5]. Поэтому в самое последнее время китайское руководство начало вносить некоторые, пока незначительные послабления в практику демографического контроля, опасаясь при этом, однако, нового нарастания демографического давления на ограниченные природные и социальные ресурсы страны.

Казахстан. Ко времени распада СССР более 95% рабочей силы Казахстана составляли наемные трудящиеся государственного сектора. Из них около 25% в аграрном секторе, 20% в промышленности, 10% в строительстве,

всего 7,5% в торговле и услугах. Численность населения составляла 16,5 млн. чел. Но катаклизмы 1990-х годов привели к драматическим изменениям. Население уменьшилась до 15 млн. чел. и вернулась к исходному уровню только в 2010 г. В ходе спада и перестройки экономики почти в 2 раза сократилась доля занятых в промышленности, а в аграрном секторе она, наоборот, увеличилась с четверти до трети мелких хозяйств в результате распада дробления сельскохозяйственных предприятий. Процент самостоятельно занятого населения с низкой производительностью и доходами достигал 45%, безработных -10-15% [1, 165-171]. К настоящему времени, однако, картина заметно изменилась. Население увеличилось до 17,7 млн. с годовым приростом 1,5%. Занятость в государственном секторе установилась на уровне 30% против 65% в частном секторе. По сравнению с советским временем радикально изменилась ее структура: 20% в промышленности строительстве, 18% в аграрной экономике, более 60% в сфере услуг. Около 75% приходится на наемный труд, более 25% - на самостоятельно занятых. Основная часть из 2329 тыс. самостоятельно занятого населения трудится в сельском хозяйстве - 1100 тыс., торговля и услуги – 600 тыс., транспортных услугах – около 220 тыс. [2, с. 9-19, 88-90, 95,100]. Государственное руководство Казахстана видит перед собой задачу активизации трудовых ресурсов и подготовки кадров для повышения производительности труда и реализации промышленных и инфраструктурных задач «Стратегии 2005». Решаться она должна как национальная задача социально-экономической модернизации - «главного вектора развития Казахстана». Иначе говоря, завершения процесса трансформации казахстанского народа в современное общество. В общем виде она сформулирована в установочной статье Н. Назарбаева «Социальная модернизация Казахстана. Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда» (10.07.2012).[3]

«Новые производства, новые системы образования и науки, развитие среднего класса, расширение социальных гарантий вызовут большие изменения в сознании казахстанцев. А это будет требовать своевременной корректировки всей системы социальных отношений», - написал Н. Назарбаев. «Сегодня важно культивировать в обществе положение о том, что государство – не бесконечный донор, а партнер, создающий условия для роста благосостояния граждан». Поэтому «стратегия государства строится в направлении от социальной защиты к социальному прогрессу». «Только в этом случае казахстанское общество сможет преодолеть инерцию патернализма». Говоря о «целостной модели социальной модернизации», Н. Назарбаев назвал ряд задач. В том числе: «Создать эффективную модель социально-трудовых отношений, в основе которой будут механизмы партнерства государства, частного сектора и профессиональных объединений». Также «создать условия непрерывного роста среднего класса, зарождения и развития креативного класса – главных движущих сил инновационной экономики». К 2020 г. доля малого и среднего бизнеса в ВВП

должна составить 40%, - квалифицированных специалистов в структуре занятости тоже 40%. «Внедрить новую мотивацию к трудовой деятельности и благополучию, основанную на высокой ответственности личности и бизнеса, партнерском взаимодействии всех субъектов трудовых отношений с государством». Н. Назарбаев уделил особое внимание вовлечению в общественный сектор трудовых ресурсов непомерно разросшейся «серой» экономики и самозанятости. Но при этом должно быть разработано новое законодательство о социальных стандартах и гарантиях, которое придет на смену принципам советского социального обеспечения.

В отношении модернизации социальных институтов в образовании было интересно то, что позже, помимо прочего, указало на необходимость поэтапного перехода к трехязычному обучению: казахский (доминирующий), русский и английский языки [4]. С 2019 г., по некоторым предметам обучение в 10–11-х классах переводиться на английский язык. В этом видно сходство с практикой Малайзии в повышении значимости английского языка при сохранении как главного языка титульного этноса. Но в отличие от Сингапура, в котором английский язык стал доминирующим во всей системе образования. В здравоохранении принципиальная задача: «развитие такой формы страховой медицины, при которой ответственность за здоровье разделяют три стороны: человек, его работодатель и государство». Равным образом, и некоторые другие черты сходства с этими государствами просматриваются в общей постановке задачи о приведении всех социальных институтов в соответствие с задачами строительства «экономики знаний» для общества XXI века.

Список литературы

1. Александров Ю.Г. Казахстан перед барьером модернизации. - М. ИВ РАН, 2013.

2. Казахстан в 2015 году. Комитет статистики РК. – Астана, 2016. [Электронный ресурс].

URL:http://www.stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/publicationsCompilations?_afLoop=17656366602143161#%40%3F_afLoop%3D17656366602143161%26_a df.ctrl-state%3D1a85zxd2q1_104. (02.03.2017).

3. Назарбаев Н. Социальная модернизация Казахстана. Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда». [электронный ресурс]. URL: Stat.kz/pages/socialnaya_modernisaciya.aspx. (26.02.2017)

4. Назарбаев Н.Н. Послание Президента РК народу Казахстана 31.01.2017. [Электронный ресурс]. URL:[-http://yk-news.kz/news/%D0%BE%](http://yk-news.kz/news/%D0%BE%). (31.01.2017)

5. Почагина О. Изменение политики «одна семья – один ребенок» в Китае – причины и ожидаемые результаты // Проблемы Дальнего Востока. ИДВ РАН, № 3 2014. С. 96-101.

6. Харрисон Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты. Культурный капитал и конец мультикультурализма. Пер. с англ. – М., Серия: Библиотека Фонда «Либеральная миссия». 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://philocv.files.wordpress.com/2016/06/harrison1.pdf>. (06.01.2017).

Бабенкова С.Ю.
**ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ «ТЕНЕВОЙ
ЭКОНОМИКИ» АРАБСКИХ СТРАН**

К.э.н, Научный сотрудник,
Институт востоковедения РАН
Центр арабских и исламских исследований
sbabenkova@ivran.ru

Вопросы «теневой экономики» всегда вызывали у экономистов достаточно большой исследовательский интерес. Среди известных зарубежных ученых, исследовавших «теневую экономику» - Фридрих Шнайдера, над терминологией и экономической сущностью вышеуказанного понятия работал такой Эрнандо де Сото, который достаточно подробно в своей книге «Иной путь» описал причины становления и развития нелегальной экономики в Перу. В настоящее время отсутствует единое как определение самого понятия «теневая экономика», так и единая методологическая база расчетов ее объемов, данные, приводимые в том, числе по арабским странам являются неоднородными. Применяемые методы расчета объемов «теневой экономики» имеют достаточно широкий диапазон: от «прямых» (метод исследования, метод налогового финансового аудита), до «косвенных» (расчет разницы между официальными и фактическими данными по количеству рабочей силы, национальными расходами и доходами, МIMIC модель и т.д.), в расчетах, применяемых в вышеприведенных методиках используются эмпирические данные. Последние данные по расчету «теневой экономики» некоторых арабских стран, приведенные в исследованиях оканчиваются 2005-2006 гг., то есть они полностью не учитывают событий последних 10 лет, происходивших в странах Ближнего Востока.

Структура «теневой экономики» в любой стране мира практически одинаковая, в том числе это коррупционная составляющая, уход от налогов, незаконная миграция, нелегальная контрабанда наркотиков и торговля людьми. Фактически катализатором возрастания объемов «теневой экономики» может служить: уменьшение легального сектора производства, отток денежных средств за рубеж, в том числе посредством денежных переводов физических лиц, мошеннические операции.

События Арабской Весны, военные действия в Ливии, Йемене, Сирии, Ираке, прямым негативным образом повлияли на экономики арабских стран, включая Монархии Персидского залива. Вышеуказанные события привели, в том числе к увеличению контрабанды наркотических и психотропных средств и возрастающим объемам нелегальной трудовой миграции и работоторговли. Согласно Глобальному индексу рабства «2,54% или приблизительно три четверти миллиона человек являются рабами на Ближнем Востоке и в Северной Африке.» Также по некоторым данным доходы от работоторговли составили от 34 млрд. долл. США до 150 млрд. долл. США. Величина

миграционных потоков увеличилась в связи с Сирийскими событиями. По данным ILO (Международной организации труда) к концу 2015 года: 32 млн. чел. мигрантов прибыло в районы стран Персидского залива, 10 % трудовых мигрантов со всего мира принимает у себя КСА и ОАЭ, более 80 % населения Катара и ОАЭ составляют трудовые мигранты.

Большие объемы переводов денежных средств мигрантами, например, из стран таких стран как Бахрейн, Кувейт, Оман, Катар, ОАЭ, КСА общая сумма составила 100 млрд. долл. США. Относительно коррупции в рабских странах необходимо отметить, что сущность понятия «коррупция» не так строго зафиксировано в арабских странах, как в западных. Многие «дополнительные» платежи, например, за открытие бизнеса практически легальны на территории той или иной арабской страны¹, также инвестиционное законодательство арабских стран предполагает контрольное участие местного жителя в работе зарубежной фирмы (нередко в качестве совладельцев выступают гос. служащие или работники правоохранительных органов и органов безопасности).

Расчет объемов «теневого экономики» в западных странах некоторые экономисты производят исходя из сумм налоговых платежей и сборов. Аналогичный показатель для арабских стран не является основным, в связи с тем, что многие представители среднего класса (в западно-экономическом понимании этого термина) осуществляют свою деятельность без использования ККТ, ведения счетов бухгалтерского учета или иных контрольных инструментов, по которым можно определить обороты бизнеса и соответственно определить налоговую базу и уровень налогов

Для рассмотрения в целом экономического положения некоторых арабских стран, ниже в таблице 1 приведены показатели:

- CPI - Индекс восприятия коррупции (за 2015 год), расчет которого производит компания Transparency International. Критерии оценки- 0-самый высокий уровень восприятия коррупции, 100 – самый низкий уровень восприятия коррупции;

- Failed States Index – Индекс слабости государств (за 2015 год). Комплексный показатель, характеризующий способность (и неспособность) властей контролировать целостность своей территории, а также демографическую, политическую и экономическую ситуацию в стране. Критерии оценки- Надежный 10-30, Стабильный 40-60, Предупреждающий 70-90, Тревожный 100-120.

- CRP – country risk premium – страновой риск. Риск, с которым сталкиваются инвесторы при принятии решения об осуществлении инвестирования в суверенные страны. Он отражает экономические, финансовые, политические и институциональные факторы и зависит от многих политических событий, которые могут привести к значительным потерям в стоимости и качестве инвестиций. Согласно карте странового риска

¹ Например, дополнительный «налог или платеж», который платится одновременно владельцу помещения арендатором в Иордании

PwC (за 2016 г), все страны Ближнего Востока имеют «очень высокий» уровень странового риска, кроме стран Персидского залива, они имеют «очень низкий» уровень странового риска, также «высокий» уровень имеют Тунис и Иордания, Марокко.

Таблица 1

Сводная информация странам Ближнего Востока (Индекс восприятия коррупции, Индекс слабости государств, Страновой риск, объемы «теневого экономики»)

Наименование страны	CPI (100)	Country risk premium	Индекс слабости государств (FSI)	Объем теневого экономики (%) (2007/2015) ²
1	2	3	4	5
Qatar	71	0,77%	50	18,4/20
UAE	70	0,77%	50	23,5/20
Jordan	53	6,95%	80	17,2/44
KSA	52	0,93%	50	16,8/20
Bahrain	51	3,40%	50	17,1/20
Kuwait	49	0,77%	50	17,9/20
Oman	45	1,09%	50	17,6/20
Tunisia	38	5,56%	80	35,4/50
Egypt	36	10,05%	90	33,1/60
Morocco	36	3,86%	80	33,1/44
Algeria	36	-	80	31,2/60
Lebanon	28	8,50%	90	32/20-25
Iraq	16	-	110	-/67
Libya	16	-	100	30,9/30-40
Syria	18	-	110	18,5/80
Yemen	18	-	110	26,8/60-80

Перспективы развития «теневого экономики» в арабских странах во многом зависят от развития политической ситуации в Сирии. Сирийский конфликт возможно локальный по своей некой географической составляющей, но международный или мировой по своей экономической составляющей. Действующая на территории Сирии и Ирака ИГИЛ (ДАИШ) (*запрещенная в России террористическая организация*) наглядный практический пример «теневого экономики», которая негативно отражается на деятельности всех страна MENA. Кроме прекращения вооруженных конфликтов, и как следствие уменьшения нелегальных людских, финансовых потоков, наркотрафика и т.д., одним из факторов уменьшения объемов «теневого экономики» будет формирование среднего класса в арабских странах (мелкого и среднего предпринимательства), который будет расти благодаря грамотным действиям органов власти в финансовой, налоговой, социальной

² Данные приведены за период 2011-2015 гг из неофициальных источников. Необходимо отметить, что данные по некоторым странам Персидского залива отсутствуют, но целесообразно предположить, что они будут равняться в среднем 20%. Данные за 2007 год (кроме Катара, ОАЭ, Бахрейна, Кувейта, Омана-данные за 2005 год) из исследования Friedrich Schneider. The Shadow Economy and Work in the Shadow: What Do We (Not) Know?. Discussion Paper No. 6423 [Электронный ресурс] - IZA DP - March 2012. - Режим доступа: <http://ftp.iza.org/dp6423.pdf>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ.

политике. Государство должно работать для народа, а не для обогащения чиновничьего аппарата, потому что по словам Шейха Зайда ибн Султана Аль-Нахайяна: «Ни один правитель не может быть счастлив, когда беден и несчастлив его народ».

Список литературы:

1. Friedrich Schneider. The Shadow Economy and Work in the Shadow: What Do We (Not) Know?. Discussion Paper No. 6423 [Электронный ресурс] - IZA DP - March 2012. - Режим доступа: <http://ftp.iza.org/dp6423.pdf>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ.

2. Sharon Buchbinder. Sex, Lies and Crime: Human Trafficking in the Middle East. The Islamic Monthly - [Электронный ресурс] – 27 апреля 2015 – Режим доступа: <http://theislamicmonthly.com/sex-lies-and-crime-human-trafficking-in-the-middle-east/>, свободный - Загл. с экрана. – Яз. англ.

3. Labour Migration [Электронный ресурс]. – International Labor Migration – 2015 - Режим доступа <http://www.ilo.org/beirut/areasofwork/labour-migration/lang--en/index.htm> - свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ.

4. Трансперенси Интернешнл Россия. Центр Антикоррупционных исследований и инициатив [Электронный ресурс] – 2016- Режим доступа: URL: <https://www.transparency.org/>, свободный. – Загл. с экрана. – Язык англ.

5. Country risk premia quarterly update [Электронный ресурс] - PwC - 2016- Режим доступа: <http://www.pwc.co.uk/services/economics-policy/insights/country-risk-premia-quarterly-update.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ.

6. Бабенкова С.Ю. «Теневая экономика» в странах Ближнего Востока: причины, риски, последствия // Ученые записки Российской академии предпринимательства «Роль и место цивилизованного предпринимательства в экономике России». – М.: Издательство Агентство печати «Наука и образование», 2016. – Вып. XLVIII. – С 7-36.

7. Филоник А.О. ИГ: от безумной идеи к коллапсу экономики [Электронный ресурс] – М., РСМД – 27 января 2017. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8639#top-content, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

Белокреницкий В.Я.
СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЭВОЛЮЦИИ ПАКИСТАНА

(к вопросу о капиталистическом или протокапиталистическом развитии).

Д.и.н., к.э.н., Профессор, Заместитель директора,
Заведующий Центром изучения стран БСВ
Институт востоковедения РАН
enitsky@yandex.ru

В докладе затронуты две темы. Первая - это особенности социально-экономической эволюции Пакистана на современном этапе, который наступил, как представляется, после установления власти военными в конце 1970-х годов. В научной литературе содержится интересный материал по характеру трансформаций, выявивший дискуссию между сторонниками различных взглядов, главным образом левых, неомарксистских, на специфику пакистанских социальных, экономических и политических проблем. Вторая часть доклада посвящена разбору некоторых такого рода точек зрения.

Докладчик исходит из наличия двух больших периодов в экономической и социальной истории Пакистана. Первый этап занял 30 лет с 1947 г., второй продолжается уже 40 лет. Что позволяет видеть водораздел в приходе к власти летом 1977 г. военных по главе с генералом М. Зия уль-Хаком? Казалось бы, сам по себе военный переворот произошел не впервые в истории Пакистана и не в первый раз власти использовали исламскую идеологию для усиления контроля над обществом. Однако совершенный тогда госпереворот имел другие последствия, не изжитые до сих пор. Военные, хотя и находились у руля правления страной с 1958 по 1971 гг., но не смогли воспользоваться этим для решительного укрепления своих позиций. Дело в том, что само утверждение военных как корпорации еще не состоялось, а правящими кругами в 1950-60-х годах проводилась политика поощрения крупной по местным меркам буржуазии. В выигрыше от пребывания военных у власти на том этапе оказались торгово-промышленная буржуазия и высшая гражданская бюрократия. Именно по их позициям нанес удар З.А.Бхутто, пришедший к власти в самом конце 1971 г. Его популистская политика не только ослабила позиции буржуазно-бюрократических кругов, но подготовила почву для консолидации военных в качестве корпорации путем укрепления материальной основы их могущества. Этому способствовало вовлечение созданных ранее благотворительных военных фондов в процесс накопления капитала и осуществление ими прямых инвестиций в реальный сектор экономики.

За приходом к власти армии в 1977 г. последовало широкое вовлечение действующих и отставных военных в административно-управленческий аппарат. Армия при Зия уль-Хаке сделала ставку на поддержку консервативных, прежде всего клерикальных, кругов, не подорвав акцент на

сохранение в экономике решающей роли госсектора при сохранении зависимого от государства частного корпоративного сегмента.

Конец 1970-х годов служит водоразделом также из-за двух других причин - социальной трансформации деревни и роста трудовой миграции за рубеж. Преобразование традиционной сельской структуры явилось следствием «зеленой революции», начавшейся в Пакистане в первой половине 1960-х годов. Под влиянием технологического прогресса традиционная система отношений в деревне (сельская община) уже к концу 1970-х годов была серьезнейшим образом подорвана. Взаимообмен между общинниками-землевладельцами и ремесленниками («слугами общины») достаточно быстро деградировал. В отличие от индуистского ареала, где традиционные отношения в общине (система *джаджмани*) освящались религией и связанными с ней обычаями, иным было положение в мусульманских деревнях основной земледельческой провинции страны Панджаба, где подобная система носила название *сейти*. Освобожденные новыми условиями рынка ремесленники, не испытывая давление кастовой системы, оказались востребованными в качестве мастеров по ремонту сельскохозяйственной техники (электрических насосов для орошения полей, тракторов, других сельхозмашин и приспособлений) и изготовлению аналогов импортных инструментов и механизмов.

С 1970-х годов наблюдался заметный рост стоимости и цены рабочей силы вследствие открывшегося канала выезда за границу, по-преимуществу в разбогатевшие за счет добычи и экспорта нефти страны Аравийского полуострова и Персидского залива. Многократно увеличился поток перечислений от трудовых мигрантов домой. Заработанные средства обычно направлялись на покупку недвижимости (земли и строений) и улучшение материальных и бытовых условий жизни в родной деревне или близлежащих поселениях городского и полугородского типа.

Наиболее мобильными с точки зрения поиска работы обычно оказывались представители неземлевладельческой прослойки жителей деревень, что в целом во многом перевернуло традиционную иерархическую пирамиду – крестьяне-собственники земли оказывались часто менее обеспеченными, социально продвинутыми, проявляли в частности меньше склонности к образованию детей, чем представители ранее зависимого и приниженного населения.

В Пакистане на современном этапе эволюции наблюдается усиление малого, сверхмалого и среднего предпринимательства в промышленности, торговле, на транспорте и в сфере услуг. Это явление можно охарактеризовать как укрепление «нижнего яруса» капитализма [1, с.501-513]. В результате возрос общий и экспортный потенциал неформального сектора промышленности, на который приходится подавляющая часть занятых процессом обработки сырья и полуфабрикатов. Мелкие и средние предприятия давали, по данным на конец 2000-х годов, до 30% вклада обрабатывающей промышленности в ВВП и до 25% промышленного экспорта

[2].

Смягчение социальных проблем (полной безработицы) за счет относительно более быстрого роста не верхнего, а нижнего яруса экономики сопровождалось крупными издержками - сохранением низкого качества продукции, поступающей на внутренний и внешний рынки, медленным накоплением капитала и незначительным ростом производительности труда. Весьма негативно сказывалось на экономическом прогрессе страны отставание в развитии базовых отраслей промышленности и объектов производственной инфраструктуры.

Своеобразие пакистанского пути социально-экономического развития привело к различиям в его оценке, которое вылилось в заочную дискуссию о характере капитализма в стране и ключевых свойствах его государственной системы. Преподаватель Торонтского университета (Канада) Т. Амин-Хан опубликовал в 2012 г. книгу с обоснованием теории принципиальных различий между постколониальным развитием Пакистана и Индии [3]. Отталкиваясь от факта самостоятельной и значительной социально-политической роли класса крупной буржуазии в Индии, он полагает, что эта освободившаяся от колониальных оков страна с самого начала встала на путь капиталистической эволюции, а государство приобрело соответствующий капитализму характер. Между тем, в Пакистане не буржуазия, а класс феодалов, латифундистов, определил особенности государства, общества и социально-экономической эволюции. Он не без основания утверждает, что на момент раздела колониальной Индии в 1947 г. на территории Пакистана промышленной буржуазии по существу не было, а впоследствии она целиком зависела от государства, которое на определенных этапах поощряла превращение богатых торговцев и посредников в промышленных капиталистов, а на других – подавляла и уничтожала слой крупных предпринимателей. На этом основании Амин-Хан относит постколониальную эволюцию Пакистана к разряду *протокапиталистических*. Понимает он это развитие, исходя из текста книги, двояким образом - и как предкапиталистическое, и как квази-капиталистическое.

Анализ канадского автора выполнен в рамках леворадикального неомарксистского подхода. Критике с его стороны подвергаются оба пути современной модернизации в рамках «глобальной сети капитализма-империализма».

С тезисом о предкапиталистической эволюции Пакистана не согласен влиятельный пакистанский экономист С.А.Заиди, тоже принадлежащий к левому направлению общественной мысли. В статье, опубликованной ведущим индийским журналом этого направления «Экономик энд политикал уикли», он подчеркивает специфику как экономической, так и политической системы Пакистана, но не ставит под сомнение ее капиталистическую сущность. При этом Заиди отмечает большие социальные перемены, которые произошли в последние десятилетия (на современном этапе) в пакистанской деревне и городе, которые превратились, по его мнению, до известной степени

в единое социально-экономическое пространство. Тезис о сохраняющейся отдельной и влиятельной силе в лице феодальных (квази-феодальных) землевладельцев он не разделяет, подчеркивая размытость класса помещиков-абсентеистов, возникновение новых групп латифундистов из числа отставных военных и гражданских бюрократов и появление широкого слоя некрупных предпринимателей в аграрной и аграрно-промышленной сферах [4]. Сходные выводы делает и еще один пакистанский автор того же направления Т.Рахман. Сравнивая пакистанскую модель капиталистического развития с образцами эволюции в рамках других постколониальных государств, он отмечает возникновение небольшого современного промышленного сектора и «гигантской сферы мелкотоварного производства и малоформатного капитализма (small-scale capitalism)» [5, с. 228]

Представляется, что точка зрения двух последних авторов более соответствует реальности. Пакистанский вариант социально-экономической эволюции принципиально не отличается от индийского, хотя имеет некоторые специфические черты, существенные для понимания его особенностей.

Список литературы:

1. О понятии нижнего и верхнего яруса на пакистанском примере см: В.Я. Белокреницкий. Пакистан : динамика «двухъярусного» капитализма, глава 13 коллективной монографии Капитализм на Востоке во второй половине XX в. Отв. ред. В.Г.Растянников, Г.К.Широков. М.: Восточная литература, 1995.
2. Zaidi S.A. Issues in Pakistan's Economy. Karachi: Oxford University Press, 2011.
3. Amin-Khan, T. The Post-Colonial State in the Era of Capitalist Globalization. Historical, Political and Theoretical Approach to State Formation. London: Routledge, 2012.
4. Zaidi, S.A. : Class, State, Power, and Transition. Rethinking Pakistan's Political Economy//Economic and Political Weekly. Vol. 49, No.5, February 2014. Republished by Viewpoint//<http://viewpointonlinenet/2014/01/vp186/rethinking-pakistan-s-p...> Accessed 16.06.2015.
5. Rahman T. The Class Structure of Pakistan. Karachi: Oxford University Press, 2012.

Бойцов В.В.
ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ И ХОЗЯЙСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН
ЮВА

К.и.н., Доцент кафедры экономики и экономической
географии стран Азии и Африки ИСАА МГУ
v.boitsov@mail.ru

Под импортозамещением обычно подразумевают хозяйственную политику, рассчитанную на замещение импортной продукции товарами местного производства, а в более отдаленной перспективе и на ускорение и диверсификацию промышленного развития национальных экономик молодых национальных государств. Однако для стран ЮВА, как и для некоторых других развивающихся стран, стратегия импортозамещения не ограничивалась только индустриальными отраслями, а охватывала и другие сферы хозяйства и в том числе аграрное производство. Так, в странах рассматриваемого региона, в особенности в Малайзии, Индонезии и на Филиппинах, импортозамещение предполагало значительное увеличение производства продовольственных товаров и решение тем самым проблемы нехватки продуктов питания за счет собственных ресурсов.

Реализация программы импортозамещения осуществлялась, прежде всего, благодаря расширению старых видов производства, во-вторых, обновлению уже сложившегося ассортимента продукции и, в-третьих, становлению новых отраслей хозяйства и их дальнейшей модернизации. Как правило, импортозамещающее производство значительной части традиционных потребительских товаров являлось сферой мелкого и среднего производства. Поэтому развитие этих отраслей сочеталось в странах ЮВА с поддержкой мелких и средних товаропроизводителей. В то же время становление и модернизация новых для этих стран видов производства происходило не только при институциональной и финансовой поддержке государства, но и при участии иностранного капитала, государственного и частного, преимущественного в ссудной форме.

На первом этапе импортозамещение в странах региона охватывало производство простейших потребительских товаров, что позволяло без больших затрат в условиях нехватки квалифицированной рабочей силы наладить выпуск дешевых товаров повседневного использования. Опережающими темпами развивались текстильная, обувная, пищевая, табачная и т. п. отрасли промышленности. Практически одновременно с этим было начато производство строительных материалов, металлов и металлоизделий, необходимых для строительства и реконструкции производственных и инфраструктурных объектов.

Следующий этап импортозамещения в странах ЮВА происходил на фоне перехода этих стран и в первую очередь Сингапура, Малайзии, Таиланда, Индонезии и Филиппин к новой стратегии экономического развития –

экспортоориентации. Этот этап был отмечен появлением в этих странах все более технически сложных и дорогостоящих отраслей современной экономики – химической промышленности, электротехники, транспортного машиностроения и некоторых других, продукция которых могла быть реализована не только на внутреннем, но и на внешнем рынке и таким образом пополнить номенклатуру экспортоориентированных отраслей. В тех же странах региона, где импортозамещающая модель предполагала лишь простое замещение импортируемых традиционных потребительских товаров, как например, в Мьянме (Бирме), происходила консервация устаревшей структуры и общего отсталого технического уровня их производства. Не меньше, если не больше закрепляла общую экономическую, структурную и технологическую отсталость некоторых стран ЮВА их экономическая изоляция, вызванная либо стратегией «опоры на собственные силы», либо введенным против них внешним санкционным режимом, как это имело место в той же Мьянме, а также в Камбодже. В то же время намерения отдельных стран региона, как, например, Малайзии, наладить производство станков и некоторых других видов производственного оборудования, чтобы снизить зависимость своего хозяйства от их поставок из-за рубежа, оказались не реализованными как из-за чрезмерных расходов, так и из-за ограниченности внутреннего рынка и отсутствия ясной перспективы самостоятельного выхода с новой дорогостоящей продукцией на монополизированный международный рынок. В любом случае эта фаза импортозамещения, в отличие от предыдущего этапа, потребовала намного большего, абсолютного и относительного, участия иностранных финансовых, материально-технических и интеллектуальных ресурсов, главным образом из частных источников.

На первых парах практика импортозамещения в странах ЮВА сопровождалась сокращением, если не абсолютного размера, то вклада импортной продукции в совокупное предложение. Так, доля импорта во всем его объеме с 1960 по 1970 гг. сократилась в Таиланде на 1,4 п.п., в Индонезии – на 2,8 п.п. и в Малайзии – на 14,6 п.п. [1]. Благодаря импортозамещению на Филиппинах, где стратегия импортозамещения получила развитие несколько раньше, чем в других соседних странах, в 1955 – 1960 гг. за счет импортозамещения было произведено практически 100% текстиля, почти 70% стали, свыше 40% металлоизделий [2, с.148].

Становление, диверсификация и модернизация импортозамещающих отраслей в таких странах региона, как Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия, Филиппины и позднее – Вьетнам предполагали возрастающий приток инвестиционных товаров, а также технологий, лицензий на их использование и т.п. По мере перехода этих стран к новому этапу импортозамещения и нарастанием экспортоориентированного производства потребности в станках и оборудовании, знаниях и «ноу-хау», а также деталях, компонентах и сырье для последующего использования в

производственном процессе только увеличились. Наконец, наряду с ростом импорта технических и интеллектуальных услуг все большее распространение получил импорт и других видов услуг – транспортных, торгово-посреднических, финансовых, риэлтерских, туристических и др. Всего доля услуг в совокупном импорте товаров и услуг достигла к 2015 г. во Вьетнаме 3,6%, в Малайзии, а также в Лаосе – 6,1 %, в Таиланде – 10,4%, в Камбодже – 17,1%, в Индонезии – 20,6%, в Сингапуре – 32,3%, на Филиппинах – 32,4% и в Брунее – 38,8%. Все это, вместе взятое, послужило стимулом, иногда весьма значительным, ускоренного роста их импортной торговли. В связи с этим объем импорта товаров и услуг с 1970 по 2015 гг. увеличился в ценах 2005 г. в Сингапуре (с 1980 г.) в 16,8 раза, на Филиппинах – в 23,7 раза, в Таиланде (по 2014 г.) – в 24,6 раза, в Индонезии – в 29,9 раза, во Вьетнаме (с 1990 г.) – в 33,7 раза и в Малайзии – в 34,9 раза, тогда как во всем мировом хозяйстве – только в 8,8 раза. В результате на фоне насыщения рынка продукцией собственного производства произошло не столько сокращение, сколько увеличение вклада импортной продукции во внутреннее совокупное предложение: в Индонезии – с 14,8% до 20,9%, на Филиппинах – с 21,9% до 31,3%, в Таиланде – с 18,6% – до 67,1%, во Вьетнаме (с 1990 по 2010 гг.) – с 41,4% до 74,1% [1].

В то же время расчеты показывают³, что на протяжении большей части рассматриваемого периода, т.е. с 1960 по 2015 гг., фактор импортозамещения в странах ЮВА характеризовался минусовыми показателями, что свидетельствовало о значительном преобладании в приросте ВВП этих стран факторов спроса и экспортной экспансии. Даже в 1960 – 1970 гг., отмеченных наибольшей интенсивностью в реализации импортозамещающей модели на ее первом этапе в большинстве стран региона, положительные значения этого фактора были зафиксированы только в одной из них – в Малайзии (12,0%).

Значение импортозамещения как фактора прироста ВВП в странах ЮВА стало возрастать лишь с началом 2000-х гг. Те же расчеты свидетельствуют, что в указанные годы индикаторы эффективности импортозамещения вновь стали приобретать положительные значения, причем не только в какой-либо одной стране региона, как это было в 1960 – 1970 гг., а сразу в нескольких. Так, в 2000 – 2010 гг. показатели эффективности импортозамещения достигли положительных значений не только в Малайзии (19,1%), как это было в начале рассматриваемого периода, но и на Филиппинах (3,9%), а в 2010 – 2015 гг. еще в одной стране ЮВА – в Индонезии (6,9%). При этом, если на Филиппинах в 2010 – 2015 гг. показатель эффективности импортозамещения как фактора прироста

³ Расчеты произведены по формуле: $\Delta Y = d_1 \cdot \Delta S_1 + \Delta X + (d_2 - d_1) \cdot S_2$;

ΔY – прирост ВВП, S_1 и S_2 – внутреннее предложение ресурсов ($Y-X+M$) в начале и в конце периода, d_1 и d_2 – доли внутреннего производства в начале и в конце периода во внутреннем предложении ресурсов ($Y-X$)/($Y-X+M$);

Y – ВВП, X – экспорт, M – импорт. [3, с.104]

ВВП остался практически на том же, что и в 2000 – 2010 гг., уровне, то в Малайзии впервые в регионе засвидетельствовал о превращении его в важнейший фактор роста общественного производства, составив 56,1% [1].

Таким образом, заметный рост эффективности импортозамещения в указанных странах наметился, как следует из приведенных фактов, только на втором этапе импортозамещения, рассчитанным на кардинальную структурную перестройку хозяйства этих стране, появление там новых современных видов производства и повышение их общего технологического уровня. Все это предполагало значительные объемы капиталовложений и в особенности высокую степень участия в них иностранных инвесторов, способных обеспечить не только финансовую, но и технологическую состоятельность новых инновационных проектов в сфере импортозамещения, а также возможность их быстрой и эффективной перенастройки на экспортоориентированное производство. Поэтому такой ход импортозамещения имеет наиболее благоприятные перспективы лишь в тех случаях, когда активная поддержка импортоориентированных отраслей становится для иностранных инвесторов не менее привлекательной, чем размещение своих капиталов в экспортоориентированных отраслях производства.

Список литературы

1. The World Bank. World Data Bank. World Development Indicators. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.databank.world.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>;
2. Индустриализация средних стран Азии/Отв. ред. Г.К. Широков. – М.: Издательство «Наука», 1988;
3. В.А. Мельянцев. Развитие и развивающиеся страны в эпоху перемен. – М.: ИД «Ключ-С», 2009.

Борисов М. Г.
ВОСТОК В РУСЛЕ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

К.э.н., Старший научный сотрудник
Институт востоковедения РАН
Отдел экономических исследований
mg.borisov@yandex.ru

Анализ нынешнего состояния технологических разработок в области альтернативных источников энергии приводит к заключению, что на обозримую перспективу мировая энергетика сохранит преимущественно углеродный характер. В этом же убеждает успешный технологический прорыв в освоении ранее неизвлекавшихся источников углеводородов, обеспечивший значительное увеличение предложения и, соответственно, снижение цены горючих источников энергии. Ископаемое топливо по-прежнему будет доминировать среди источников первичной энергии, хотя и с тенденцией к снижению доли. К 2035 году на него придется 82% потребленной в мире первичной энергии против 87% в 2010 году [3, р. 7]. Доля новых возобновляемых источников энергии будет возрастать и составит к 2035 году 8%, атомная и гидро- энергетика сохранят доли в 5%-6% [6, р. 74].

Потребность в первичной энергии. Наибольший прирост потребления энергии ожидается в развивающихся странах Азии при крайне незначительных или нулевых приростах в Северной Америке и Западной Европе. После 2020 г. рост потребления энергии в развитых странах прекратится. К 2050 г. почти 60% мирового потребления энергии придется на Китай, Индию и Ближний Восток [Рассчитано по данным: 6, р. 81, pp. II.45-II.52]. Этот прогноз основан на анализе взаимообусловленности ВВП, его энергоёмкости и душевого энергопотребления в различных группах стран. Как в развитых, так и в развивающихся странах энергоёмкость ВВП снижается, поскольку ВВП растёт быстрее энергопотребления; что же касается удельного энергопотребления (как соотношения потребления энергии и численности населения), то оно растёт повсеместно: в развитых странах имеет место небольшой рост потребления энергии (вследствие увеличения энергоэффективности) при ещё меньшем росте (или стагнации) численности населения, в развивающихся же странах рост численности населения выше, но при этом рост потребления первичной энергии ещё выше. Вследствие этого среднедушевое потребление энергии в разных группах стран заключено в достаточно узком коридоре и темпы роста душевого энергопотребления приблизительно одинаковы для всех групп стран, что обусловлено опережающими темпами энергоэффективности в развитых странах при более высоких темпах роста населения в развивающихся государствах.

Восток, как экономически крайне неоднородный регион, демонстрирует значительный разброс прогнозных показателей потребления первичной энергии, однако перспективные тенденции, даже в отсталых и застойных

странах соответствуют мировым трендам. 46% прироста потребности в первичных энергоносителях на Востоке придется на Восточную Азию, 24% - на Ближний Восток, 15% - на Южную Азию, 9% - на Юго-Восточную Азию, 6% - на Центральную Азию и Закавказье [Рассчитано по данным: 1, pp. 11.28, 11.45-11.52].

Структура потребления первичной энергии. Что касается перспективных изменений структуры потребления первичной энергии, то различные регионы Востока, особенно богатые углеводородами Ближний Восток и Северная Африка и «обделенные» крупными запасами ископаемого топлива, адекватными масштабам их экономик, Восточная, Южная и Юго-Восточная Азия, демонстрируют значительные отклонения от общемировых тенденций.

Уголь сохранит главную роль в ТЭБах Восточной и Южной Азии, при том, что среднегодовые темпы прироста его потребления составят здесь лишь 1,6% (темпы потребления всех источников энергии будут 2,6%) и доля угля в потреблении первичной энергии региона снизится с 45% в 2010 г. до 40% в 2050г., в КНР темпы прироста потребления угля составят только 1,4%, однако доля страны в мировом потреблении угля возрастет с 47% в 2010 г. до 53% в 2050 г. за счет быстрого уменьшения доли угля в ТЭБах развитых стран (рост потребления угля в мировом масштабе составит в 2010-2050 гг. лишь 0,2% в год). [Рассчитано по данным: 1, pp. II.30-II.33]. При этом доля КНР в региональном потреблении будет падать вследствие высоких темпов потребления в Индии поскольку при ограниченных возможностях увеличения импорта газа в ближайшей перспективе обеспечение энергией быстрого роста экономики этой страны возможно лишь через увеличение потребления местного и, более дешевого, чем газ, импортного (в основном, индонезийского) угля.

Южная, Восточная и Юго-Восточная Азия обеспечат наибольшие в мире абсолютные приросты потребления газа. На КНР придется 28% роста мирового потребления [5, p. 6]. Ближний Восток продемонстрирует второй по величине в мире рост потребления. Доля региона в мировом потреблении газа увеличится с 13% в 2010 г. до 20% в 2035 г. [4, p. 5].

Страны Азии обеспечат более 3/4 мирового спроса на нефть — топливо, доля которого в мировом ТЭБе будет постоянно падать. К 2030 г. КНР станет крупнейшим в мире потребителем. Третьим (после США) потребителем нефти станет Индия [3, p. 7].

Электроэнергетика. Если в развитых регионах, рост производства электрической энергии будет на 80% обеспечен возобновляемыми источниками энергии (ВИЭ), то в развивающихся странах Востока рост генерации на те же примерно 80% будет идти за счет ископаемого топлива. Несмотря на усилия топливодефицитных стран Азии по опережающему развитию неуглеродной электрогенерации, позиции горючих источников энергии там останутся незыблемыми. В Южной Азии доля угля в производстве электроэнергии почти не изменится (62% в 2035 г. против 64% в 2010 г.) доля

газа возрастет с 15% до 17%, доля атомной энергетики возрастет незначительно (с 2% до 6%), а доля гидроэлектроэнергетики даже снизится с 16% до 14%)[2, р. 84]. В Юго-Восточной Азии, вопреки общемировой тенденции, доля угля в электрогенерации будет расти (с 27% до 53%), при этом (опять против общемирового тренда) уменьшится доля газа (с 49% до 33%) в связи с тем, что лидерство Индонезии на рынке сжиженного газа сменилось ее превращением в ведущего экспортера угля [2, р. 84]. Электроэнергетика Восточной Азии останется крупнейшим в мире потребителем угля, хотя его доля в производстве электроэнергии снизится с 73% в 2010 г. до 53% в 2050 г., доля газа более чем удвоится (с 5% до 11%), доля гидроэнергетики практически не изменится (14% против 15%), доля атомной энергетики возрастет вдвое (с 5% до 10%). [Расчитано по данным: 1, pp. 11.353- 11.370, 2, pp. 84-86]. На Ближнем Востоке и в Северной Африке генерация по-прежнему почти целиком будет базироваться на нефти и газе (при возрастающей доле последнего), что и не удивительно при их изобилии. В Центральной Азии и Закавказье структура производства практически не изменится: доля гидроэнергетики незначительно снизится (с 30% до 27%), доля газа повысится с 34% до 40%, доля угля останется практически неизменной (22% против 21%).[Расчитано по данным: 2, р. 113].

Атомная энергетика будет развиваться на Востоке вопреки снижению ее доли в общемировой генерации с 16% в 2010 г. до 14% в 2035 г. [3, р. 7]. Почти все строящиеся и запроектированные реакторы локализуются в Азии — в Китае — 24, в респ. Корея — 6, в Индии — 4, в Иране — 2, во Вьетнаме, Пакистане и Таиланде — по 1. Азиатские страны не отказываются полностью от наращивания производства электроэнергии даже этим, не имеющим широкой коммерческой перспективы, однако неуглеродным способом (исключение — Япония, отказавшаяся в 2014 г. от строительства новых энергоблоков). В Респ. Корея использование атомного сырья останется основой электроэнергетики (32% - в 2010 г. и 34% к 2035 г.) [2, р. 181].

Рост производства электроэнергии на ГЭС в одних регионах Востока (Ближний Восток, Северная Африка) наталкивается на природные ограничители, в других (Южная, Юго-Восточная Азия) сопряжены с острыми межстрановыми противоречиями по вопросам водопользования а также перенаселенностью. Поэтому в целом по региону Востока этот вид генерации будет расти наименьшими среди всех способов получения электроэнергии темпами с прогрессирующим снижением доли в общем производстве. 72% прироста мощностей придется на Китай, где прогнозируется почти двукратное увеличение выработки. [5, р. 8]. Вместе с этим, запланировано крупное строительство ГЭС в Мьянме и Лаосе (ориентированное на китайский рынок) а также в Бутане и Непале (с перспективными поставками электроэнергии в Индию). Эти страны к 30- м годам войдут в число крупнейших в мире экспортеров электроэнергии, выработанной на ГЭС. Для Таджикистана, Киргизии, Армении, Грузии, Шри-Ланки ГЭС останутся основой электроэнергетики с медленным снижением доли в общем производстве [2, pp.

123, 132, 148, 163, 313].

Баланс производства и потребления энергии. Увеличение потребления первичной энергии в ВА, ЮВА и ЮА будет серьёзно опережать рост ее производства. Растущий дефицит будет покрываться импортом. Нетто-импорт ископаемого топлива вырастет здесь в 2010-2050 гг. в 2 раза [Рассчитано по: 2, р. 30]. Ближний Восток и Северная Африка дают противоположную ситуацию: увеличение производства первичной энергии в 2010-2035 гг. здесь будет в 1,5 раза превышать рост ее потребления [4, р. 4]. Эта часть Востока сохранит свою роль главного мирового экспортера углеводородов. ЮВА к 2030 г. превратится из нетто-экспортера в нетто-импортера энергоносителей. Повысится роль Прикаспийского региона и Центральной Азии на рынках всех энергоносителей. Общемировая тенденция (характерная и для Востока в целом) такова, что количество нетто-экспортеров первичной энергии уменьшается при соответствующем увеличении числа нетто-импортеров. Восток в целом останется нетто-экспортером и будет включать в себя как крупнейших нетто-продавцов, так и нетто-покупателей.

Поскольку темпы роста ВВП опережают темпы роста потребления первичной энергии, регион, очевидно, «справится» как с ростом инвестиций в растущее производство, так и с финансированием возрастающих объёмов импорта энергоносителей, имея в виду появившийся в последнее время «стабилизатор» и «ограничитель» цены на нефть (а также на связанные с ней цены на другие энергоносители) — уровень рентабельности мировых сланцевых проектов. Растущая зависимость от изменчивых мировых рынков первичной энергии, очевидно, не ляжет тяжким бременем на балансы текущих операций большинства стран этого самого динамичного региона мира.

Список литературы

1. Energy balances of non-OECD countries. P., IEA, 2012.
2. Energy outlook for Asia and the Pacific. Mandaluyong City, Asian development bank, 2013.
3. International energy outlook 2016. U.S. Department of energy. W., DC, 2016.
4. Middle East energy outlook. Dubai, 2012.
5. Ying Fan. Energy demand and supply in China. N.Y., Center for energy and environmental policy research, 2014.
6. World energy outlook. P., IEA, 2011.

Бочарова Л.С.
АРАБСКИЙ МИР БЕЗ НЕФТИ: ПОТЕНЦИАЛ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ ВОЗОБНОВЛЯЕМОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

К.э.н., Доцент кафедры экономики и экономической
географии стран Азии и Африки, ИСАА МГУ
bocharovaludmila@mail.ru

Большинство ученых отмечают, что энергетические системы, основанные на доминировании традиционных источников энергии, не могут обеспечить устойчивого экономического роста. Во-первых, они ограничены и, как показывают исследования, в скором времени истощатся. Во-вторых, увеличение их использования ведет к серьезным климатическим катаклизмам. В-третьих, часть стран импортируют углеводороды и найти им замену просто жизненная необходимость.

В докладе о состоянии альтернативной энергетики в арабских странах, обнародованном организацией «Арабский форум по вопросам окружающей среды и развития» (AFED) отмечается, что арабским странам следует пересмотреть свое отношение к нефти, отменить энергетические субсидии и активно инвестировать в возобновляемую энергетику. А пока прибыли от продажи нефти и газа имеют решающее значение, обеспечивая в среднем 36% совокупного ВВП. При этом цифры существенно разнятся: от 33% в ОАЭ до 88% в Саудовской Аравии и Катаре и 97% в Алжире и Ираке. Нефть и газ обеспечивают 97% внутреннего рынка арабского региона в энергоресурсах. В документе подчеркивается неэффективность использования углеводородов, содержится призыв направить эти средства на развитие возобновляемых источников энергии и сконцентрироваться на энергосбережении. Как представляется, для этого есть веские основания.

На целесообразность и экономическую выгоду развития альтернативных видов топлива указывает при прочих равных условиях тот факт, что на страны Ближнего Востока и Северной Африки приходится 45% всего мирового потенциала возобновляемой энергии. В 2005 году в абсолютных цифрах это составляло 54294,5 Мтое и превышало количество электроэнергии, производимой в изучаемом регионе в топливном эквиваленте практически в 73 раза [1, С.1-31]

Несмотря на значительные возможности для развития возобновляемой энергетики, в структуре топливно-энергетического баланса на нее приходится 6% (12GW). Если исключить гидроресурсы, то удельный вес альтернативных источников энергии опустится до 1% [3, С. 6]

Учитывая наличие большого потенциала возобновляемых источников топлива, большинство стран МЕНА анонсировали достаточно амбициозные цели в этой сфере.

Согласно опубликованным данным, Марокко уже в 2020 году планирует вырабатывать из альтернативных источников 42% совокупного потребления

энергии. Вдвое меньше будут соответствующие показатели по Египту и Мавритании. А вот нефтедобывающие государства планируют «разогнаться» лишь к 2030 году. Алжир хочет довести долю альтернативных источников до 40%, обогнав Саудовскую Аравию (30%) и Катар (20%). Амбициозные цели преследует и Тунис – 30%. Так или иначе, но большинство представленных стран всерьез задумываются над альтернативной энергетикой. Вместе с тем, часть государств Ближнего Востока и Северной Африки ПОКА не имеет или не анонсирует адекватных стратегий для работы с производством и распределением возобновляемой энергии.

Для успешной реализации зафиксированных целей необходимы разработанная законодательная база, создание институциональной структуры и хорошо продуманный инвестиционный климат. Лишь Алжир, Египет, Иордания, Марокко, Палестинская национальная администрация, Сирия и Тунис приняли закон, который определяет рамки производства и использования альтернативной энергии в стране. Судан и Йемен находятся в процессе его разработки.

До недавнего времени большинство инвестиций, которые направлялись на развитие альтернативной энергетике, были финансированы правительством, международными фондами и региональными банками развития [2, С.1-58] Сегодня гранты на развитие проектов в этой сфере предоставляют и национальные фонды, созданные в Алжире, Египте, Иордании, Марокко и Тунисе. Следует заметить, что они дифференцированы по масштабам и уровню развития. Масштабы Марокканского фонда содействия энергетическому развитию достигли \$1 млрд. Он состоит из государственных вложений, а также финансовых ресурсов Саудовской Аравии и ОАЭ. Национальный фонд Алжира по возобновляемой энергии, созданный в 2009 г., формируется за счет 0,5% сбора налоговых поступлений от продажи нефти и нефтепродуктов. Не совсем ясен механизм пополнения Иорданского фонда. Предполагается, что это будет происходить преимущественно за счет иностранных взносов. На стадии планирования находится создание подобных фондов в ОАЭ и Саудовской Аравии [4, С.1-38]

Некоторые арабские страны создают частные компании с государственной поддержкой для того, чтобы направлять ресурсы фондов в отечественное и международное развитие возобновляемой энергии. Ярким примером такой организации является «Масдар» в ОАЭ. Следует заметить, что он является одним из ключевых инвестиционных источников для развития "чистой энергии" на Ближнем Востоке [5, С. 1-49]

В ряде арабских стран разрабатываются инструменты для стимулирования альтернативной энергетике. Это прежде всего государственные субсидии, которые можно разделить на 3 вида:

- поддержка крупных производителей
- субсидии частным и малым проектам
- инвестиции в проекты через гранты, кредиты на льготных условиях и предоставление финансовых ресурсов для научно-исследовательской работы.

Субсидирование возобновляемых энергоресурсов направлено на то, чтобы снизить их цену для потребителя и компенсировать разницу с не возобновляемыми ресурсами, делая их конкурентоспособными и привлекательными для потребителя. Подобная стратегия должна вызвать заинтересованность как можно большего числа потребителей в альтернативных видах энергии, тем самым постепенно вводя ее в использование. Таким образом, субсидирование возобновляемых источников энергии – это вклад, который делает государство в улучшение экономической ситуации внутри своей страны и экологической ситуации во всем мире.

Следует отметить четкую направленность некоторых стран на использование конкретного вида альтернативных источников энергии. Абсолютным лидером по планируемым мощностям гелиостанций к 2030 г. будет Саудовская Аравия (41 000 MW), что в 4 раза превысит показатель по Алжиру (10 000 MW). В Кувейте мощности достигнут уровня 4150 MW, а в Марокко - 4000 MW. А вот в Тунисе и Йемене индикаторы не превысят 2000 MW и 104 MW соответственно.

Что касается Египта и Иордании, то они ориентированы на производство ветряной энергии. Ряд государств (Ливия, Марокко, Судан, Йемен) планируют развивать оба вида альтернативной энергетики в практически равных пропорциях по мощности. В Судане к 2031 г. произойдет увеличение мощности электроэнергии, получаемой от солнца до 717 MW, а от ветра до 680 MW. Аналогичную ситуацию можно наблюдать в Тунисе, который планирует к 2030 г. увеличить мощности солнечной электроэнергетики до 2000 MW, а ветряной до 1700 MW.

Ближневосточные страны, особенно государства Персидского залива, располагают лучшими условиями получения электричества из солнечной энергии и энергии ветра. Их ресурсов достаточно для насыщения не только внутреннего рынка, но и других регионов. В ближайшее время одной из главных задач становится создание глобальной инфраструктуры транспортировки и хранения такой энергии. Если удастся решить эти проблемы, то возможен экспорт энергии за пределы арабского региона, в том числе в страны Европы. При таком варианте развития доля альтернативной энергетики на Ближнем Востоке в ближайшем будущем вырастет во много раз. В настоящее время самым динамичным рынком в области возобновляемых источников является Саудовская Аравия. К 2032 году более 30% электроэнергии Королевство будет получать от солнечных батарей. В случае, если страна сформирует максимально благоприятный инвестиционный режим, показатели будут ещё выше. При этом движущей силой их роста будет не столько забота об окружающей среде или давление международного сообщества, сколько верный экономический расчёт.

Следует заметить, что переход к новым видам энергии не может быть осуществлен моментально. По мнению специалистов, в качестве своеобразного «моста» можно использовать один или несколько видов

традиционного топлива. Обсуждалась идея использования в этом качестве энергии ядерного синтеза или газа, при производстве которых наносится меньший ущерб окружающей среде. На сегодняшний день приоритет отдается газу.

Список литературы

1. Данные доклада Международного агентства по возобновляемой энергии «MENA Renewables Status Report 2013». - IRENA, 2016. [Электронный ресурс] URL: <http://www19.iadb.org/intal/intalcdi/PE/2013/12410.pdf> (25.12.2016)
2. Международное агентство по возобновляемой энергии «Pan-Arab Renewable Energy Strategy 2030. Roadmap of Actions for Implementation. - IRENA, 2014. [Электронный ресурс] URL: http://www.irena.org/DocumentDownloads/Publications/IRENA_Pan-Arab_Strategy_June%202014.pdf (5.01.2017)
3. Международное агентство по возобновляемой энергии «Renewable Capacity Statistics 2016».- IRENA, 2016. [Электронный ресурс] URL: http://www.irena.org/DocumentDownloads/Publications/IRENA_RE_Capacity_Statistics... (4.01.2017)
4. Региональный центр по возобновляемой энергии «The Regional Center for Renewable Energy and Energy Efficiency. «Energy Efficiency Indicators in RCREEE Member States 2014» -RCREEE, 2014 [Электронный ресурс] URL: http://www.rcreee.org/sites/default/files/energy_efficiency_indicators_in_rcreee_member_countries_web_may_2015_v11.pdf (5.01.2017)
5. Институт науки и технологии «Масдар». «Renewable Energy Prospects: United Arab Emirates. - Masdar Institute of Science and Technology, Abu Dhabi. 2015 [Электронный ресурс] URL: http://www.irena.org/REmap/IRENA_REmap_UAE_report_2015.pdf (6.01.2017)

Гордиенко Д.В.
**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЮЖНОЙ
КОРЕИ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ГЛОБАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ
ПРОЕКТОВ**

Доктор военных наук, профессор,
действительный член (академик) Академии военных наук
gordienko@ranepa.ru

Аннотация: Обеспечение экономической безопасности государства осуществляется в форме экономического патроната со стороны Правительства и Центрального банка, экономической кооперации и экономического противоборства с другими странами мира. В работе рассматриваются перспективы изменения уровня экономической безопасности Южной Кореи. Делается вывод, что уровень экономической безопасности Южной Кореи изменится при реализации Соглашения о Транстихоокеанском Стратегическом Экономическом Сотрудничестве.

Ключевые слова: Южная Корея, экономика, Азиатско-Тихоокеанский регион, Транстихоокеанское партнерство, Евразия, мировой финансово-экономический кризис, экономическая безопасность, уровень экономической безопасности, обеспечение экономической безопасности государства.

Транстихоокеанское партнёрство (ТПП; англ. *Trans-Pacific Partnership*, TPP) — международная торгово-экономическая организация, целью которой является создание зоны свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Организация создаётся на основе разрабатываемого торгового Соглашения между её участниками⁴. Действительными участниками ТПП остаются его четыре учредителя⁵, а также страны, которые ведут переговоры об условиях своего участия, а также о правилах нового торгового блока⁶. [1, 2]

Экономический патронат, как форма обеспечения экономической

4 Полное название документа — Соглашение о Транстихоокеанском Стратегическом Экономическом Сотрудничестве (англ. *Trans-Pacific Strategic Economic Partnership Agreement*). Подготовка проекта Соглашения ведется в абсолютной секретности переговоров при обсуждении его условий. Соглашение регулирует большой круг вопросов, связанных с правовой охраной интеллектуальных прав (доменные имена в Интернете, регистрация и защита товарных знаков, охраны авторских и смежных прав, ограничения в производстве дешёвых аналогов запатентованных лекарств и др.), с сельским хозяйством, телекоммуникациями, финансовыми услугами, таможенным сотрудничеством и тарифами, взаимными инвестициями и т. д. США отстаивают идею ввести порядок, при котором страну — члена ТПП можно было бы обязать поднять трудовые и экологические стандарты до определенного, «международного» уровня. Также США принадлежит инициатива учреждения в рамках ТПП особого суда для рассмотрения споров между транснациональными корпорациями и правительствами.

5 Предложение о создании ТПП было выдвинуто в 2003 году тремя странами — Новой Зеландией, Сингапуром и Чили. В 2005 году участником стал Бруней, в том же году четыре страны подписали соглашение об учреждении ТПП, вступившее в силу в 2006 году. В Соглашении об учреждении ТПП было заявлено, что его участники создали, в соответствии с нормами ВТО, зону свободной торговли.

6 Иными словами, когда говорят, что такая-то страна вступила в ТПП, имеется в виду, что она присоединилась к переговорам. В 2008 году данным проектом заинтересовались США, а затем Австралия, Вьетнам и Перу. В 2010 году переговоры о присоединении к ТПП начала Малайзия, в 2012 году — Канада и Мексика. В апреле 2012 г. США заявили о намерении включить в состав организации Японию, в марте 2013 Япония решила начать переговоры о вступлении в ТПП. С мая 2013 года было анонсировано начало переговоров по Японии, в предпринимательской среде Японии началось активное обсуждение перспектив вхождения в ТПП. С 2010 года по сентябрь 2013 года страны провели 19 раундов официальных переговоров по проекту соглашения о ТПП. 5 октября 2015 года в Атланте (США) было достигнуто соглашение по Транстихоокеанскому партнерству между 12 странами: США, Япония, Малайзия, Вьетнам, Сингапур, Бруней, Австралия, Новая Зеландия, Канада, Мексика, Чили и Перу.

безопасности государства⁷, в условиях глобализации определяет, прежде всего, реализацию (соблюдение) различных норм, касающихся функционирования национального хозяйства⁸ на экономической территории государства при наличии различных внешних и внутренних угроз. [3]

Очевидно, что эффективность реализации (соблюдения) соответствующих действующих норм функционирования национального хозяйства Южной Кореи⁹ по предупреждению, нейтрализации, локализации

⁷ В "Концепции экономической безопасности Российской Федерации" понятие "*экономическая безопасность <государства>*" определено как "*возможность и готовность экономики обеспечить достойные условия жизни и развития личности, социально-экономическую и военно-политическую стабильность общества и государства, противостоять влиянию внутренних и внешних угроз*". См.: Концепция экономической безопасности Российской Федерации. Основные положения. - М.: Научный совет при Совете безопасности Российской Федерации, 1994. В том же ключе это понятие трактуется и в «Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основные положения)», одобренной Указом Президента Российской Федерации от 29 апреля 1996 года № 608. В «Новой экономической энциклопедии» понятие "*экономическая безопасность <государства>*" определено как «*такое состояние экономики и готовность институтов власти, при которых обеспечиваются гарантированная защита национальных интересов по отношению к возможным внешним и внутренним угрозам и воздействиям, социально направленное развитие страны в целом, достаточный оборонный потенциал*». См.: Румянцева Е.Е. Новая экономическая энциклопедия. 2-е изд. – М.: ИНФРА-М, 2006. – VI, 810 с. По нашему мнению, **экономическая безопасность государства** может быть представлена как **состояние защищенности национального хозяйства от внешних и внутренних угроз**, при котором обеспечивается поступательное развитие общества, его экономическая и социально-политическая стабильность, не смотря на наличие неблагоприятных внешних и внутренних факторов.

Здесь и далее под *обеспечением экономической безопасности государства* понимается процесс обеспечения защищенности национального хозяйства от внешних и внутренних угроз на экономической территории государства. Другими словами, это процесс повышения или/и поддержания необходимого уровня защищенности национального хозяйства от внешних и внутренних угроз на экономической территории государства. Как представляется, закономерностями обеспечения экономической безопасности государства в условиях глобализации являются:

1. *Зависимость эффективности функционирования экономики, ее защищенности от внешних и внутренних угроз от степени обеспеченности ресурсами.*
2. *Зависимость эффективности обеспечения экономической безопасности государства от эффективности принятия специальных мер и использования специальных средств.*
3. *Зависимость эффективности принятия специальных мер обеспечения экономической безопасности государства, применения специальных средств в интересах обеспечения защищенности национального хозяйства от внешних и внутренних угроз, от наличия специализированной организационной структуры государства.*
4. *Зависимость эффективности обеспечения экономической безопасности государства от сосредоточения воздействия на экономику противостоящей в конкурентной (политической, военно-экономической) борьбе стороны.*
5. *Зависимость эффективности функционирования национальной экономики от характера ее взаимодействия с национальными хозяйствами других стран.*
6. *Зависимость степени защищенности национального хозяйства от внешних и внутренних угроз от уровня экономической безопасности государств, с которыми происходит экономическая кооперация в условиях глобализации, и степени взаимовлияния национального хозяйства на экономики других стран – сектора мирового хозяйства.*
7. *Зависимость степени защищенности национального хозяйства от внешних и внутренних угроз от уровня экономической безопасности государств, с которыми происходит экономической противоборство в условиях глобализации, и степени нереализованного взаимовлияния национального хозяйства на экономики других стран – сектора мирового хозяйства.*

⁸ По своей природе нормы функционирования национального хозяйства могут быть правовыми, законодательными, религиозными, политическими (идеологическими, концептуальными), этическими и пр. Эти нормы могут носить общечеловеческий, международный (межконфессиональный, межнациональный), региональный (конфессиональный, национальный), государственный (для России - общефедеральный), субгосударственный (для России – субъекта федерации) и т.д. характер.

⁹ Возможности национального хозяйства Южной Кореи характеризуются территорией (99 617,38 кв. км) и численностью населения (50,22 млн чел. (2013)) этого государства. Страна бедна полезными ископаемыми.

различных внешних и внутренних угроз и/или устранению их негативных последствий в условиях глобализации может быть рассмотрена на примере мирового финансово-экономического кризиса 2008 – 2010 гг. и посткризисного периода¹⁰.

Значения показателей экономической безопасности Южной Кореи, характеризующих экономический патронат со стороны Правительства и Центрального банка страны, представлены в табл. 1¹¹. [1 – 3]

Вблизи г. Самчхок добывают каменный уголь (1,6 млрд т), вольфрамовые и полиметаллические руды, магнетит. Полиметаллические руды имеют высокое содержание свинца и цинка (Су-вон). Имеющиеся медные (Косонь, Чинхе), марганцевые (Понхва), никелевые и молибденовые руды. Добывают также золото и серебро, разрабатываются залежи каолина, талька, известняка. На Корейском полуострове находятся крупнейшие в мире месторождения графита.

¹⁰ Возникновение самого мирового финансово-экономического кризиса можно трактовать как неэффективность реализации существующих к этому времени норм функционирования мирового хозяйства и его составляющих. Главными дисбалансами мировой экономики, приведшими к мировому финансово-экономическому кризису, эксперты называют: 1) дисбаланс между реальной стоимостью активов и объемов денежных средств, оборачивавшихся на финансовых рынках. Так, например, мировой рынок страхования банков от дефолта по кредитам составил к концу второго квартала 2008 года 62 трлн долл., что превысило размер мирового ВВП в 2007 году; 2) дисбаланс мирового роста. В годы, предшествующие кризису, многократно вырос разрыв между потреблением и уровнем национального производства в развитых странах G7 и ряде европейских государств, превратив их в крупнейшие долговые экономики и стимулировав приток капитала со всего мира; 3) дисбаланс между ростом капитализации компаний, доходности вложений в финансовый сектор и доходностью вложений в реальный сектор, ростом производительности труда. В результате у некоторых внешне вполне успешных компаний реального сектора до кризиса убытки от их производственной деятельности покрывались за счет спекулятивных операций на финансовых рынках; 4) дисбаланс между реальными возможностями и обязательствами потребителей. Прежде всего в США, сначала на ипотечном рынке, а затем на рынке потребительского кредитования. При этом глубина и продолжительность кризиса на экономических территориях различных государств мира определялись не только величиной этих дисбалансов, но и адекватностью принимаемых соответствующими государственными структурами антикризисных мер. Более подробно см., напр., *Набиуллина Э.* Экономическая политика в условиях кризиса – анализ и перспективы. // Экономическая политика, 2009, № 3. – С. 73 – 85; *Гордиенко Д.В.* Влияние мирового финансово-экономического кризиса на изменение уровня экономической безопасности государств мира. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 2010, № 18 (75). – С. 46 - 53.

¹¹ Пороговыми уровнями экономической безопасности Южной Кореи считаются: 1) для объема валового внутреннего продукта (ВВП) – 600 млрд долл. (в ценах 2003 года); 2) для валового сбора зерновых – 25 млн т. (масса до обработки); 3) для доли инвестиций в основной капитал – 16 % к ВВП; 4) для доли расходов на оборону – 2,0 % к ВВП; 5) для доли затрат на «гражданскую» науку – 1,5 % к ВВП; 6) для доли инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции – 15 %; 7) для доли машиностроения и металлообработки в промышленном производстве – 25 %; 8) для доли лиц с денежными доходами ниже прожиточного минимума во всей численности населения – 7 % к всему населению страны; 9) для децильного коэффициента дифференциации доходов населения – 8; 10) для уровня безработицы – 8 % к экономически активному населению; 11) для уровня монетизации – 25 % к ВВП; 12), 13) для внешнего и внутреннего долга – 40 % и 30 % к ВВП соответственно; 14) для доли расходов бюджета на обслуживание государственного долга – 20 % к общему объему расходов бюджета центрального правительства; 15) для дефицита бюджета центрального правительства – 3 % к ВВП; 16) для уровня инфляции – 25 %; 17) для объема золотовалютных резервов – 37,5 млрд долл.; 18) для отношения выплат по внешнему долгу к объему годового экспорта – 25 %; 19) для доли продовольствия, поступившего по импорту, в общем объеме продовольственных ресурсов – 20 %.

Предполагается, что *наименьшее возможное* значение i -ого *нормированного частного показателя экономической безопасности государства*, характеризующего уровень экономической безопасности государства, реализованный в рамках экономического патроната, $-\beta_{i,min} = 0,01$ – соответствует *наименьшему уровню экономической безопасности государства* при фиксированных значениях остальных частных показателей-индикаторов. И, наоборот, *наибольшее возможное* значение i -ого *нормированного частного показателя* $-\beta_{i,max} = 100$ – соответствует *наибольшему уровню безопасности национального хозяйства страны* также при фиксированных значениях остальных частных показателей-индикаторов. *Единичное* значение i -ого *нормированного частного показателя* $-\beta_i = 1$ – соответствует *пороговому уровню экономической безопасности государства*.

Экономическая кооперация Южной Кореи с государствами – участниками Транстихоокеанского партнерства может быть охарактеризована соответствующими показателями товарооборота этой страны в период с 2010 по 2020 гг. (табл. 2)¹². [3]

Расчетная формула *общего нормированного показателя* безопасности национального хозяйства j -ого государства – уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономического патроната, может иметь вид:
$$V_{ЭБ(ЭПатронат),j} = \prod_{i=1}^{19} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}}, \quad 0,01 \leq \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}} \leq 100,$$

где: $V_{ЭБ(ЭПатронат),j}$ – общий нормированный показатель уровня безопасности национального хозяйства j -ого государства, реализованный в рамках экономического патроната, $\alpha_{i,j}$ – вес i -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность j -ого государства, $\beta_{i,j}$ – значение i -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность j -ого государства. При одинаковой значимости 19-и компонент безопасности национальных хозяйств развитых государств мира *наименьшее возможное* значение общего нормированного показателя (уровня) экономической безопасности j -ого государства, реализованного в рамках экономического патроната, – $V_{ЭБ(ЭПатронат),j,min} = 10^{-38}$ – соответствует *наименьшему* уровню безопасности национального хозяйства страны. И, наоборот, *наибольшее возможное* значение этого показателя – $V_{ЭБ(ЭПатронат),j,max} = 10^{38}$ – соответствует *наибольшему* уровню экономической безопасности государства. *Единичное* значение общего (интегрального) нормированного показателя экономической безопасности государства – $V_{ЭБ(ЭПатронат),j} = 1$ – соответствует критическому уровню безопасности национального хозяйства, понижение которого определяет опасность для экономики j -ого государства. Это значение соответствует общему (интегральному) условному «порогу», который, тем не менее, дает представление о некоторой границе между состоянием защищенности и состоянием незащищенности национального хозяйства от внешних и внутренних угроз. **Источники:** Экономическая безопасность России: Общий курс: Учебник / Под ред. В.К. Сенчагова. – М.: Издательство «Дело», 2005. – 806 с.; Экономическая и национальная безопасность: Учебник / Под ред. Е.А. Олейникова. – М.: Издательство «Экзамен», 2004. – 768 с.; *Гордиенко Д.В., Сафонов М.С.* Экономическая безопасность России. Теоретический и методологический аспекты. Монография. – М.: Проспект, 2016. – 256 с. ISBN 978-5-392-21405-1; *Гордиенко Д.В., Камаев Р.А.* Обеспечение экономической безопасности государства в условиях глобализации. Монография. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2016, - 360 с. ISBN 978-5-00024-061-8 (АРГАМАК-МЕДИА); *Гордиенко Д.В.* Обеспечение экономической безопасности государства в условиях кризиса: учебное пособие. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХ и ГС, 2012. – 368 с.

¹² Предполагается, что *наименьшее возможное* значение k -ого нормированного частного показателя экономической безопасности государства, характеризующего уровень экономической безопасности государства, реализованный в рамках экономической кооперации с экономикой k -ого государства, – $\beta_{k,min} = 0,01$ – соответствует *наименьшему* уровню экономической безопасности государства при фиксированных значениях остальных частных показателей-индикаторов. И, наоборот, *наибольшее возможное* значение k -ого нормированного частного показателя – $\beta_{k,max} = 100$ – соответствует *наибольшему* уровню безопасности национального хозяйства страны также при фиксированных значениях остальных частных показателей-индикаторов. *Единичное* значение k -ого нормированного частного показателя – $\beta_k = 1$ – соответствует пороговому уровню экономической безопасности государства.

Расчетная формула уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономической

кооперации, может иметь вид:
$$V_{ЭБ(ЭКооперация),j} = \prod_{k=1}^K \left(\prod_{\substack{i=1 \\ k \neq j}}^{19} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}} \right)^{\frac{\alpha_{imp,j,k}}{19}} \times \left(\prod_{i=1}^{19} \beta_{i,k}^{\alpha_{i,k}} \right)^{\frac{\alpha_{exp,k,j}}{19}} \right)^{\frac{\gamma_{k,j}}{2}},$$

$$0,01 \leq \left(\prod_{i=1}^{19} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}} \right)^{\frac{\alpha_{imp,j,k}}{19}} \times \left(\prod_{i=1}^{19} \beta_{i,k}^{\alpha_{i,k}} \right)^{\frac{\alpha_{exp,k,j}}{19}} \right)^{\frac{\gamma_{k,j}}{2}} \leq 100,$$

где: $V_{ЭБ(ЭКооперация),j}$ – общий нормированный показатель уровня безопасности национального хозяйства j -ого государства, реализованный в рамках экономической кооперации,

$\alpha_{i,j}$ ($\alpha_{i,k}$) – вес i -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность j -ого (k -ого) государства,

$\alpha_{imp,j,k}$; $\alpha_{exp,k,j}$ – веса влияния национального хозяйства k -ого государства на экономику j -ого государства («импорта экономического влияния k -ого государства на j -ое государство») и влияния национального хозяйства j -ого государства на экономику k -ого государства («экспорта экономического влияния j -ого государства на k -ое государство») в рамках их экономической кооперации в условиях глобализации. Веса взаимного влияния экономик государств мира в условиях глобализации могут характеризоваться множеством показателей. Как представляется, в первом приближении вес влияния национального хозяйства k -ого государства на экономику j -ого государства («импорт экономического влияния») может быть представлен

Реализация Соглашения о Транстихоокеанском Стратегическом Экономическом Сотрудничестве позволит увеличить долю товарооборота Южной Кореи с государствами – участниками Транстихоокеанского партнерства к 2020 г. не менее, чем на **3,63 %** - с 36,33 % (490,4 млрд долл.) до 39,96 %. (539,4 млрд долл.)¹³. [1, 2]

соответствующей долей импорта товаров и услуг k -ого государства в j -ое государство, а вес влияния национального хозяйства j -ого государства на экономику k -ого государства («экспорт экономического влияния») в рамках их экономической кооперации в условиях глобализации может быть представлен соответствующей долей экспорта товаров и услуг j -ого государства в k -ое государство. Ситуация, когда $\alpha_{imp,j,k} = 0$ и $\alpha_{exp,k,j} = 0$ соответствует полной изоляции экономик j -ого и k -ого государств. Ситуация, когда $\alpha_{imp,j,k} = 1$ и $\alpha_{exp,k,j} = 1$ соответствует полной взаимозависимости экономик (полной экономической интеграции) j -ого и k -ого государств. Ситуация, когда $\alpha_{imp,j,k} = 1$ соответствует полному внешнему управлению экономики j -ого государства со стороны k -ого государства,

$\gamma_{k,j}$ – вес нормированного частного показателя, характеризующего экономическую кооперацию j -ого и k -ого государства в условиях глобализации,

$\beta_{i,j}$ ($\beta_{i,k}$) – значение i -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность j -ого (k -ого) государства,

K – количество рассматриваемых государств мира.

При одинаковой значимости компонент безопасности национальных хозяйств государств мира, характеризующих их экономическую кооперацию в условиях глобализации, $\gamma_{k,j} = 1$. В этом случае ограничение значения показателя экономической безопасности j -ого государства, характеризующего его экономическую кооперацию с k -ым государством, выполняется безусловно. При одинаковой значимости, например, 19-и компонент безопасности *наименьшее возможное* значение общего нормированного показателя (уровня) экономической безопасности j -ого государства, реализованного в рамках экономической кооперации с национальными хозяйствами 19 государств мира – $U_{ЭБ(ЭКооперация),j,min} = 10^{-38}$ – соответствует наименьшему уровню безопасности национального хозяйства страны. И, наоборот, *наибольшее возможное* значение этого показателя – $U_{ЭБ(ЭКооперация),j,max} = 10^{38}$ – соответствует наибольшему уровню экономической безопасности государства. *Единичное* значение общего (интегрального) нормированного показателя экономической безопасности государства – $U_{ЭБ(ЭКооперация),j} = 1$ – соответствует критическому уровню безопасности национального хозяйства, понижение которого определяет опасность для экономики j -ого государства. Это значение соответствует общему (интегральному) условному «порогу», который, тем не менее, дает представление о некоторой границе между состоянием защищенности и состоянием незащищенности национального хозяйства от внешних и внутренних угроз. **Источники:** Гордиенко Д.В., Сафонов М.С. Экономическая безопасность России. Теоретический и методологический аспекты. Монография. – М.: Проспект, 2016. – 256 с. ISBN 978-5-392-21405-1; Гордиенко Д.В., Камаев Р.А. Обеспечение экономической безопасности государства в условиях глобализации. Монография. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2016, - 360 с. ISBN 978-5-00024-061-8 (АРГАМАК-МЕДИА); Гордиенко Д.В., Яковлева Н.Г. Мировой финансово-экономический кризис и обеспечение экономической безопасности государства. Монография. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2013. – 392 с. ISBN 978-5-00024-007-6; Гордиенко Д.В., Лузянин С.Г. Глобализация и обеспечение экономической безопасности Китая / Китай в мировой и региональной политике. Вып. XVIII: ежегодное издание / сост. Е.И. Сафронова. – М.: ИДВ РАН, 2013. – С. 296 – 325. ISBN 978-5-8381-0241-6; Гордиенко Д.В., Лузянин С.Г. Оценка уровня безопасности стран Северо-Восточной и Центральной Азии. Монография. – М.: ИДВ РАН, 2013. – 88 с. ISBN 978-5-8381-0244-6; Гордиенко Д.В. Влияние мирового финансово-экономического кризиса на уровень экономической безопасности Южной Кореи в условиях глобализации / Корея: уроки истории и вызовы современности. – М.: ИДВ РАН, 2013. – С. 381 – 404. ISBN 978-5-8381-0242-3; Гордиенко Д.В. Оценка уровня экономической безопасности государств Азиатско-Тихоокеанского региона // Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 2013, № 13 (202). – С. 39 – 55; № 15 (204). – С. 20 – 39. ISSN 2073-2872; Гордиенко Д.В. Обеспечение экономической безопасности Южной Кореи в условиях глобализации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 2013, № 36 (225). – С. 37 – 54. ISSN 2073-2872.

¹³ В т.ч.: с Брунеем – на **0,04 %** - с 0,39 % (5,3 млрд долл.) до 0,43 % (5,8 млрд долл.);

с Чили – на **0,11 %** - с 1,07 % (14,5 млрд долл.) до 1,18 % (16,0 млрд долл.);

с Новой Зеландией – на **0,024 %** - с 0,244 % (3,3 млрд долл.) до 0,269 % (3,6 млрд долл.);

с Сингапуром – на **0,289 %** - с 2,89 % (39,0 млрд долл.) до 3,18 % (42,9 млрд долл.);

с США – на **0,963 %** - с 9,63 % (130,0 млрд долл.) до 10,59 % (143,0 млрд долл.);

с Австралией – на **0,378 %** - с 3,78 % (51,0 млрд долл.) до 4,16 % (56,1 млрд долл.);

с Перу – на **0,034 %** - с 0,34 % (4,6 млрд долл.) до 0,37 % (5,1 млрд долл.);

с Вьетнамом – на **0,166 %** - с 1,66 % (22,4 млрд долл.) до 1,83 % (24,6 млрд долл.);

с Малайзией – на **0,053 %** - с 0,53 % (7,1 млрд долл.) до 0,58 % (7,81 млрд долл.);

Приросты уровня экономической безопасности, реализованные в рамках ее экономической кооперации представлены на рис. 1.

Таблица 1

Значения показателей экономической безопасности Южной Кореи, характеризующих экономический патронат со стороны Правительства и Центрального банка страны

Частные показатели экономической безопасности, характеризующие ...	2007	2010	2015 (оценка)	2020 (прогноз)
Объем ВВП ($\beta_{1,3}$)	1,60	1,72	2,17	2,83
Валовой сбор зерновых ($\beta_{2,3}$)	1,18	1,18	1,18	1,19
Инвестиции в основной капитал ($\beta_{3,3}$)	1,59	1,61	1,64	1,70
Уровень безработицы ($\beta_{4,3}$)	2,35	2,58	2,86	3,08
Уровень монетизации ($\beta_{5,3}$)	5,42	5,64	6,00	6,80
Внешний долг ($\beta_{6,3}$)	22,22	1,14	1,33	1,60
Расходы на оборону ($\beta_{7,3}$)	1,45	1,50	1,50	1,50
Расходы на "гражданскую" науку ($\beta_{8,3}$)	1,93	1,93	2,00	2,07
Инновационная продукция ($\beta_{9,3}$)	5,34	5,43	5,69	5,97
Уровень инфляции ($\beta_{10,3}$)	4,46	4,39	4,24	4,24
Объем золотовалютных резервов ($\beta_{11,3}$)	6,59	8,00	10,67	12,00
Выплаты по внешнему долгу ($\beta_{12,3}$)	16,67	16,67	17,86	17,86
Внутренний долг ($\beta_{13,3}$)	1,95	1,50	1,30	1,20
Расходы на обслуживание государственного долга ($\beta_{14,3}$)	4,26	4,17	4,08	4,00
Дефицит бюджета центрального правительства ($\beta_{15,3}$)	1,88	1,67	2,00	2,31
Машиностроение и металлообработка в промышленном производстве ($\beta_{16,3}$)	1,07	1,08	1,16	1,24
Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума ($\beta_{17,3}$)	1,17	1,08	1,16	1,24
Децильный коэффициент дифференциации доходов населения ($\beta_{18,3}$)	1,05	1,08	1,11	1,14
Доля продовольствия, поступившего по импорту ($\beta_{19,3}$)	0,34	0,36	0,43	0,50

с Мексикой – на **0,244** % - с 2,44 % (33,0 млрд долл.) до 2,69 % (36,3 млрд долл.);
с Канадой – на **0,085** % - с 0,85 % (11,5 млрд долл.) до 0,94 % (12,7 млрд долл.);
с Японией – на **0,852** % - с 8,52 % (115,0 млрд долл.) до 9,37 % (126,5 млрд долл.);
с Тайванем – на **0,259** % - с 2,59 % (35,0 млрд долл.) до 2,85 % (38,5 млрд долл.);
с Колумбией – на **0,035** % - с 0,35 % (4,7 млрд долл.) до 0,38 % (5,2 млрд долл.);
с Филиппинами – на **0,104** % - с 1,04 % (14,0 млрд долл.) до 1,14 % (15,4 млрд долл.).

Значения показателя экономической безопасности, характеризующего экономический патронат $\prod_{i=1}^{19} \beta_{i,3}$	4,34×10⁷	3,22×10⁶	9,70×10⁶	3,29×10⁷
--	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------

Таблица 2

Товарооборот Южной Кореи

	Экспорт в ...						Импорт из ...					
	2010		2020 (прогноз)				2010		2020 (прогноз)			
	млрд долл.	%	без учета реализации ТТП		с учетом реализации ТТП		млрд долл.	%	без учета реализации ТТП		с учетом реализации ТТП	
			млрд долл.	%	млрд долл.	%			млрд долл.	%	млрд долл.	%
Бруней	1,0	0,22	2,8	0,40	3,1	0,44	0,4	0,19	2,5	0,38	2,8	0,42
Чили	5,5	1,20	7,5	1,07	8,3	1,18	3,2	1,46	7,0	1,08	7,7	1,18
Н.Зеландия	1,0	0,22	2,0	0,29	2,2	0,31	0,4	0,18	1,3	0,20	1,4	0,22
Сингапур	24,8	5,39	24,0	3,43	26,4	3,77	4,5	2,03	15,0	2,31	16,5	2,54
США	49,2	10,70	70,0	10,00	77,0	11,00	19,8	8,94	60,0	9,23	66,0	10,15
Австралия	20,0	4,35	30,0	4,29	33,0	4,71	15,0	6,78	21,0	3,23	23,1	3,55
Перу	2,0	0,43	2,4	0,34	2,6	0,38	1,5	0,68	2,2	0,34	2,4	0,37
Вьетнам	12,0	2,61	12,4	1,77	13,6	1,95	6,0	2,71	10,0	1,54	11,0	1,69
Малайзия	3,0	0,65	3,6	0,51	3,96	0,57	2,0	0,90	3,5	0,54	3,85	0,59
Мексика	9,1	1,97	19,0	2,71	20,9	2,99	8,0	3,61	14,0	2,15	15,4	2,37
Канада	5,0	1,09	6,0	0,86	6,6	0,94	4,0	1,81	5,5	0,85	6,1	0,93
Япония	27,6	6,00	47,0	6,71	51,7	7,39	45,6	20,60	68,0	10,46	74,8	11,51
Тайвань	11,5	2,50	21,0	3,00	23,1	3,30	10,5	4,74	14,0	2,15	15,4	2,37
Колумбия	2,0	0,43	2,4	0,34	2,6	0,38	1,5	0,68	2,3	0,35	2,5	0,39
Филиппины	1,3	0,28	9,0	1,29	9,9	1,41	1,0	0,45	5,0	0,77	5,5	0,85
ИТОГО	175,0	38,03	259,1	37,01	285,0	40,72	123,5	55,76	231,3	35,58	254,4	39,14
ВСЕГО	460,0	100	700,0	100	700,0	100	221,4	100	650,0	100	650,0	100

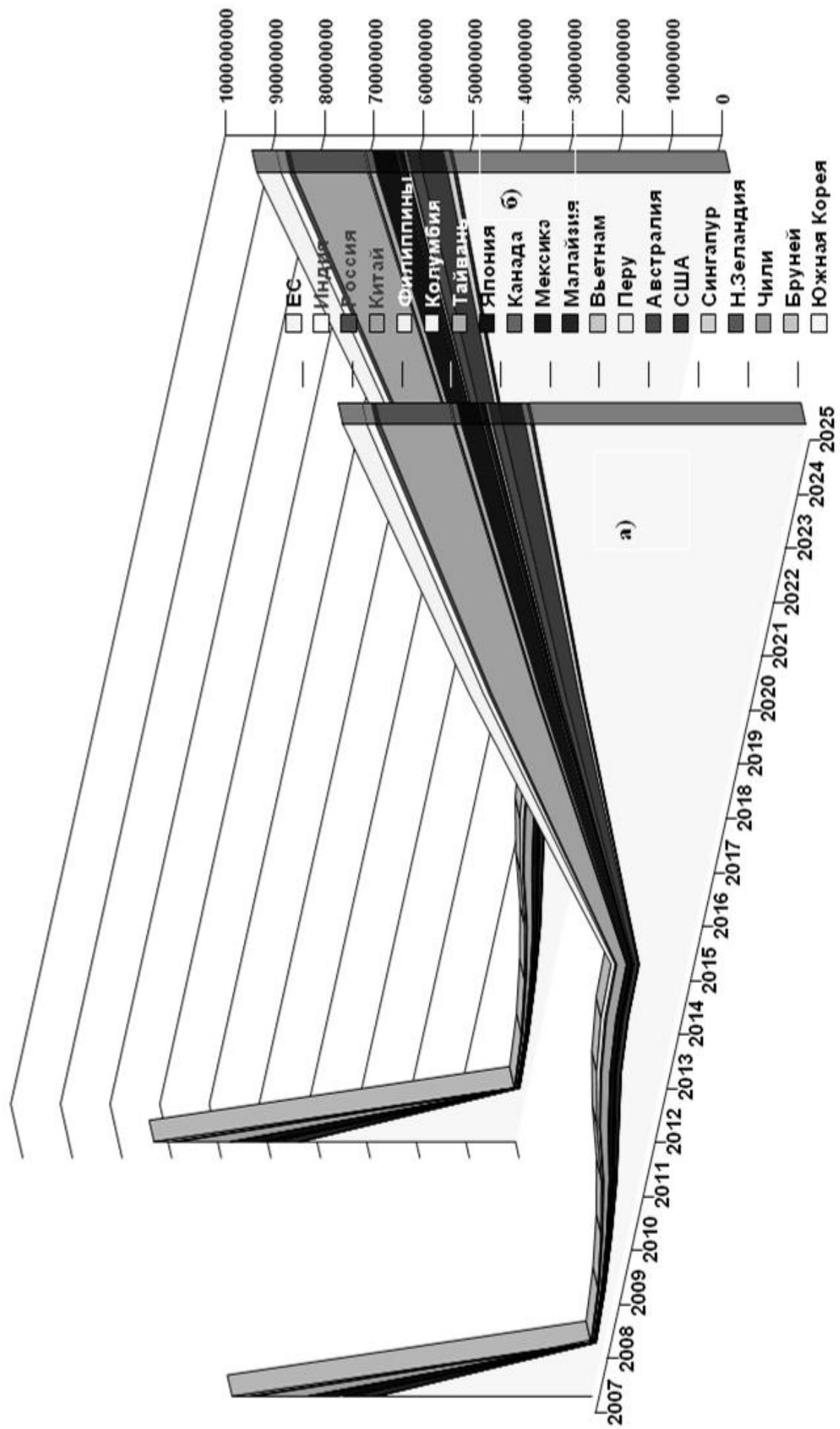

Рис.1. Приросты уровня экономической безопасности Южной Кореи, реализованные в рамках ее экономической кооперации без учета реализации (а) и с учетом (б) реализации Соглашения о Транстихоокеанском Стратегическом Экономическом Сотрудничестве

Экономическое противоборство Южной Кореи с государствами – участниками Транстихоокеанского партнерства может быть охарактеризовано соответствующими показателями нереализованного товарооборота этой страны в период с 2010 по 2020 гг. (табл. 3)¹⁴. [3]

¹⁴ Предполагается, что *наименьшее возможное* значение l -ого нормированного частного показателя экономической безопасности государства, характеризующего уровень экономической безопасности государства, реализованный в рамках экономического противоборства с экономикой l -ого государства, $-\beta_{l,min} = 0,01$ – соответствует наименьшему уровню экономической безопасности государства при фиксированных значениях остальных частных показателей-индикаторов. И, наоборот, *наибольшее возможное* значение l -ого нормированного частного показателя $-\beta_{l,max} = 100$ – соответствует наибольшему уровню безопасности национального хозяйства страны также при фиксированных значениях остальных частных показателей-индикаторов. *Единичное* значение l -ого нормированного частного показателя $-\beta_l = 1$ – соответствует пороговому уровню экономической безопасности государства. Расчетная формула уровня экономической безопасности, реализованного в рамках экономического противоборства, может иметь вид:

$$Y_{ЭБ(ЭПротивоборство),j} = \prod_{\substack{l=1 \\ l \neq j}}^L \left(\frac{\left(\prod_{i=1}^{19} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}} \right)^{\frac{\alpha_{нереал.имп. j,l}}{19}}}{\left(\prod_{i=1}^{19} \beta_{i,l}^{\alpha_{i,l}} \right)^{\frac{\alpha_{нереал. эксп. l,j}}{19}}} \right)^{\chi_{l,j}},$$

$$0,01 \leq \left(\frac{\left(\prod_{i=1}^{19} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}} \right)^{\frac{\alpha_{нереал.имп. j,l}}{19}}}{\left(\prod_{i=1}^{19} \beta_{i,l}^{\alpha_{i,l}} \right)^{\frac{\alpha_{нереал. эксп. l,j}}{19}}} \right)^{\chi_{l,j}} \leq 100,$$

где: $Y_{ЭБ(ЭПротивоборство),j}$ – общий нормированный показатель уровня безопасности национального хозяйства j -ого государства, реализованный в рамках экономического противоборства,

$\alpha_{i,j} (\alpha_{i,l})$ – вес i -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность j -ого (l -ого) государства,

$\alpha_{нереал. имп. j,l}$; $\alpha_{нереал. эксп. l,j}$ – веса нереализованного влияния национального хозяйства l -ого государства на экономику j -ого государства («нереализованного импорта экономического влияния l -ого государства на j -ое государство») и нереализованного влияния национального хозяйства j -ого государства на экономику l -ого государства («нереализованного экспорта экономического влияния j -ого государства на l -ое государство») в рамках их экономического противоборства в условиях глобализации. Веса нереализованного взаимного влияния экономик государств мира в условиях глобализации могут характеризоваться множеством показателей. Как представляется, в первом приближении вес нереализованного влияния национального хозяйства l -ого государства на экономику j -ого государства («нереализованный импорт экономического влияния») может быть представлен соответствующей долей нереализованного импорта товаров и услуг l -ого государства в j -ое государство, а вес нереализованного влияния национального хозяйства j -ого государства на экономику l -ого государства («нереализованный экспорт экономического влияния») в рамках их экономического противоборства в условиях глобализации может быть представлен соответствующей долей нереализованного экспорта товаров и услуг j -ого государства в l -ое государство. Ситуация, когда $\alpha_{нереал. имп. j,l} = 0$ и $\alpha_{нереал. эксп. l,j} = 0$ соответствует полному отсутствию экономического противоборства между j -ым и l -ым государствами. Ситуация, когда $\alpha_{нереал. имп. j,l} = 1$ и $\alpha_{нереал. эксп. l,j} = 1$ соответствует полному экономическому противоборству между j -ым и l -ым государствами и отсутствию экономического противоборства этих государств с другими странами мира,

$\chi_{l,j}$ – вес нормированного частного показателя, характеризующего экономическое противоборство j -ого и l -ого государства в условиях глобализации,

$\beta_{i,j} (\beta_{i,l})$ – значение i -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность j -ого (l -ого) государства,

L – количество рассматриваемых государств мира.

При одинаковой значимости компонент безопасности национальных хозяйств государств мира, характеризующих их экономическое противоборство в условиях глобализации, и отличии значений числителя и знаменателя не более чем в 100 раз, $\chi_{l,j} = 1$. В этом случае ограничение значения показателя экономической безопасности j -ого государства, характеризующего его экономическое противоборство с l -ым государством,

Реализация Соглашения о Транстихоокеанском Стратегическом Экономическом Сотрудничестве позволит сократить долю нереализованного товарооборота Южной Кореи с государствами – участниками Транстихоокеанского партнерства к 2020 г. не менее, чем на **14,53 %** - с 36,33 % (122, 6 млрд долл.) до 21,80 %. (73, 6 млрд долл.)¹⁵.

Приросты уровня экономической безопасности, реализованные в рамках ее экономического противоборства представлены на рис. 2. [1, 2]

Очевидно, что при сохраняющихся трендах экономического развития Южной Кореи и структуре ее товарооборота, возможны отрицательные приросты уровня защищенности национального хозяйства этой страны при продолжающемся экономическом противоборстве с Китаем, Индией, Австралией и Тайванем (рис. 2а).

выполняется безусловно. *Источники:* Гордиенко Д.В., Сафонов М.С. Экономическая безопасность России. Теоретический и методологический аспекты. Монография. – М.: Проспект, 2016. – 256 с. ISBN 978-5-392-21405-1; Гордиенко Д.В., Камаев Р.А. Обеспечение экономической безопасности государства в условиях глобализации. Монография. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2016, - 360 с. ISBN 978-5-00024-061-8 (АРГАМАК-МЕДИА); Гордиенко Д.В., Яковлева Н.Г. Мировой финансово-экономический кризис и обеспечение экономической безопасности государства. Монография. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2013. – 392 с. ISBN 978-5-00024-007-6; Гордиенко Д.В., Лузянин С.Г. Глобализация и обеспечение экономической безопасности Китая / Китай в мировой и региональной политике. Вып. XVIII: ежегодное издание / сост. Е.И. Сафронова. – М.: ИДВ РАН, 2013. – С. 296 – 325. ISBN 978-5-8381-0241-6; Гордиенко Д.В., Лузянин С.Г. Оценка уровня безопасности стран Северо-Восточной и Центральной Азии. Монография. – М.: ИДВ РАН, 2013. – 88 с. ISBN 978-5-8381-02446-1; Гордиенко Д.В. Влияние мирового финансово-экономического кризиса на уровень экономической безопасности Южной Кореи в условиях глобализации / Корея: уроки истории и вызовы современности. – М.: ИДВ РАН, 2013. – С. 381 – 404. ISBN 978-5-8381-0242-3; Гордиенко Д.В. Оценка уровня экономической безопасности государств Азиатско-Тихоокеанского региона // Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 2013, № 13 (202). – С. 39 – 55; № 15 (204). – С. 20 – 39. ISSN 2073-2872; Гордиенко Д.В. Обеспечение экономической безопасности Южной Кореи в условиях глобализации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 2013, № 36 (225). – С. 37 – 54. ISSN 2073-2872.

¹⁵ В т.ч.: с Брунеем – на **0,15 %** - с 0,39 % (1,325 млрд долл.) до 0,24 % (0,8 млрд долл.); с Чили – на **0,43 %** - с 1,07 % (3,625 млрд долл.) до 0,64 (2,2 млрд долл.); с Новой Зеландией – на **0,09 %** - с 0,24 % (0,825 млрд долл.) до 0,15 % (0,5 млрд долл.); с Сингапуром – на **1,16 %** - с 2,89 % (9,75 млрд долл.) до 1,73 % (5,9 млрд долл.); с США – на **3,85 %** - с 9,63 % (32,5 млрд долл.) до 5,78 % (19,5 млрд долл.); с Австралией – на **1,51 %** - с 3,78 % (12,75 млрд долл.) до 2,27 % (7,7 млрд долл.); с Перу – на **0,14 %** - с 0,34 % (1,15 млрд долл.) до 0,2 % (0,7 млрд долл.); с Вьетнамом – на **0,66 %** - с 1,66 % (5,6 млрд долл.) до 1,0 % (3,4 млрд долл.); с Малайзией – на **0,21 %** - с 0,53 % (1,775 млрд долл.) до 0,32 % (1,1 млрд долл.); с Мексикой – на **0,97 %** - с 2,44 % (8,25 млрд долл.) до 1,47 % (5,0 млрд долл.); с Канадой – на **0,34 %** - с 0,85 % (2,875 млрд долл.) до 0,51 % (1,7 млрд долл.); с Японией – на **3,41 %** - с 8,52 % (28,75 млрд долл.) до 5,11 % (17,3 млрд долл.); с Тайванем – на **1,03 %** - с 2,59 % (8,75 млрд долл.) до 1,56 % (5,3 млрд долл.); с Колумбией – на **0,14 %** - с 0,35 % (1,175 млрд долл.) до 0,21 % (0,7 млрд долл.); с Филиппинами – на **0,42 %** - с 1,04 % (3,5 млрд долл.) до 0,62 % (2,1 млрд долл.).

Нереализованный товарооборот Южной Кореи

	Нереализованный экспорт в ...						Нереализованный импорт из ...					
	2010		2020 (прогноз)				2010		2020 (прогноз)			
	млрд долл.	%	без учета реализации ТТП		с учетом реализации ТТП		млрд долл.	%	без учета реализации ТТП		с учетом реализации ТТП	
			млрд долл.	%	млрд долл.	%			млрд долл.	%	млрд долл.	%
Бруней	0,25	0,22	0,7	0,4	0,4	0,24	0,105	0,19	0,625	0,38	0,4	0,23
Чили	1,375	1,2	1,875	1,07	1,1	0,64	0,81	1,46	1,75	1,08	1,1	0,65
Н. Зеландия	0,25	0,22	0,5	0,29	0,3	0,17	0,1	0,18	0,325	0,2	0,2	0,12
Сингапур	6,2	5,39	6,0	3,43	3,6	2,06	1,125	2,03	3,75	2,31	2,3	1,38
США	12,3	10,7	17,5	10	10,5	6,00	4,95	8,94	15	9,23	9,0	5,54
Австралия	5,0	4,35	7,5	4,29	4,5	2,57	3,75	6,78	5,25	3,23	3,2	1,94
Перу	0,5	0,43	0,6	0,34	0,4	0,21	0,375	0,68	0,55	0,34	0,3	0,20
Вьетнам	3,0	2,61	3,1	1,77	1,9	1,06	1,5	2,71	2,5	1,54	1,5	0,92
Малайзия	0,75	0,65	0,9	0,51	0,5	0,31	0,5	0,9	0,875	0,54	0,5	0,32
Мексика	2,26	1,97	4,75	2,71	2,9	1,63	2,0	3,61	3,5	2,15	2,1	1,29
Канада	1,25	1,09	1,5	0,86	0,9	0,51	1,0	1,81	1,375	0,85	0,8	0,51
Япония	6,9	6,0	11,75	6,71	7,1	4,03	11,4	20,6	17	10,46	10,2	6,28
Тайвань	2,875	2,5	5,25	3	3,2	1,80	2,625	4,74	3,5	2,15	2,1	1,29
Колумбия	0,5	0,43	0,6	0,34	0,4	0,21	0,375	0,68	0,575	0,35	0,3	0,21
Филиппины	0,325	0,28	2,25	1,29	1,4	0,77	0,25	0,45	1,25	0,77	0,8	0,46
ИТОГО	43,74	38,03	64,77	37,01	38,9	22,21	30,86	55,76	57,82	35,58	34,7	21,35
ВСЕГО	115,0	100	175,0	100	175,0	100	55,35	100	162,5	100	162,5	100

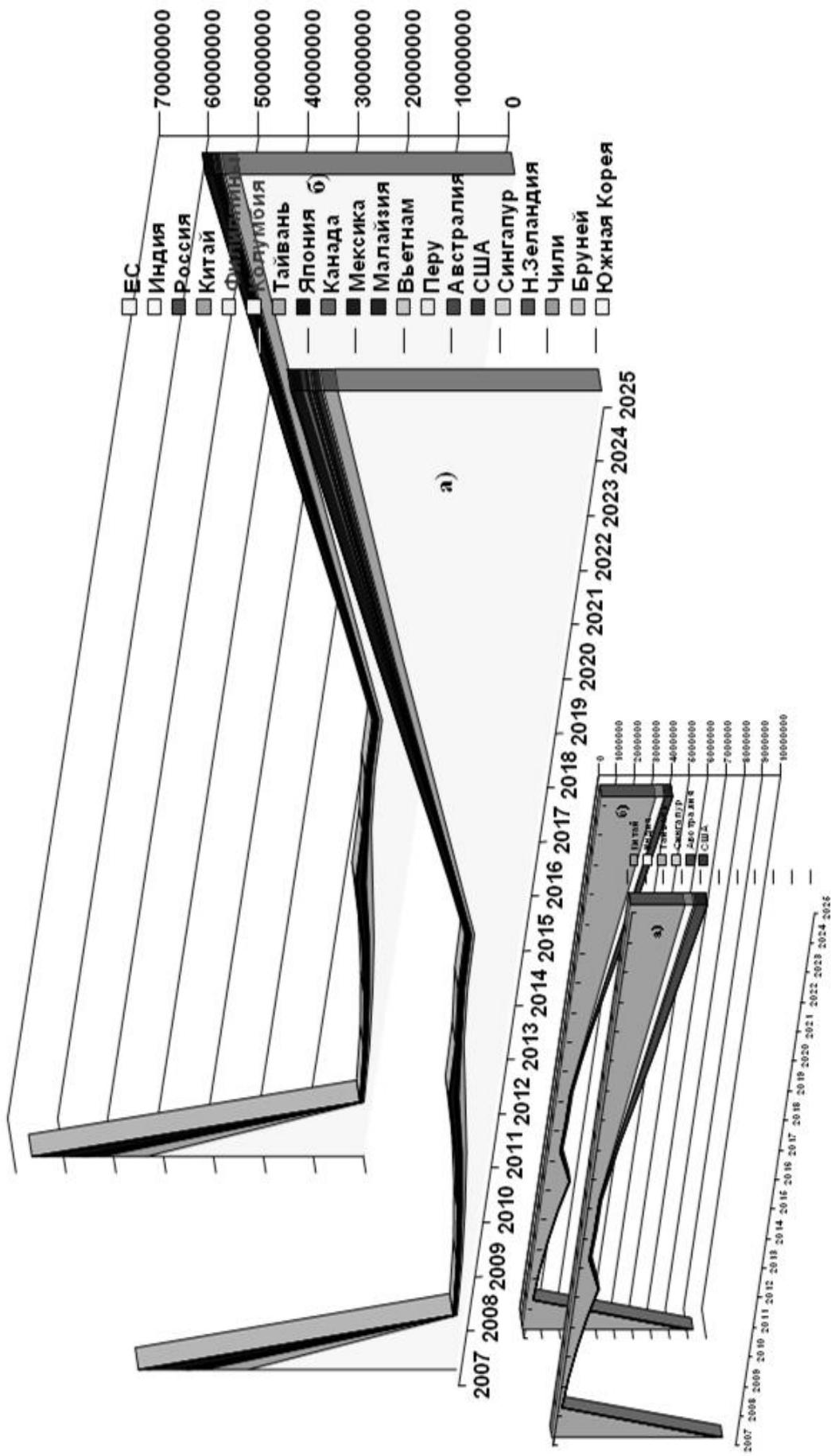

Рис.2. Приросты уровня экономической безопасности Южной Кореи, реализованные в рамках ее экономического противоборства без учета реализации (а) и с учетом (б) реализации Соглашения о Транстихоокеанском Стратегическом Экономическом Сотрудничестве

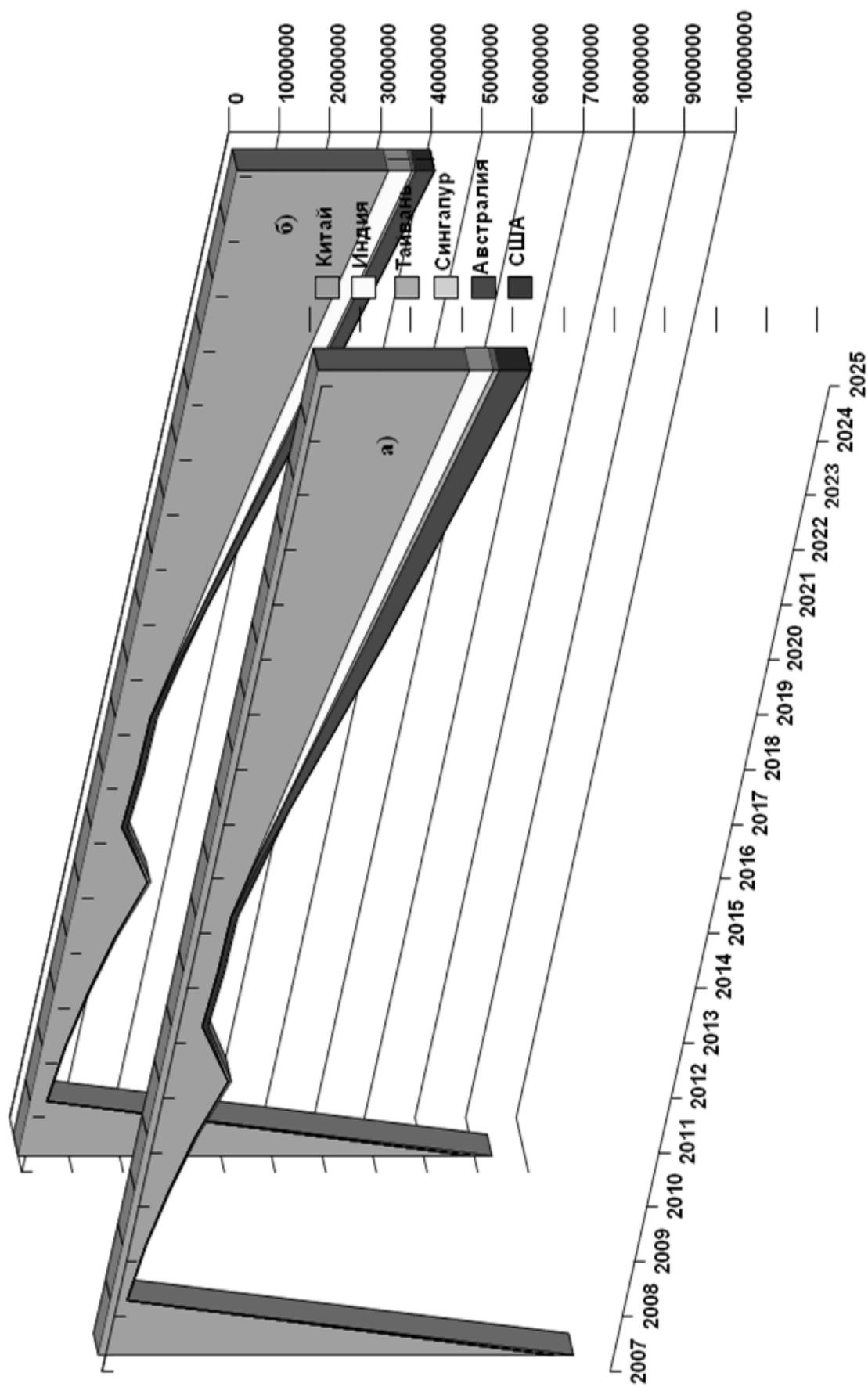

Рис. 2а). Отрицательные приросты уровня экономической безопасности Южной Кореи, реализованные в рамках ее экономического противоборства без учета реализации (а) и с учетом (б) реализации Соглашения о Транстихоокеанском Стратегическом Экономическом Сотрудничестве

Изменение уровней экономической безопасности Южной Кореи реализации Соглашения о Транстихоокеанском Стратегическом Экономическом Сотрудничестве может быть представлено в виде табл.4.

Представленный подход к оценке изменения уровня экономической безопасности Южной Кореи и других государств-участников ТТП при реализации Соглашения о Транстихоокеанском Стратегическом Экономическом Сотрудничестве позволяет определить диапазоны долей увеличения экспорта товаров в каждое из государств-участников ТТП и импорта в из каждого государства-участника ТТП к 2020 году по сравнению с прогнозируемыми, при которых могут быть достигнуты максимальные значения уровней их экономической безопасности.

Таблица 4

Интегральные показатели, характеризующие уровни защищенности национального хозяйства Южной Кореи, реализованные в рамках различных форм обеспечения экономической безопасности

экономический патронат	2020 год (прогноз)							Изменение уровня экономической безопасности при реализации Соглашения о Транстихоокеанском Стратегическом Экономическом Сотрудничестве
	без учета реализации стратегии ТТП			с учетом реализации стратегии ТТП				
	экономическая кооперация	экономическое противоборство	Уровень экономической безопасности	экономическая кооперация	экономическое противоборство	Уровень экономической безопасности		
(1)	(2)	(3)	(1)×(2)×(3)	(4)	(5)	(1)×(4)×(5)	(1)×(4)×(5)-(1)×(2)×(3)	
Экономическая кооперация и экономическое противоборство Южной Кореи с государствами – участниками Транстихоокеанского партнерства	3,29×10 ⁷	1,3342	1,0742	4,72×10 ⁷	1,3732	1,0438	4,72×10 ⁷	4886,308

	2020 год (прогноз)							Изменение уровня экономической безопасности при реализации Соглашения о Транстихоокеанс ком Стратегическом Экономическом Сотрудничестве
	эконо- мичес- кий патро- нат	без учета реализации стратегии ТТП			с учетом реализации стратегии ТТП			
		эконо- мичес- кая копе- рация	эконо- мичес- кое проти- вобор- ство	Уро- вень эконо- мичес- кой безо- паснос- ти	эконо- мичес- кая копе- рация	эконо- мичес- кое проти- вобор- ство	Уро- вень эконо- мичес- кой безо- паснос- ти	
(1)	(2)	(3)	(1)×(2)× (3)	(4)	(5)	(1)×(4)× (5)	(1)×(4)×(5)-(1)×(2)×(3)	
Экономическая кооперация и экономическое противоборство Южной Кореи с государствами – участниками Транстихоокеанс- кого партнерства, Китаем, Россией, Индией и ЕС (28)	1,9342	1,0091	6,42×10 ⁷	1,9907	0,9805	6,42×10 ⁷	2636,277	

Список литературы

1. Гордиенко Д.В., Камаев Р.А. Обеспечение экономической безопасности государства в условиях глобализации. Монография. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2016, - 360 с. ISBN 978-5-00024-061-8 (АРГАМАК-МЕДИА).
2. Гордиенко Д.В. Оценка изменения уровня экономической безопасности государств – участников Транстихоокеанского партнерства // Экономика и управление: проблемы, решения, 2016. № 9. – С. 23 – 30, том 2 (57); № 10, том 1 (58). – С. 14 – 33; № 11, том 1 (59). – С. 33 – 50. – М.: ИД «Научная библиотека». ISBN 2308-927X, ISBN 2227-3891.
3. Гордиенко Д.В., Сафонов М.С. Экономическая безопасность России. Теоретический и методологический аспекты. Монография. – М.: Проспект, 2016. – 256 с. ISBN 978-5-392-21405-1.

Горячева А.М.
БЕДНОСТЬ И НЕРАВЕНСТВО В ИНДИИ В 2000-е ГОДЫ

К.э.н., Ведущий научный сотрудник
Институт востоковедения РАН
Центр индийских исследований
goryacheva.adel@mail.ru

По данным 2011/12 г. в сельских районах наивысший уровень бедности (43%) наблюдался среди "зарегистрированных племен" и "зарегистрированных каст" (29%), против 22% для всего населения страны. 65% всех сельских 48% городских бедняков проживают в 7 северных штатах - в поясе бедности, как он именовался не так давно (доля этих штатов в сельском населении страны 49% и в доле городского - 27%) [5, с. 32]. Ситуация в Индии в настоящее время складывается так, что ни модернизация сельского хозяйства, ни государственные программы по увеличению занятости, ни участие в выборах, хотя и способствуют мобильности беднейших слоев, но не исключают совсем кастовой дискриминации.

Современный индуизм утверждает, что кастовая структура и социальная иерархия идут от Бога, отсюда и оправдание гендерного неравенства. В 15 статье Конституции Индии закреплено положение о том, что "пол" не может быть основанием для дискриминации. Гендерное неравенство в Индии чрезвычайно многоаспектный вопрос. По уровню гендерного неравенства Индия в 2013 г. занимала в мире 105 место (из 136 стран) [10]. В 2011 г. □ 113 место. Индекс гендерного неравенства, раассчитываемый в рамках World Economic Forum (WEF), включает 5 основных показателей: занятость, образование, здоровье дожитие, политические права. В рубрике здоровье - важный показатель селективные аборты по признаку пола эмбриона, по этому показателю Индия ,наравне с Китаем, на одном из последних мест в мире. Соотношение полов в возрастной группе 0-1 год в Индии - 114 девочек на 128 мальчиков, для сравнения: в США и Европе - 103-107 [13, с. 4]. По подсчетам известнейшего индийского социолога Патнаик П., с 2000 по 2010 гг. по присине раннего выявления пола ребенка в Индии не родилось около 15 млн. девочек [9].

Грамотность женщин, которая долгое время оставалась на несопоставимо низком уровне по сравнению с мужской грамотностью, сейчас уже подтягивается к ней. По переписи 2011 г. грамотность женщин составляла 65,46%, мужчин - 82,14%. С 2006 по 2010 гг. доля девочек, получивших законченное среднее образование, составляла всего 26,6%, мальчиков вдвое больше - 50,4% [6, с. 21]. По данным региональных исследований, в некоторых штатах доля девочек, покидающих школу, не закончив образование, на 10% превышает долю мальчиков. Государство в Индии оказывает поддержку девочкам по получению образования: по программе " неформального образования" до 40% всех мест в учебных заведениях зарезервировано

исключительно за девочками, а в ВУЗ­х - эта доля составляет 10%. Структура экономически активного населения демонстрирует все уменьшающийся перевес мужчин: в 2001 г. из 397 млн. занятых 124 млн были женщины [7]. Доля женщин, занятых неквалифицированным трудом в сельском секторе достигает 70%, а дискриминация по уровню заработной платы - 1,87-1.18 [12].

Чем Индия может гордиться, так это участием женщин в политической жизни страны и общим уровнем наделения женщин политическими правами.

Традиционно менее развитый (по величине ВВП на душу населения) Север Индии образует пояс бедности, также известный как BIMARU states (Бихар, Мадхья Прадеш, Раджастхан и Уттар Прадеш), по сравнению с южными штатами в 2000-е годы демонстрирует более высокие темпы экономического роста, чем пятерка штатов традиционно лидировавших по этому показателю почти весь период независимости. По отношению к этому периоду (особенно ко времени 11-го пятилетнего плана ­ 2007-2012 гг.) экономисты теперь употребляют понятие "конвергентный рост". Однако, это пока не привело к ослаблению экономического неравенства между Севером и Югом: коэффициент вариации дохода на душу населения вырос с 28% в начале 80-х годов до 36% в 2004­05 г. и до 41% в 2011­12 г. [1, с. 45]. Региональное неравенство сохранится, очевидно, и в дальнейшем, что потребует от центрального правительства особых усилий, так как такое положение чревато в Индии не только социальными, но и политическими последствиями. Более благополучная картина наблюдается по показателю индекса человеческого развития (ИЧР - Human Development Indicator). Здесь гораздо уместнее говорить о конвергентном (сходящемся) росте, чем в случае экономического роста: штаты, находившиеся внизу списка по развитию ИЧР с 1999­00 г. к 2007­08 г. показали опережающие темпы развития по сравнению со штатами, возглавлявшими список длительное время: это штаты Керала, Гоа, Химачал Прадеш, Пенджаб, Дели. Коэффициент вариации между штатами сократился с 0,313 в 2000 г. до 0,235 в 2008 г. [1, с. 46].

Огромные размеры страны подразумевают и неравенство внутрирегиональное, т.е. между отдельными территориями внутри штатов. Последние исследования показали, что беднейшие дистрикты (по уровню бедности, недостаточности питания, детской и материнской смертности, отсеву учащихся из школ и т.д.) отнюдь не сосредоточены только в штатах BIMARU, а образуют целые анклавные застойной бедности и в штатах с самыми высокими показателями дохода на душу населения. Так в штате Махараштра, занимающем первое место в рейтинге самых развитых, есть районы, где бедными считаются от 40 до 48% населения, а есть, где только - 11-14%, в Тамил Наду ­ в ряде округов бедность охватывает до 60%, а есть, где только 3% [1, с. 46]. Богатые штаты привлекают основной поток инвестиций в свою экономику, консервируя, таким образом, отсталость северных и восточных штатов Индии.

Обостряющаяся общемировая проблема в росте неравенства в распределении доходов. Самое пристальное внимание весь период

независимости в Индии привлекала проблема вопиющей бедности значительной части населения страны и на этом фоне неравенство в распределении потребительских расходов, доходов и богатства как-то отодвигалась на задний план. Неолиберальные реформы 90-х годов XX столетия в Индии, которые еще называют пост-нерувианской либерализацией, привели к значительному ускорению темпов экономического роста за счет роста производительности труда, который сопровождался застоем в приросте рабочих мест в организованном секторе. Этот феномен получил название "jobless growth". Эти процессы в экономике сопровождались ростом числа очень богатых людей и разрастанием среднего класса в Индии. По количеству миллиардеров страна сейчас на 3-м месте в мире, а численности среднего класса Индия превосходит все население крупнейших европейских стран [11, с. 15]. При этом по численности беднейшего населения страна на 1-м месте в мире. Доход на душу населения в Индии в три раза ниже, чем в среднем в мире. Он ниже, чем в таких странах как Шри Ланка, Индонезия, Египет [8. с. 8].

Важнейшие проблемы первой четверти XXI столетия в Индии □ стагнация занятости и рост экономического неравенства. Несомненные достижения этого периода □ ускорившиеся темпы экономического роста и его "инклюзивный" характер. Однако, по поводу последнего в Индии существуют серьезные разногласия.

Из трех видов экономического неравенства □ расходы, доходы, владение материальными средствами (земля, недвижимость, акции и т.д.) статистически подтвержденными в Индии могут считаться только потребительские расходы населения, данные по которым регулярно, каждые 5 лет, собирает National Sample Survey (NSS) на основе большой (thick) выборки, охватывающей до 80% домохозяйств. Обычно собираются данные о размерах и структуре семейных трат на продовольственные и непродовольственные товары. Статистика по этим показателям доступна, начиная с 1950 г. Данные за последние 5 обследований с 1983 по 2011□12 г. (см. таб. 1) представляют репрезентативную картину динамики расходов по группам населения и секторам хозяйства. В 2011□12 г. в 15 крупнейших штатах выборка охватила 459 тыс. хозяйств (287 тыс. городских и 172 тыс. сельских) или 82% всех хозяйств страны [12, с. 45].

Таблица 1

Распределение потребительских расходов в Индии по данным NSS в 1983 □ 2011□12 гг.

группы населения	даты проведенных обследований				
	1983	1993□94	2004□05	2009□10	2011□12
доля групп населения в расходах всего населения					
низшие 20%	9,00	9,20	8,50	8,20	8,10
низшие 40%	22,20	22,30	20,30	19,20	19,60
верхние 20%	39,10	39,70	43,90	44,80	44,70
верхние 10%	24,70	25,40	29,20	30,10	29,90
коэффициент неравенства Джинни в распределении потребительских расходов					

деревня	27,10	25,80	28,10	28,40	28,70
город	31,40	31,90	36,40	38,10	37,70
страна в целом	29,80	30,00	34,70	35,80	35,90

источник: [14, с. 31]

По степени экономического неравенства Индия находится где-то посередине списка между странами с самой высокой концентрацией доходов и богатства, такими как Китай, ЮАР, Бразилия, Мексика и европейскими странами, Канадой и Австралией, где различия более сглажены. По показателю неравенства в распределении доходов Индия ближе всего к Аргентине, Индонезии, Нигерии, Турции и Пакистану. Более высокая степень неравенства характерна в Индии для городов, чем для сельского населения. После реформ 90-х годов этот разрыв постоянно нарастает. В сельских районах страны с 1950 по 1991 гг. неравенство расходов постепенно сглаживалось, но стало резко нарастать в пореформенный период, та же тенденция прослеживается и в городах. В городах по уровню потребления резко вырывается вперед наиболее зажиточная часть горожан. В деревнях наблюдается строгая иерархия неравенства доходов по социальным группам: "продвинутые касты" индусов имеют доход выше среднего, "низкие касты" — примерно на средненациональном уровне, ниже их располагаются мусульмане, а еще ниже — далиты и адиваси. В городах разрыв еще более острый: "продвинутые касты" доминируют в гораздо большей степени, чем в сельской местности, "низкие касты" находятся на уровне средних показателей по стране, а вот мусульмане уступают даже далитам. [14, с. 45].

Есть данные, что к началу 2000-х годов богатейшие 10% населения владели 50% всего национального богатства.

Данные NSS позволяют судить об экономическом неравенстве в разрезе соотношения трат населения на питание и непродовольственные товары и услуги. В этой области в стране происходят огромные сдвиги. Растущее неравенство по всем потребительским расходам населения объясняется все большими тратами семей на предметы домашнего обихода длительного пользования, образование, здравоохранение, услуги, которые по своему характеру предполагают большее неравенство, чем расходы на питание. Растущее неравенство, таким образом, генерируется ростом потребностей в непродовольственных товарах и услугах. Снижение уровня бедности в 2000-е годы сопровождается недопотреблением продуктов питания и снижением калорийности ежедневного семейного рациона. Недопотребление продовольствия, широко распространившееся в последние годы, объясняется сокращением семейного бюджета на эти цели за счет роста расходов на другие, непродовольственные цели. Увеличивающееся разнообразие ассортимента продовольствия в Индии сказывается прежде всего на питании зажиточных слоев при стагнации бюджетов менее обеспеченных граждан и является причиной снижения калорийности питания.

Очевидно, что в такой огромной стране, как Индия, с экономикой, входящей в пятерку ведущих стран мира, с такой, накопленной столетиями

бедностью, жесткой социальной иерархией, своей системой ценностей только комплексный подход при активной перераспределяющей роли государства, и усилия самих граждан в производительной деятельности смогут качественно изменить уровень жизни в стране.

Список литературы

1. Bakshi S., Chawla A., Shah M. Regional Disparities in India// Economic&Political Weekly,Mumbai, 2015,N1, january 3, с. 44-52
2. Basole A., Basu D. Non-food expenditures and consumptions inequality in India. //Economic&Political Weekly,Mumbai, 2015, N36, september 5, с. 43-53
3. Bijapurkar R. It's happening, lets keep it. //Seminar N672, Exclusion, discrimination, disparity. august 2015, с. 36-40
4. Goyal A. Baikap A. Psychology, cyclicity or social programmes. //Economic&Political Weekly, Mumbai 2015, june 6, N23, с. 116-131
5. Himanshy. Inequility in India. //Seminar N672, Exclusion, discrimination, disparity. August 2015, с. 30-35
6. "Human Development Report for 2012", United Nations Development Project. Retrieved 31 march, 2014, с. 1-342
7. lockwood N. "Perspectives of women in managment in India", pdf, 2009. Society for Human Resours Managment.
8. Mishra G. India under the of neoliberalism. //Mainstream 2016, New Delhi, march 4-10, с. 7-8
9. Patnaik P. "India census reveals a glaring gap: girls" The Gardian, 31 january, 2012 [электронный ресурс] <https://www.theguardian.com/global-development/poverty-matters/2011/may/25/indias-census-alarming-sex-ratio-female-foeticide>
10. The Global Gender Gap Report 2013 [электронный ресурс] http://www.weforum.org/docs/WEF_Gender_Gap_Repot_2013.pdf.World Economic Forum,Switzerland
11. The Problem. Seminar N672, august 2015, с. 14-15
12. Wage Rates in rural India (2008-2009) [электронный ресурс] http://labourbureau.nic.in/wage_rates_rural_india_2008_09.pdf/ Labour bureau, ministry of Labour&Employment, Goverment of India (2010)
13. en.wikipedia.org
- 14.Weissforf T. Why worry about inequality in the booming indian economy. Economic&Political Weekly, Mumbai 2011, N47, november 19, с. 41-51

Гукасян Г.Л.
**СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАН СОВЕТА
СОТРУДНИЧЕСТВА АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ ПЕРСИДСКОГО
ЗАЛИВА**

К.э.н., Доцент, Старший научный сотрудник
Институт востоковедения РАН
Центр арабских и исламских исследований
gukasyan.gurgen@yandex.ru

Стратегии развития монархий Персидского залива (стран ССАГПЗ) представляют интерес для изучения перспектив прогрессивной трансформации экономик, зависимых от доходов, получаемых от экспорта сырья. С момента выхода стран ССАГПЗ на мировой рынок как стратегически важных поставщиков нефти в 1960-х гг. они осуществляли модернизацию на основе ассигнований доходов от экспорта нефти на развитие в рамках государственных планов и программ, имеющих характер стратегического планирования и воплощаемых в рамках реализации государственных бюджетов и проектов, сохранения госсектора.

Данная стратегия в ССАГПЗ принесла значительные успехи. Суммарный ВВП стран ССАГПЗ в 2014 г. достиг 1,6 трлн. долл. Саудовская Аравия входит в двадцать крупнейших экономик мира. Вместе с тем, уже первое сильное падение цен на нефть в середине 1980-х гг. привело к большим трудностям, так как государственное финансирование во всех сферах хозяйства монархий затруднилось, возникли дефициты платежных балансов и госбюджетов.

При этом во время снижения цен на нефть наблюдалось падение темпов роста ВВП монархий, которые зависят от доходов нефтяного сектора. Недостаток финансов до момента нового повышения цен на нефть компенсировался за счет валютных резервов правительства, что смягчало экономические трудности. Антикризисная политика была основана на государственном финансировании. Доходы от экспорта нефти на душу населения в монархиях высоки в сравнении с другими странами, что дает «запас финансовой прочности». Они, по оценке на 2014 г., составляли 7900 долл. в Саудовской Аравии, 9435 долл. в ОАЭ, 25362 долл. в Кувейте, 36013 долл. в Катаре, в сравнении с 1326 долл. в Алжире и 2514 долл. в среднем по ОПЕК[5].¹⁶ Уже к началу 1990-х гг. в странах ССАГПЗ был поднят вопрос об экономии и снижении субсидирования, и о приватизации в целом ряде секторов. Но только в 2000-х гг., особенно в период спада цен на нефть в 2008 и 2014 гг., меры финансовой перестройки были заявлены как неотложные. Вместе с тем, у аравийских монархий не одинаковая финансово-экономическая ситуация. Из шести стран ССАГПЗ в наиболее благоприятном положении с точки зрения запаса финансовой прочности находятся Катар и

¹⁶ В текущих ценах

Кувейт с их огромными нефтяными доходами при малом населении, а Саудовская Аравия, Оман, Бахрейн и, отчасти, ОАЭ – в менее благоприятном.

Отмеченные аспекты не снимают вопроса об основных чертах стратегий экономического развития стран ССАГПЗ и о путях их изменения на этапе последнего снижения цен на нефть, с учетом выхода на рынок сланцевой нефти. Можно отметить следующие основные направления экономических стратегий стран ССАГПЗ.

С 1970-х гг.:

- Создание современной индустриально развитой экономики на основе нефтегазового сектора, нефтехимии и других производств, за счет ведущей роли государственного финансирования и предпринимательства, за которым следует частный сектор.

- Построение общества с высоким уровнем благосостояния.

- Снижение зависимости ВВП от экспорта нефти.

- В части внешнеэкономической стратегии – сохранение своей роли на мировом рынке нефти как надежных поставщиков, инвестирование в предприятия и проекты за рубежом, поддержание зарубежных валютных резервов правительств.

С 1990-х гг. – начала 2000-х гг.:

- Превращение национальной экономики в одну из наиболее передовых среди других стран по мировым рейтингам удобства ведения бизнеса и инвестирования.

- Ускоренное создание основ инновационной экономики.

В 2009 - 2014 г.:

- Поворот к мерам экономии и снижение бюджетного субсидирования, в т.ч. субсидий для населения.

- Введение новых источников государственных доходов через налоги и сборы.

- Расширение приватизации (включая планы приватизации в рамках крупнейшей нефтяной компании Saudi Aramco, без утраты контроля государства над данной компанией).

Таблица 1. Капитальные расходы в некоторых странах – экспортерах нефти

	Капитальные расходы				
	% от общих расходов		% от ВВП		еальный рост в 2003-2008 гг. (%)
	2003	2008	2003	2008	
Алжир	37,1	40,5	10,9	11,5	104,5
Нигерия	16,6	33,3	3,1	4,4	145,5
Россия	13,1	14,7	4,6	5,0	109,7
Саудовская Аравия	14,4	25,9	4,8	6,9	195,1

Для 2008 г. данные по оценке МВФ. Источник: Occasional Paper Series. European Central Bank. – June 2009. – №104. – p. 26.

Среди макроэкономических показателей стран ССАГПЗ в рамках

стратегии создания современной индустриально развитой экономики за счет госфинансирования можно отметить высокую долю капитальных расходов. Это видно на примере Саудовской Аравии в сравнении с рядом нефтеэкспортирующих стран, в т.ч., из числа стран ССАГПЗ – с ОАЭ и Катаром.

Таблица 2. Капитальные расходы в Саудовской Аравии, ОАЭ, Катаре и Алжире в 2010-2012 гг.

	ВВП 2012, Справочно, млн.долл.	Общие расходы, 2012, справочно	Капитальные расходы*						
			объем, млн.долл		% от общих расходов		% от ВВП		рост %
			2010	2012	2010	2012	2010	2012	
Алжир	206395	92455	24299	28807	40,4	31	15	14	118,5
Саудовская Аравия	711049	232881	53024	69781	30,4	30	10,1	9,8	131,6
ОАЭ	383799	113127	18530	22625	20,4	20	6,4	5,9	122,1
Катар	192402	57336	12155	14621	26,7	25,5	9,7	7,6	120,2

*государственные финансы. Рассчитано автором по Joint Arab Economic Report 2013, pp. 49, 112. [1, с. 24]

Меньшая доля капитальных расходов в общих расходах у Саудовской Аравии, ОАЭ, Катара, чем у Алжира может объясняться моделью потребления аравийских монархий.

Известные достижения монархий в создании современной инфраструктуры, объектов недвижимости пока еще не позволили получить устойчивый рост не нефтяных секторов хозяйства. Об этом свидетельствуют данные Института международных финансов по Саудовской Аравии, где показатель корреляции между госрасходами и темпами роста не нефтяной части ВВП оказался весьма высоким, на уровне 0,42 за период 1992-2013 гг. [4, с. 6]

Хотя страны ССАГПЗ наращивали производство добавленной стоимости обрабатывающей промышленности, крайне важной для диверсификации экономики (Табл. 3 на примере Саудовской Аравии и ОАЭ), ее доля в ВВП всех и каждой из стран ССАГПЗ, как известно, так и не превысила 9-10%.

Таблица 3. Добавленная стоимость в обрабатывающей промышленности стран ССАГПЗ на примере Саудовской Аравии и ОАЭ (млн. долл., в текущих ценах)

	1970	1980	1990	2000	2010	2014
Саудовская Аравия	443	6737	10049	18210	58178	81019
ОАЭ	п.а.	1625	3799	9465	25744	36030

Источник: [7; 8]

Не перечисляя подробно положения экономических стратегий аравийских монархий, можно отметить, что наиболее желаемая модель их осуществления описана на примере анализа стратегии развития для Абу-Даби. Так, на основе четырехфазной модели развития по Портеру, экономика Абу-Даби, движимая фактором нефтяных ресурсов на 1-ой фазе, движимой факторами, которая тесно переплетается с элементами 4-ой фазы развития (фазы, движимой благосостоянием или богатством), должна была бы ускоренно пройти вторую фазу (движимую инвестициями) и третью (движимую инновациями) за счет инвестирования доходов от нефти в развитие [11, с. 14].

Однако эта модель в ССАГПЗ далека от полного воплощения по ряду отмеченных выше показателей. Кроме того, доходы от нефти, по-прежнему, дают подавляюще большую часть госдоходов. Так, по оценке за 2014 г., доходы от нефти в бюджете Саудовской Аравии составили 91,7%, при доле нефтяного сектора в ВВП более 48%, в Кувейте 94,5% при доле нефтяного сектора в 55,1%. В ОАЭ доля нефтяного сектора в ВВП в 2014 г. составила 31,6% (при доле нефтяных доходов в госдоходах порядка 80%), в Катаре 52%, в Омане 44% [9, с. 54].

Несмотря на известные достижения: строительство наукоградов, внедренческих зон, таких как Dubai Internet City и других, в ССАГПЗ наблюдается, что уровень обучения по международному рейтингу достижений студентов в области математики и других наук значительно ниже, чем у других стран. Если среднемировой индекс (2007 г.) имел значение 451, и самым высоким был в Тайпее (Китай), то в Омане он составлял 372 пункта, в Кувейте 354, в Саудовской Аравии 329, в Катаре 307. Этот индекс был выше в небогатых нефтью арабских странах, составив 391 пункт в Египте, 395 в Сирии, 420 в Тунисе, 427 в Иордании. Процент опрошенных в 2010-2011 гг. руководителей компаний, отметивших недостаточную квалификацию рабочей силы, по странам ССАГПЗ в среднем составил 14,4%, а по другим странам – экспортерам нефти, включая Венесуэлу, – лишь 8,6%, по странам, входящим в ОЭСР – 6,2% [13, с. 75].

Меры по повышению конкурентоспособности аравийских экономик не решили главных проблем их диверсификации, несмотря на то, что например, ОАЭ в рейтингах Всемирного Банка стран по удобству ведения бизнеса и по эффективности управления государственными финансами занимали места в первой десятке, Саудовская Аравия в 2012-13 гг. вошла в первые 20 стран по глобальному индексу конкурентоспособности.

Исследовательским центром McKinsey Global Institute была проведена оценка вклада основных секторов экономики Саудовской Аравии в экономический рост в 2000-2010 гг. Так, вклад не нефтяного частного сектора составил 37%, нефтяного 49% и не нефтяного госсектора 14%. Также представлена экстраполяция инвестиционных потребностей королевства: общие потребности в инвестициях за 2006-2010 гг. составляли 768 млрд. долл.,

за 2001-2015 гг. 934 млрд., на 2016-2020 гг. 900 млрд., на 2021-2025 гг. 1300 млрд. долл. При этом доля инвестиционных расходов государства в эти же периоды оценена, соответственно, в 41%, 51%, 81% и 43%. Особо высокая доля государства в 2016-2020 гг. объясняется подготовкой условий для переноса центра тяжести в развитии на частный сектор [14, с. 21].

С 2014 г. на стратегии развития монархий воздействует спад цен на нефть, приведший к финансовым трудностям. Например, в Саудовской Аравии проект бюджета на 2016 г. не предусматривал какого-то перелома в соотношении текущих и капитальных расходов. Однако только по статье инфраструктура и транспорт расходы подверглись сильнейшему в истории страны сокращению – на 63% - до 6,4 млрд. долл. [12].

Эти проблемы отразились на темпах роста саудовской экономики, ВВП в 1 квартале 2016 г. возрос только на 1,5% (самый низкий уровень за 5 лет), причем нефтяной сектор возрос на 5,1%, а не нефтяной сократился на 0,7% [2]. В Абу Даби, начиная с 2014 г. наблюдались большие потери иностранных активов, и для компенсации дефицита правительство прибегло к выпуску внутренних госзаймов на сумму 40 млрд. дирхам (11 млрд. долл.) в 2016 г. и 60 млрд. дирхам на 2017 г. В 2016 г. госрасходы ОАЭ были снижены на 5%, в 2016 – еще на более чем 6,5% [3].

Можно констатировать, что аравийские монархии, безусловно, будут менять стратегию развития в сторону экономики с общепринятыми финансово-экономическими параметрами (налоги, сборы, адресное субсидирование, приватизация). Сдвиги могут быть сопоставимы с переходом к рынку в странах Восточной Европы. Динамика этого процесса будет сдерживаться возможной стабилизацией цен на нефть и угрозами социальной нестабильности. Явные указания на изменение в экономических стратегиях уже сделаны. Так один из авторов Плана трансформации Саудовской Аравии «Видение 2030» принц Мухаммад Салман аль Сауд требует поднять не нефтяные доходы правительства со 163 млрд. сауд. риалов до 1 трлн. риалов. Повысить вклад в ВВП частного сектора с 40% до 65%. Повысить долю не нефтяного экспорта в не нефтяной части ВВП страны с 16% до 50%. Будет проведена реформа системы государственных субсидий, которая даст дополнительный доход в 30 млрд. долл. и вводиться подоходный налог, дающий еще 10 млрд. долл. экономии [15]. В финансово благополучном Кувейте в начале 2015 г. также было объявлено о начале сокращения субсидий на керосин и дизельное топливо, о необходимости чего заявил эмир Кувейта, хотя последовали протесты в Парламенте [10].

Список литературы

1. Гукасян Г.Л. Экономическая трансформация в странах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива: проблемы и перспективы. – Казань.: Издательство Казанского университета, 2016.
2. A bunch of ugly warning signs are bubbling up in Saudi Arabia. Business Insider. July. 12, 2016. [Электронный ресурс]. URL.:

- <http://www.businessinsider.com/saudi-arabia-non-oil-private-sector-growth-2016-7> (28.07.2016)
3. Abu Dhabi to Take Billions From ADIA for Debt, Fitch Says. Bloomberg. 2.02.2016. [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-02-02/abu-dhabi-to-siphon-billions-from-adia-for-debt-fitch-predicts> (22.07.2016)
 4. GCC: Strong Diversified Growth, Limited Risks. – Institute of International Finance Regional Overview. May 2014.
 5. OPEC Revenues Fact Sheet. – U.S. EIA. March 2015.
 6. Occasional Paper Series. European Central Bank. //June 2009, №104.
 7. Saudi Arabia Manufacturing, value added. [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.indexmundi.com/facts/saudi-arabia/manufacturing> (22.07.2016)
 8. UAE Manufacturing, value added. [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.indexmundi.com/facts/united-arab-emirates/manufacturing> (22.07.2016)
 9. KAMCO Investment Research. GCC Economic Report. – Kuwait, October 2015.
 10. Kuwaiti Emir: Subsidy Has to Stop, Utility and Fuel Rates to Be Raised. // Gulf News. 21.01.2016. [Электронный ресурс]. URL.: <http://gulfnews.com/news/gulf/kuwait/kuwaiti-emir-subsidy-has-to-stop-utility-and-fuel-rates-to-be-raised-1.1657391>
 11. Low Linda. Abu Dhabi's Vision 2030. An Ongoing Journey of Economic Development. – World Scientific, 2012. P. 14.))
 12. Public Finance Saudi Arabia: 2016 budget targets spending cuts, subsidy reforms and non-oil sector investment. Al-Nakib O. Economic Update. – National Bank of Kuwait. 14 January 2016.
 13. Rethinking Economic Growth: Towards Productive and Inclusive Arab Societies. – ILO Regional Office for the Arab States. UNDP Regional Bureau for the Arab States. International Labor Organization. 2012.
 14. Saudi Arabia beyond Oil: The Investment and Productivity Transformation Al-Kibsi G., Woetzel J., Isherwood T., Khan J., Mischke J., Noura H. – McKinsey Global Institute. Copyright © McKinsey & Company. December 2015.
 15. Vision 2030 — General Expectations. Today's Plan Tomorrow's Promise. //Saudi Gazette. May 19, 2016. [Электронный ресурс]. URL.: <http://saudigazette.com.sa/saudi-arabia/saudi-vision-2030/vision-2030-general-expectations/>

Дерюгина И.В.
XXI ВЕК. ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В СТРАНАХ ВОСТОКА

К.э.н., Ведущий научный сотрудник
Институт востоковедения РАН
Отдел экономических исследований
irina-vd@mail.ru

Во втором десятилетии XXI века международные сельскохозяйственные организации, в том числе Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных наций (ФАО), пришли к пониманию того, что подходы к инновационному развитию сельского хозяйства в странах Востока могут принципиально отличаться от научных разработок для стран Запада. В середине XX века Норман Борлоуг, известный как родоначальник «зеленой революции» (ЗР), разработал новые высокоурожайные сорта (ВУС) зерновых культур индивидуально для каждой сельскохозяйственной зоны, однако технологии возделывания были унифицированы и, условно говоря, перенесены из передовых стран мирового хозяйства, а точнее стран Запада. Технологии ЗР базировались на новых ВУС зерновых культур, ирригации, химизации (применении минеральных удобрений и средств защиты растений) и впоследствии ограниченной механизации. Успехи ЗР вызвали переход сельского хозяйства развивающихся стран Востока на качественно новый этап. В странах Азии производство зерновых культур выросло за период ЗР (1961–2014 гг.) в 4,5 раза, урожайность – в 3,5 раза, а население – в 2,5 раза [8].

Однако отдача от внедрения технологий ЗР постепенно снижается, темпы роста производства зерновых и урожайности в первые четверть века ЗР значительно превышают аналогичные показатели в последующие годы. Еще существуют резервы для дальнейшего роста растениеводческой продукции в странах Востока, но в основном за счет оптимизации (а не увеличения) производственных ресурсов. Дальнейшее наращивание интенсивных технологий ЗР приведет к сильнейшим нарушениям экосистем в странах Востока, в первую очередь в Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии [6, с.7].

Тот качественный скачок, о котором мы упоминали выше, сопровождался следующими негативными последствиями. Внедрение ВУС и технологий их возделывания привело к: а) потерям генетического разнообразия, 2) засоленности орошаемых земель, 3) истощению подземных вод, 4) нитратному загрязнению водоемов, 5) увеличению выбросов парниковых газов. Например, объем выбросов, связанных с сельским хозяйством за период ЗР удвоился и составляет 25% от общего объема выбросов. Вклад в эти процессы вносит производство зерновых (особенно затопляемого риса), которое является основным потребителем минеральных

удобрений, и животноводство, ответственное за половину всех выбросов метана.

Эксперты отмечают, что ЗР была адекватным ответом на продовольственный кризис 1960-х годов, но сейчас мир вступил в новую эпоху, и подходы к развитию сельского хозяйства должны быть пересмотрены. Тем более, что изменение структуры питания в странах Востока в сторону большего потребления животных белков потребует значительного увеличения производства продукции животноводства и более интенсивного использования ресурсов растениеводства для кормовых нужд [6, с.9].

Если в начале 2000-х годов основной рекомендацией ФАО для повышения эффективности сельского хозяйства в Японии было увеличение площади хозяйственного участка и внедрение трудосберегающих систем, то по прошествии 10 лет внимание было обращено главным образом на ресурсосберегающие технологии, которые в мелком хозяйстве Азии позволят вести устойчивое земледелие.

В 2011 г. ФАО предложило новую концепцию интенсивного сельскохозяйственного производства в развивающихся странах, которая базируется на сельскохозяйственных инновационных системах (СИС)¹⁷ и характеризуется высокой производительностью и экологической устойчивостью. ФАО определило основные направления развития сельских районов в рамках СИС [2]:

- Агроэкологические инновации и климатически оптимизированное сельское хозяйство;
- Сельскохозяйственные биотехнологии;
- «Зеленая» занятость;
- Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) в сельском хозяйстве;
- Малая механизация сельского хозяйства.

Агроэкологические инновации и климатически оптимизированное сельское хозяйство развивается по следующим направлениям [2].

Ресурсосберегающее земледелие и здоровье почвы – нулевая обработка почвы, мульчирование, чередование культур, интеграция растениеводства с животноводством, лесоводством, производством аквакультуры. Здесь хорошо вспомнить поговорку: «новое – это хорошо забытое старое», и, если быть точным, примером может служить травопольная и плодосменная системы земледелия в Англии в XVIII–XIX вв.

Рациональное водопользование – сокращение полива и выращивание риса без затопления, гребневый посев кукурузы и пшеницы с поливом по

¹⁷ Термин СИС относится к физическим лицам, организациям и предприятиям, которые внедряют новые продукты, процессы, организационные формы в целях обеспечения продовольственной безопасности, экономического развития и рационального использования природных ресурсов. Она включает в себя все факторы, способствующие внедрению инноваций, в том числе политические, управленческие, юридические и экономические структуры; бюджетные ассигнования и финансовое обеспечение; стимулы и социальные гарантии [1, с.3].

бороздам. В странах Востока 80%–90% пресной воды используется в сельском хозяйстве. Сокращение полива не только экономит воду, но позволяет существенно снизить выбросы метана и засоленность почвы.

Комплексная борьба с вредителями, основанная на специальном сочетании культур, высеваемых одновременно, дает возможность снизить масштабы использования инсектицидов.

Приведем несколько успешных систем комбинированного ведения сельского хозяйства в развивающихся странах [6, с.38].

Система «пуш-пул» в Африке, при которой выращиваются местные культуры на кукурузных полях, борется с вредителями кукурузы и дает корм для скота.

Пшеница–рис. В Южной Азии фермеры применяют принцип нулевой обработки почвы в целях сокращения затрат и выращивания более высоких урожаев пшеницы. Поочередное увлажнение и осушение рисовых полей позволяет сократить потребление воды на величину до 50%. Урожайи обоих видов зерновых культур повышаются после лазерного выравнивания рельефа почвы. Фермеры экономят удобрения путем управления оборотом азота «по потребностям» и используют бобовые для подавления роста сорняков.

Пшеница–бобовые, кукуруза–бобовые – это сочетание используется во всем мире для обогащения почвы азотом, снижения потребления минеральных удобрений и повышения урожайности пшеницы и кукурузы.

В Азии выращивание риса на затопляемых полях комбинируют с разведением рыбы. В рисорыбных хозяйствах фермеры применяют на 60% меньше пестицидов. Рисовый чек площадью 1 га может давать до 9 тонн риса и 750 кг рыбы в год. Разведение рыбы на рисовых полях улучшает семейный рацион, обеспечивает поступление природных питательных веществ для растений и является средством борьбы с вредителями. Благодаря более высоким урожаям риса, продаже рыбы и экономии на химикатах доход от рисорыбного хозяйства вплоть до 400% выше, чем от монокультуры риса.

Кукуруза–лесоводство в странах юга Африки, где деревья и кустарники стоят дешевле удобрений. Бобовые кустарники и деревья являются неотъемлемой частью систем производства кукурузы в Замбии и Малави. Через два года применения они повышают содержание азота в почве на 250 кг из расчета на гектар, что обеспечивает четырехкратное увеличение урожая кукурузы.

Кукуруза–животноводство в Латинской Америке. «Питательные насосы» дают корм для скота и питательные вещества для роста кукурузы. Ключевой компонент устойчивых систем «кукуруза–животноводство» – пастбищная культура брахиария, которая предотвращает уплотнение почвы и более питательна, чем природные травы саванны. Системы нулевой обработки почвы, использующие брахиарию, позволяют производить до трех урожаев зерновых в год.

Сельскохозяйственные биотехнологии. С 2010 г., когда ФАО организовала Международную техническую конференцию по

сельскохозяйственным биотехнологиям в развивающихся странах под эгидой Комиссии по генетическим ресурсам для производства продовольствия, ведется работа по классификации и унификации биотехнологических методов и разработке Кодекса поведения для их контроля. Цель этой работы – усилить контроль, сохранить генетические ресурсы для сельскохозяйственного производства (биоразнообразия) и свести к минимуму отрицательные последствия применения биотехнологии

На волне отрицательного отношения к генной инженерии – а это только один из методов биотехнологии – не учитывается, что большинство биотехнологических методов применяются для укрепления и более эффективного использования генетических ресурсов [4].

Репродуктивные технологии обладают потенциалом для сохранения поголовья скота, рыбы за счет снижения заболеваний и более эффективного их производства путем отбора пола эмбриона и синхронизации овуляции.

Молекулярные маркеры укорачивают время селекции растений и повышают ее точность. Этот метод используют для улучшения старых сортов и разработки новых сортов растений. Вследствие его дороговизны метод пока мало применяется в развивающихся странах.

Тканевая культура – этот быстрый и недорогой метод массового размножения клонированием, в частности болезнестойчивых сортов риса, используется более чем в 30 странах Африки.

Манипулирование набором хромосом имеет широкий спектр применения в сельском хозяйстве: производство стерильных сортов растений и рыбы, ускорение селекции без нарушения основных характеристик плода.

Мутагенез представляет собой один из немногих биотехнологических методов, который используется преимущественно в развивающихся странах для ускорения спонтанной мутации и создания новых фенотипов.

Генная инженерия предназначена для создания генетически модифицированных (ГМ) сельскохозяйственных культур. В 2010 г. ГМ культуры выращивались на 134 млн га в 16 развивающихся странах, в частности в Китае ГМ деревья выращиваются на 400 га [4, с.11].

В целом с начала 2000-х годов методы биотехнологии развиваются быстрыми темпами и от них ожидают большой отдачи в будущем, причем применительно именно к развивающимся странам.

«Зеленая» занятость – это одна из сторон «зеленой» экономики, которая позволит развивающимся странам переориентироваться на экологически чистое сельское хозяйство. Предполагается, что только биоэнергетика и связанные с ней производства в развивающихся странах могут дать работу дополнительно для 12 млн человек [2].

ИКТ в сельском хозяйстве находят применение по двум направлениям: во-первых, непосредственно в производстве для управления точными процессами выращивания растений и производства животноводческой продукции; во-вторых, в сфере организации производства, системах учета и сбыта продукции [1].

Первое направление применяется в основном в крупных хозяйствах, в частности в технологиях «точного» земледелия, которые базируются на а) дифференцированном использовании ресурсов на различных неоднородных участках поля; б) сбалансированном сочетании всех составляющих производства; в) постоянной оценке агроклиматических условий почв (осуществляется системами глобального спутникового слежения, с помощью электронных карт полей); г) точном поливе и дозированном внесении удобрений д) компьютерном управлении всем процессом производства продукции. Этот тип предполагает высокую степень трудосбережения, поэтому распространен в сельском хозяйстве стран трудосберегающего технологического способу производства (ТСП). Из стран Азии, которые относятся к землесберегающему ТСП, только в передовых аграрных хозяйствах Турции, производящих экспортные культуры, используются подобные технологии [5].

В сельском хозяйстве развивающихся стран преимущественно развито второе направление. ИКТ эффективно могут использоваться в системах организации производства: учет и сбыт продукции (как альтернатива кооперативам); доступ к кредитам, финансовым и страховым услугам; различные системы обучения фермеров и распространения инноваций [1].

Механизация сельского хозяйства принимает в странах Востока исключительно малые формы, причем капитал инвестируется не в средства, сберегающие труд (тракторы, сеялки, комбайны), а в механизмы, улучшающие плодородие почвы (насосы, колодцы, измельчители растений, косилки, культиваторы и др.).

Обзор новых подходов к развитию сельского хозяйства в странах Востока ярко свидетельствует о повороте к ресурсосберегающим системам.

Список литературы:

1. Инновации в семейных фермерских хозяйствах Европы и Центральной Азии / Европейская комиссия по сельскому хозяйству. Будапешт. 22-23 сентября 2015 г.
2. Обеспечение устойчивого развития сельских районов за счет сельскохозяйственных инноваций / Комитет по сельскому хозяйству. Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных наций. Рим. 26-30 сентября 2016 г.
3. Положение дел в области продовольствия и сельского хозяйства: изменение климата, сельское хозяйство и продовольственная безопасность / Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных наций. Рим. 2016.
4. Положение и тенденции в области биотехнологий, применяемых для сохранения и использования генетических ресурсов для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства / Комиссия по генетическим ресурсам для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства. Продовольственная и

сельскохозяйственная организация Объединенных наций. Рим. 4-6 апреля 2011 г.

5. Растянников В.Г., Дерюгина И.В. Два технологических способа производства в сельском хозяйстве стран Запада и Востока. // Вопросы статистики. Часть I. 2013. №11. С. 57-70; Часть II. 2014. №2. С. 70-79.
6. Сохранить и приумножить на практике: кукуруза, рис, пшеница / Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных наций. Рим. 2016.
7. Biotechnologies for Agricultural Development / Food and agricultural organization of the United Nations. Rome. 2011.
8. FAOSTAT [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fao.org/faostat/>

Захарова Н.В., Хмелевский В.В.
ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВЫСОКОСКОРОСТНЫХ
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ МАГИСТРАЛЕЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И
КИТАЕМ ДЛЯ ТРАНСПОРТИРОВКИ ГРУЗОВ

Захарова Н.В.

Д.э.н., профессор кафедры мировой экономики Российского экономического
университета им. Г. В. Плеханова, профессор Департамента мировой
экономики и мировых финансов Финансового университета
при Правительстве РФ
nat_zakh@mail.ru

Хмелевский В.В.

аспирант кафедры мировой экономики Российского экономического
университета им. Г. В. Плеханова
vitaly.khmelevskiy@gmail.com

Между Китаем и Россией идут активные интеграционные процессы в области транзитно-транспортных систем на евроазиатском пространстве. Активность продвижения инициативы «Экономического пояса Шёлкового пути» со стороны Китая и программы развития транспортной инфраструктуры России ведут к воплощению в жизнь крайне амбициозных инфраструктурных проектов.

Летом 2017 года ожидается завершение проектирования высокоскоростной железнодорожной магистрали (ВСМ) между Москвой и Казанью, позволяющей преодолевать данный путь за 3,5 часа, а уже в 2022-2023гг. она может быть запущена в эксплуатацию [6]. Данный маршрут-только первый этап более масштабного потенциального проекта ВСМ Москва-Пекин длиной около 7700 км с оценочной стоимостью строительства в 7 трлн руб. [7], который станет самым скоростным маршрутом «Шёлкового пути» и позволит в долгосрочной перспективе связать экономические пространства России, Китая и Европы высокоскоростными «транспортными артериями».

Магистраль первоначально задумывалась как пассажирский проект и существуют изрядные опасения относительно экономической целесообразности идеи и сроков окупаемости инвестиций. Есть существенные социальные и политические мотивы для создания подобного пассажирского сообщения, но достичь необходимую доходность крайне сложно ввиду эластичности и потенциальной ограниченности спроса: если на отрезке Москва-Казань ещё можно сформировать необходимый пассажиропоток, то на всём маршруте пассажиропоток будет многократно ниже возможностей ВСМ. Ещё более остро стоит вопрос тарификации: даже на маршруте Москва-Владивосток стоимость билета в плацкартном вагоне превышает стоимость авиабилета на 1000-2000 рублей при разнице во времени в пути в 5,5 суток [4;1], а ВСМ потребует более высоких тарифов, чтобы окупить

инфраструктуру в обозримом будущем и, следовательно, будет испытывать острейшую конкуренцию со стороны авиасообщения. Следовательно, идея использования ВСМ исключительно для нужд пассажирского сообщения весьма рискованна.

Поэтому крайне перспективной является недавно озвученная РЖД идея об использовании проектируемой инфраструктуры ВСМ Москва-Казань-Пекин для транспортировки грузов, а не только пассажиров [5]. Предполагается, что грузовой состав сможет перевозить 300-600 тонн груза на скорости до 300км/ч между Москвой и Пекином за 2 дня и будет оборудован механизмом изменения ширины колеи (1520 мм в России, 1435 мм в Китае) для минимизации задержек [5].

Подобная инициатива имеет огромное количество преимуществ. Прежде всего, совместное использование инфраструктуры для перевозки пассажиров и грузов позволит диверсифицировать риски, связанные с загруженностью магистрали. Горизонт окупаемости проекта и тарифы могут быть значительно снижены за счёт доходов от транспортировки грузов по высокоскоростной инфраструктуре. Это позволит создать наиболее быстрый международный транспортный коридор (МТК) внутри Евразии, который впоследствии может быть расширен до Западной Европы. Вдоль этого коридора велика вероятность возникновения очагов инновационных отраслей экономики, для которых мобильность населения, в особенности трансграничная, является одним из ключевых факторов. С другой стороны, могут возникнуть вопросы относительно необходимости скоростной перевозки грузов и конкурентоспособности таких перевозок по сравнению с другими видами транспорта.

Существует целый ряд товаров, которые нуждаются в скорой доставке. Всевозрастающий интерес к быстрой доставке грузов присутствует как В2С, так и В2В сегментах. Прежде всего, скоростная доставка позволяет поддерживать эффективное производство и сбыт продукции, в особенности капиталоемкой и ценной, при минимальном количестве складских запасов и оборотных средств, а, следовательно, значительно экономить. Скоростная доставка отвечает требованиям бережливого производства «just-in-time» (JIT), когда необходимое количество сырья, материалов, компонентов доставляется точно в определённый срок в нужное место. Принцип JIT крайне актуален для производства технически сложных товаров, когда цепочка поставок крайне сложна, количество поставщиков велико, а стоимость товаров, нуждающихся в доставке высока. Скоростная инфраструктура позволяет частично нивелировать риски при географической разобщённости поставщиков, клиентов, фабрик и офисов компаний. Поэтому высокотехнологичные компании, производства в сфере машиностроения, химическая промышленность и многие другие могут нуждаться в высокоскоростной доставке товаров.

Для компаний, специализирующихся на экспресс-доставке и логистике спрос на грузовую ВСМ Москва-Пекин был бы значительным. В ЕС при

поддержке подобных компаний (TNT, La Poste, UPS, FedEx, KLM Cargo) развивается проект Euro Carex, который будет использовать высокоскоростные грузовые поезда для доставки товаров между аэропортами и главными логистическими центрами ЕС [9]. В США в 2016 Amazon арендовал 20 грузовых самолётов Boeing 767, чтобы ускорить доставку товаров внутри страны [11]. Почта России намерена развивать совместно с РЖД и китайскими электронными торговыми площадками контейнерную доставку покупок российским потребителям [3]. Более того, в связи с развитием трансграничной электронной коммерции и усиления интеграционных процессов на Евроазиатском пространстве объёмы таких грузопотоков, как и ожидания клиентов относительно скорости, будут расти.

Кроме того, крайне конкурентоспособной может оказаться ВСМ при доставке продуктов питания, особенно скоропортящихся. Уже сейчас Россия начала активно осваивать экспорт продовольственных товаров по железнодорожным маршрутам из европейской части в Китай как способ расширить торговые отношения и нивелировать дисбалансы в объёмах взаимной торговли, тем самым уменьшить стоимость доставки за счёт обратной загрузки контейнеров [2]. Но даже при успешности развития этого направления на обычных железнодорожных линиях, потенциал возможного грузопотока продовольственных товаров по ВСМ велик, так как при текущих сроках доставки в 14 дней, из возможного ассортимента экспорта вычёркивается огромная доля скоропортящихся продуктов, а их доставка авиатранспортом чрезвычайно дорога.

Из этого следует другой важный аспект – уровень тарифов и конкурентоспособность в сравнении с другими средствами транспортировки, в особенности с авиасообщением. На данном этапе затруднительно просчитать ставки на грузоперевозки, чтобы можно было бы окупить построенную инфраструктуру в обозримом будущем. Но можно оценить, при каком уровне цен ВСМ становится более привлекательной, чем авиаперевозки. К примеру, Apple доставляет свои смартфоны в США и Европу с фабрики в Гуандун, Китае, используя авиатранспорт, так как это позволяет синхронизировать продажи и избежать затрат, связанных с «замораживанием» огромных средств во время длительной транспортировки из-за капиталоемкости смартфонов. Авиадоставка одного килограмма из Китая до побережья США обходится корпорации в \$2.12 [10]. Компания добивается значительного снижения тарифов за счёт больших объёмов и влияния, поэтому для средней компании подобная доставка стоила бы почти в 2,5 раза больше - 5,35 \$/кг [10]. Исходя из этого, стоимость тонно-километра составляет от \$0.2 до \$0.48. Морская доставка обошлась бы менее 0.01 \$/кг [12], т.е. более чем в 20 раз дешевле. Следовательно, определённый спрос на скорую трансграничную доставку грузов существует, а тарифы на авиадоставку крайне высоки.

Также можно использовать оценки потенциальной эффективности транспортировки грузов по другой ВСМ – между испанским Сантандером и Мадридом, где стоимость тонно-километра составляла €0.04 [8, с. 25]. Даже

при стоимости в €0.05 доставка из Пекина в Москву обошлась бы в 0.39 €/кг, а стоимость доставки по маршруту Apple составляла бы 0,55 €/кг. Конечно же, такие расчёты являются крайне приблизительными – между Москвой и Пекином нет такой развитой транспортной инфраструктуры как внутри Испании, но, с другой стороны стоимость человеческих ресурсов ниже, Китай обладает ведущим мировым опытом в области ВСМ, а политическая заинтересованность России и Китая, а, следовательно и решимость в преодолении возможных барьеров, крайне высоки. На стороне экономической целесообразности проекта выступает и тот факт, что существует почти пятикратный разрыв между минимальной стоимостью доставки по воздуху за тонно-километр в указанном примере и приблизительными оценками стоимости тонно-километра для ВСМ Сантандер-Мадрид, при которой она окупается.

Помимо тарификация и грузопотока, важно решение вопросов по другим элементам проекта – организационной и логистической моделям реализации и технологиям. Единственным вариантом транспортировки грузов по ВСМ выступают контейнерные перевозки, так как предоставляют возможность быстро выполнять погрузо-разгрузочные работы и унифицировать весь процесс за счёт использования стандартизированной тары на всех этапах. Необходимо также определиться с параметрами движения грузовых составов. Есть три варианта: движение в ночное время, движение, подстроенное под расписание пассажирских отправок, и совместные перевозки, когда в одном составе перевозят и пассажиров, и грузы. Именно третий вариант является наиболее экономически эффективным согласно исследованиям [8, с. 29]. Также для воплощения идеи в жизнь необходимо создание локомотивов, способных развивать скорость 300-350 км/ч с учётом климатогеографических особенностей региона, а также создание эффективных контейнерных терминалов.

Подводя итоги, проект грузового движения по ВСМ Москва-Пекин оценивается как экономически целесообразный. Самым сложным является поиск баланса между горизонтом окупаемости проекта и ставками тарифов на пассажирские и грузоперевозки. Симбиоз Китая и России в сфере международных транспортных коридоров, также, как и симбиоз пассажирских и грузовых перевозок на ВСМ могут создать огромный синергетический эффект как для стран-участниц, так и для всей Евразии по мере его развития.

Список литературы:

1. Аэрофлот / Бронирование [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aeroflot.ru/ru-ru/booking> (4.02.2017)
2. Коммерсант / Россия осваивает новые маршруты экспорта продовольствия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3220646> (12.02.2017)
3. РЖД / "Дочка" РЖД хочет доставлять в контейнерах из КНР в РФ товары e-commerce "Почты России" [Электронный ресурс]. URL:

- http://press.rzd.ru/smi/public/ru?STRUCTURE_ID=2&layer_id=5050&refererLayerId=5049&id=297261 (11.02.2017)
4. РЖД / Расписание, стоимость билетов. [Электронный ресурс]. URL: <http://pass.rzd.ru> (4.02.2017)
 5. РЖД / РЖД считают нужным механизм адаптации к колее разной ширины у грузового поезда для ВСМ. [Электронный ресурс]. URL: http://press.rzd.ru/smi/public/ru/press?STRUCTURE_ID=2&layer_id=5050&refererLayerId=5049&id=297207 (5.02.2017)
 6. Российская газета / Поезда набирают скорость [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2017/02/01/pribyl-rzhd-za-2016-god-okazalas-vdvoe-bolshe-ozhidaemoj.html> (1.02.2017)
 7. ТАСС / ВСМ "Москва - Пекин" может пройти по двум вариантам. [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/ekonomika/1728464> (1.02.2017)
 8. Coto-Millan P., Casares P., Inglada, Economic assessment of railway policies: high speed or high- performance. A case of study. // The Open Transportation Journal. 2012. № 6. С. 23-30
 9. Euro Carex / The european very high speed rail freight network. [Электронный ресурс]. URL: http://www.roissycarex.com/pdf/pressreview/112711760542_carex-pressreview.pdf (5.02.2017)
 10. Freightos / The iPhone 6s freight shipping costs [Электронный ресурс]. URL: <https://www.freightos.com/iphone-6s-freight-shipping-costs/> (18.02.2017)
 11. Reuters / Amazon to start air delivery network with leasing deal. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.reuters.com/article/us-air-transport-sr-amazon-com-idUSKCN0WB1LA> (11.02.2017)
 12. Searates.com / Container shipping service. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.searates.com/ru/> (19.02.2017).

Иванова В.П.
ДИНАМИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
СТРАН И РЕГИОНОВ ВОСТОКА

К.э.н. Доцент ФГБУ «ВГНКИ».
vikam64@gmail.com

Развитие России зависит от перспектив развития стран Востока.

Численность население мира достаточно устойчиво растет в последние 10 лет, выросло на 12,5% в 2015 г. по сравнению с 2005г. (при этом население Европы увеличилось только на 1,2% за указанный период). Население Азии составило в 2015 году 65% численности населения планеты (ее территория составляет только 23,1 %). Существенный вклад в рост населения Азии внесли Индия и Индонезия, население Китая выросло только на 4,8%. За период с 2008 г ода по 2014г. численность населения Африки выросла на 14,7%.

Рост численности населения в указанный период сопровождался улучшением условий жизни людей в большинстве регионов Азии (см. данные таблицы 1).

Таблица 1 Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет)

	1989		2014 г.	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Индия	57	58	66,6	69,5
Индонезия	55	57	66,9	71
Китай	66	69	74,3	77,3
Пакистан	59	59	65,3	67,2
Республика Корея	68	74	79	85,5
Япония	76	82	80,5	86,8

Все таблицы составлены и рассчитаны на основе[1]

Япония по данным Росстата занимает первое место по продолжительности предстоящей жизни, как среди женщин, так и среди мужчин.

Рост продолжительности предстоящей жизни определялся как улучшением питания, так и условий жизни людей, так и развитием здравоохранения.

В этом направлении возможно плодотворное сотрудничество России со странами Азии, как в изучении опыта, так и проведении совместных исследований: при каких условиях гарантированно средняя продолжительность жизни в стране будет равна определенной величине. Например, исследований по влиянию на продолжительность жизни таких показателей (в количественной форме):

- 1) величина затрат на здравоохранение на одного жителя при условии коэффициента дифференциации этих затрат между отдельными категориями населения, не превышающего определенной величины,
- 2) максимальное время между сигналом о потребности в медицинской помощи и ее оказанием жителю страны в случае возникновения потребности в ней,
- 3) доступность и качество оздоровительных мероприятий, необходимых для поддержания здорового образа жизни,
- 4) информированность населения, доступность продуктов питания по цене и качеству для рационального питания жителей страны).

Первая проблема стран Азии- не решен вопрос продовольственной безопасности.

Таблица 2. Суточная калорийность питания населения, ккал на душу

	1997	2013
Индия	2496	2459
Индонезия	2886	2777
Китай	2897	3108
Пакистан	2476	2440
Республика Корея	3155	3329
Япония	2932	2719

Критичными по калорийности дневного рациона являются Пакистан и Индия – менее 2500 калорий (и ситуации несколько ухудшилась за последние годы).

Таблица 3. Производство зерна на душу населения, кг

	2005	2010	2011	2012	2013	2014
Россия	542,2	680,0	426,6	657,8	494,1	632,4
Индия	229,8	224,2	237,9	252,3	253,3	251,8
Индонезия	304,7	345,1	351,7	341,1	356,5	356,9
Китай	332,6	364,7	373,5	388,6	402,4	409,8
Пакистан	226,2	230,6	205,5	208,6	189,3	202,7
Республика Корея	141,4	147,8	120,5	116,0	111,6	115,1
Япония	97,8	89,8	89,2	90,1	92,7	93,6
Франция	1076,8	1128,8	1063,2	1023,6	1126,9	1065,5
США	1248,7	1364,4	1296,5	1236,1	1135,7	1376,6
Мир в целом	357,6	370,4	363,0	373,6	365,8	390,3

Основные азиатские страны не обеспечивают своей потребности в зерне, резко выделяется Япония, в которой уровень продовольственной безопасности

ниже критического для выживания страны в чрезвычайных обстоятельствах.

Это важно для России. Для обеспечения успешного развития стран региона необходимо избавление от зависимости в импорте продовольствия из одной страны. Россия может играть ключевую роль как важного экспортера зерна. Здесь оправдано взаимовыгодное экономическое сотрудничество для обеспечения высокоэффективного сельскохозяйственного производства в России, чтобы гарантировать стабильное обеспечение продовольствием стран Азии.

Вторая проблема – необходимо динамичное развитие производства электроэнергии в некоторых странах Азии (см.таблицу4).

Таблица 4. Производство электроэнергии на душу населения, киловатт-часов

	2005	2014
Россия	6641,8	7284,1
Индия	634,9	963,3
Индонезия	579,4	854,9
Китай	1909,3	4003,5
Пакистан	611,5	528,6
Республика Корея	8095,6	10815,5
Япония	8625,2	8052,6

Рассчитано на основе [1]

В Республике Корее и в Японии производство электроэнергии на душу населения выше, чем в России. В Китае в 2014 г. по сравнению с 2005г. производство электроэнергии на душу населения выросло более, чем в два раза, в Индии – на 51,7%, в Пакистане - на 33%, но явно недостаточно для удовлетворения потребности в ней.

В России есть необходимые разработки и опыт строительства электростанций. Здесь возможно и необходимо плодотворное экономическое сотрудничество.

Третья проблема – преодоление бедности

Удельный вес населения, находящегося за чертой бедности, особенно велик в Бангладеше – 31,5%, Пакистане – 29,5 %, Индии -21,9%,при этом удельный вес населения, живущего менее чем на 2 доллара в день составил в Индии -58%. [1]

Другие направления сотрудничества.

Страны Азии проводят грамотную стратегию финансирования исследований и разработок, обеспечивающую повышение конкурентоспособности их продукции на международном рынке.

Внутренние затраты на исследования и разработки в процентах к валовому внутреннему продукту составили в 2014 г. в Китае – 2,05%,в Республике Корее -4,29%,в Японии-3,59%(В России только 1,09%) [1].

Таблица 5. Внутренние затраты на исследования и разработки на одного исследователя, тыс.долл.США

	2005	2008	2010	2011	2012	2013	2014
Россия	19,70	34,56	39,36	41,93	46,84	49,21	48,08
Китай	63,62	74,35	83,58	85,96	89,95	94,41	99,37
Республика Корея	142,2	149,1	155,6	161,5	163,8	169,5	167,7
Сингапур	177,7	242,3	195,0	214,4	207,9	209,9	236,3
Япония	143,5	168,5	160,2	170,6	179,0	187,6	186,4

Некоторые страны Азии выделяются высокими и динамично увеличивающимися внутренними затратами на исследования и разработки на одного исследователя.

Если посмотреть на удельный вес Азии и Африки в мировом экспорте и импорте, то он ниже их доли в численности населения мира, что свидетельствует о менее развитом обмене товарами с другими странами.

Таблица 6. Удельный вес регионов в мировом экспорте, импорте товаров

	Импорт				Экспорт			
	2005	2010	2014	2015	2005	2010	2014	2015
Россия	2,3	2,6	2,7	2,1	0,9	1,5	1,5	1,1
Европа	41,0	36,0	34,51	31,31	39,92	36,33	33,23	29,02
Азия	23,42	27,53	28,53	30,03	21,41	26,5	28,32	26,96
Африка	2	2,2	1,3	0,9	1,5	2	1,6	0,9
Америка	16,3	15,3	15,4	16	22,8	19,6	19,9	21
Австралия и Новая Зеландия	14,97	16,36	17,56	19,66	13,47	14,07	15,45	21,02
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100

Рассчитано на основе . [1]

Оценка динамики развития стран Азии.

Для оценки уровня развития страны и выработки стратегии ее развития разработано несколько показателей:

1) Всемирный индекс счастья (World Happiness Index) был введен в июле 2011 года на Генеральной Ассамблее ООН в качестве инструмента по выработке решений в области устойчивого развития (SDSN) стран мира.

Он рассчитывается на базе большого числа комплексных исследований включающих, такие показатели как: уровень ВВП на душу населения, гражданской свободы и социальной поддержка населения, продолжительность здоровой жизни, уровень коррупции и др.

Первый всемирный индекс счастья был опубликован в 2012 , второй в 2013 ,

и третий - 23 апреля 2015 года. . [2] Первые места заняли: Швейцария (7,587) , Исландия (7,561), Дания (7,527)

2) К показателям, характеризующим уровень жизни, относится - Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП).

ИРЧП - разработали в 1990 году два экономиста: пакистанец Махбуб уль-Хак и индиец Амартья Сен. С 1993 года ООН ежегодно публикует отчёт о развитии человеческого потенциала, в котором и приводятся величины ИРЧП для подавляющего большинства стран мира. Этот показатель построен так, что пределы его изменения от 0 до 1.

Первоначально, он строился как среднеарифметическое трех других индексов: индекс ожидаемой продолжительности жизни, индекс ВВП на душу населения, индекс грамотности.

ИРЧП, равный 1, будет иметь страна, в которой средняя продолжительность жизни равна 85 годам, ВВП на душу населения (по паритету покупательной способности) равен 40 тыс. долл. США, в которой 100% взрослого населения являются грамотными, а все, кто достиг соответствующего возраста, посещают начальную или среднюю школу либо учатся в высшем или среднем специальном учебном заведении. Ближе всего к этому показателю в 2013 г. находилась Норвегия, ИРЧП которой равен 0,944х [3]

3)Международный индекс счастья(англ. Happy Planet Index) — представляет собой индекс, отражающий благосостояние людей и состояние окружающей среды в разных странах мира, который был предложен New Economics Foundation (NEF) в июле 2006 года.

Для расчёта индекса используются три показателя: субъективная удовлетворенность жизнью людьми, ожидаемая продолжительность жизни и так называемый «экологический след».

Впервые МИС был рассчитан в 2006 году, в него вошли 178 стран.

В 2012 г. самые счастливые –Коста-Рика, Вьетнам, Колумбия. Россия по уровню счастья по этой методике занимает 122 место из 151 страны. [4]

Анализ перечисленных методик и их результатов показывает, что часто результаты определяются целью и задачами тех, кто финансирует исследование. Так как исходными материалами опросов обладает исследовательская организация, то нет возможности другим проверить достоверность этих исследований. Более объективными, на наш взгляд, являются исследования Индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП).

Задачи, стоящие перед Россией и странами Азии, во многом совпадают.

Необходима разработка методики формирования стратегии страны.

Можно ли построить модель развития страны, в которой в качестве критерия оптимальности выступает максимизация ИРЧП? Ответ- нет. Первое препятствие-нет выявленных количественных закономерностей продолжительности жизни в стране от определяющих ее факторов.

Второе препятствие - ВВП на душу населения (по паритету покупательной способности) может быть в среднем равен 40 тыс. долл. США,

но при большом разрыве в распределении ВВП между отдельными слоями населения, может не гарантировать рост условий для развития человеческого потенциала. В тех слоях общества, где очень высокое значение этого показателя, оно порождает потребительские настроения, не связанные с раскрытием творческого потенциала личности. В слоях общества, где значение этого показателя на минимальном уровне, жизнь -борьба за выживание и нет возможности для саморазвития и раскрытия потенциала личности.

Недостаточно изучен вопрос и о качестве образования, способствующем формированию творчески активной и результативной на избранном пути личности.

Анализ данных о калорийности дневного рациона в отдельных странах Справочника Страны мира, показывает, что решение проблемы обеспечения всех жителей планеты необходимым набором продуктов – вполне посильная задача в наше время.

Аналогично в современных условиях развития мира доступно и решение проблемы – грамотности и подготовки специалистов.

Но человечество должно сохранить многообразие форм организации человеческой жизни, ибо это многообразие – неиссякаемый источник познания мира и выбора адекватных путей дальнейшего развития человечества на этой планете.

Сохранение многообразия мира, специфической культуры отдельных народов и выравнивание условий жизни, характера потребления в разных странах – противоречивые задачи. Найти баланс в решении этих задач – важная цель ученых мира.

Список литературы

1. Страны мира. М.Росстат,2016,Мир в цифрах, М., Финансовый инжиниринг, 1992
2. Электронный ресурс. <http://jpsy.ru/public/47393.htm>
3. ООН Доклад о человеческом развитии 2013 (Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире)

Электронный ресурс.

http://ru.wikipedia.org/wiki/Международный_индекс_счастья

Каменев С.Н.
ПРОБЛЕМЫ ПОДСЧЕТА ВВП В ИНДИИ И ПАКИСТАНЕ:
СЛОЖНОСТИ И ОШИБКИ

К.э.н., Ведущий научный сотрудник
Институт востоковедения РАН
Центр изучения стран Ближнего и Среднего Востока
kamenev51@mail.ru

Главным показателем для оценки уровня экономического развития любой страны были и остаются макроэкономические параметры, рассчитанные на основе Системы национальных счетов ООН. Это и доход на душу населения, это и темпы экономического роста, это и отраслевая структура экономики, это и структура использования валового продукта, и многие другие показатели.

Для достоверности картины – желательно по возможности использовать все три метода подсчета ВВП – производственный метод, распределительный метод и метод конечного использования. А это, увы, во многих странах Азии пока что невозможно.

Наверное, в Японии, Сингапуре, может в Южной Корее это и возможно, но подсчитать Национальный доход на стадии, например, распределения в большинстве стран Азии пока что крайне сложно. В ряде азиатских государств подсчитать ВВП на стадии конечного использования тоже непросто - здесь возникают проблемы с подсчетом частного потребления. Остается только производственный метод, который используют все страны, т.е. суммированием добавленной стоимости по отраслям. Далее уже по этим данным рассчитываются темпы экономического роста и другие показатели.

Естественно, что при этом многие страны не хотят ударить в грязь лицом. Поэтому показывают, что темпы роста экономики идут по нарастающей, доход на душу населения увеличивается, бедность сокращается.... Особенно характерна такая «показуха» для стран с низким уровнем экономического развития и даже в государствах, приближающихся к среднему уровню. Здесь есть и приписки, и постоянные изменения методики расчетов основных показателей, и изменения базы цен.

Поэтому пока что для грубой оценки уровня экономического развития и уровня отсталости в сравнении с другими странами (международные сопоставления) применяются (и будут применяться) и доход на душу населения, и темпы роста ВВП, и другие макроэкономические показатели, хотя и это зачастую некорректно.

Насколько это некорректно, видно из небольшого примера, касающегося стран Южной Азии. Доход на душу населения в 2015 г. в Мальдивской Республике был равен 6400 долл. – это самый высокий показатель в Южной Азии, в то время как в Индии он составлял всего лишь 1570 долл. Но разве можно сравнивать экономику Мальдивской Республики с Индией?! На Мальдивах основная отрасль экономики – туризм и в небольшой степени –

рыбное хозяйство. А экономика Индии занимает седьмое место в мире, ВВП составляет свыше 2 трлн долл., а ВВП Мальдивской Республики – всего лишь 3 млрд долл.

Надо различать объективные и субъективные факторы, влияющие негативно и на рост экономики, и на доход на душу населения, и на ряд других макропараметров. С объективными причинами поделаться ничего невозможно – засуха или наводнение в Пакистане или Индии однозначно вели к снижению темпов роста. Кстати, именно это случилось в 2015 г., когда засуха привела к отрицательным показателям в агросфере, а соответственно и к снижению темпов экономического роста в этих государствах. По цепочке это вылилось в застой в отраслях перерабатывающей сельхозпродукцию промышленности. В Индии и Пакистане проживают 20% населения нашей планеты – больше полутора миллиардов из 7,5 млрд чел. (в настоящее время осуществляется перепись населения в Пакистане, которой не было 19 лет).

Но есть и субъективные факторы, которые негативно сказываются на многих макроэкономических параметрах. Это непродуманная экономическая политика правительства. Я приведу небольшой пример, который свидетельствует, что «благими намерениями вымощена дорога в ад».

В ноябре прошлого года правительство Индии объявило о так называемой «демонетизации». На практике это означало изъятие из обращения банкнот достоинством в 500 и 1000 рупий, замена их в течение пары недель на купюры другого достоинства (причем обмен возможен не более 4 тыс. рупий), зачислением на счет в течение полутора месяцев. Конечно, с декларацией о доходах. Я не буду рассказывать, какой кошмар – вплоть до убийств – творился в банках и на почтах, которые выполняют в Индии банковские операции.

Формально главной целью была борьба с фальшивомонетчиками, подделывавшими 500 и 1000 рупиевые купюры, а также желание приобщить население страны к операциям с банковскими картами, сократив наличность. Правда не особенно скрывалась и фактическая главная цель – снизить удельный вес «теневой экономики». По оценкам индийских экономистов, «теневая экономика» составляет 20% от всего объема индийского ВВП.

Практически ничего из этого не удалось сделать, тем более, что сами индийские экономисты признают, что 90% расчетов до сих пор осуществляется наличными деньгами, а не банковскими картами. Будь это покупка чапати (нан) или автомобиль, причем 85% всей наличности обеспечивалось купюрами в 500 и 1000 рупий. Особенно, следует учесть, что в сельской местности Индии только 9% населения умеют чуть-чуть обращаться с компьютерной техникой!

Но главное в другом – почти сразу экономисты Индии снизили показатель роста ВВП в 2016 г. с 7,5% до 6,5%, а 1% - это для Индии с её более, чем 2-х триллионной экономикой немалая потеря. В истекшем году впервые за последние годы не вышел в свет главный том Обзора экономики Индии за 2016/17 год, где содержится вся статистика и отраслевой анализ.

Политические оппоненты сразу начали упрекать правительство Нарендра Моди в безответственности.

Также демонетизация – это удар по Непалу и Бутану, где индийская рупия в полной мере в ходу, и ценится больше, чем непальская рупия.

Кандалинцев В.Г.
ИНВЕСТИЦИОННЫЙ КЛИМАТ КАК ИНСТРУМЕНТ
ПРИВЛЕЧЕНИЯ ПИИ В СТРАНАХ ВОСТОКА: ВОЗМОЖНОСТИ И
ОГРАНИЧЕНИЯ

К.э.н., Старший научный сотрудник
Институт востоковедения РАН
Отдел экономических исследований
blisvet2011@yandex.ru

I. *Инвестиционный климат как первый этап инвестиционного процесса*

Инвестклимат можно рассматривать как первый этап инвестиционного процесса, в котором формируется общая инвестиционная привлекательность принимающей страны. Коротко рассмотрим задачи этих этапов:

1. Создание благоприятного инвестиционного климата в принимающей стране. Государство может совершенствовать законодательство и административные процедуры в интересах инвестиционного процесса, а также непосредственно участвовать в проектах. Для стратегических проектов с участием крупных инвесторов часто важна «настройка» законодательства и участия государства в интересах конкретного стратегического проекта. Для проектов менее крупных и более многочисленных существенно общее улучшение условий ведения бизнеса в принимающей стране.

2. Выдвижение перспективных идей проектов. В сложных условиях развивающихся стран важно, чтобы инициаторы проектов ориентировались на наиболее перспективные идеи. Такие идеи должны учитывать прибыльность и риски, вопросы расширения занятости, удлинения цепочек создания стоимости и другие факторы, которые способствуют социально-экономическому развитию.

3. Поиск инвесторов. Конкуренция за привлечение инвестиций ощутимо действует среди развивающихся стран. Поэтому на национальном уровне необходима развитая инфраструктура поиска инвесторов, включающая информационные ресурсы и сеть доверительных контактов.

4. Предоставление финансирования и технологий. На этом этапе для развивающихся стран важно добиться, чтобы инвесторы не только финансировали проекты, но и обеспечивали бы передачу необходимых технологий.

5. Разработка проектов. Консультантам, принимающим участие в разработке проектов, необходимо более тщательно подходить к оценке рисков проектов, а также стремиться к большей комплексности проектов.

6. Реализация проектов. Для проектных команд актуальна задача выдерживания качества, сроков и бюджетов проектов. Улучшение подготовки участников команд, внедрение современных стандартов

управления проектами может существенно помочь в этом плане.

7. *Производственная деятельность предприятия.* Завершение инвестиционного проекта означает появление постоянно работающего предприятия. Эффект произведенных инвестиций усилится, если стратегия предприятий будет включать социальные и экологические вопросы.

Говоря в целом, инвестклимат является «запускающим» этапом инвестиционного процесса. Этот запускающий этап становится решающим в периоды благоприятной мировой конъюнктуры, когда именно инвестклимат, а не кризисные шоки управляют движением ПИИ.

II. Воздействие инвестиционного климата на привлекательность инвестирования в принимающих странах

Инвестиционный климат оказывает значительное влияние на объемы прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в принимающих странах. Для его оценки далее применен индекс, состоящий из десяти компонентов. Улучшение каждого из этих компонентов значимо воздействует на привлекательность инвестирования:

1. *Рост величины рынка* – снижает себестоимость вследствие эффекта масштаба производства, позволяет осуществлять более гибкие стратегии вследствие большей сегментации рынка.
2. *Повышение открытости экономики* – расширяет количество секторов и отраслей, открытых для ПИИ, снижает потолки иностранного участия в капитале.
3. *Развитие инфраструктуры* – позволяет снизить издержки производства и увеличить производственные мощности, соединяет рынки и сферы экономической деятельности, улучшает доступ к объектам и сооружениям.
4. *Улучшение качества трудовых ресурсов* – позволяет реализовывать технологически сложные проекты, повышать качество продукции.
5. *Сохранение относительно невысоких расходов на оплату труда* – создает преимущества в ценовой конкуренции.
6. *Усиление защиты инвестиций* – стимулирует рост объемов ПИИ и передачу технологий.
7. *Снижение рисков* – вовлекает в инвестирование чувствительных к риску инвесторов.
8. *Развитие финансовых рынков* – расширяет возможности финансирования проектов с помощью национальной банковской системы и фондовых рынков.
9. *Снижение налоговой нагрузки* – увеличивает прибыль после налогов и расширяет возможности реинвестирования и распределения прибыли в зависимости от приоритетов инвесторов.
10. *Улучшение качества регуляторной среды* – сокращает затраты

времени и расходы на создание полноценно функционирующего предприятия.

Перечисленные компоненты наиболее значимы с точки зрения инвестиционной привлекательности принимающих стран. Развитие данных компонентов – приоритетная задача государственных органов по иностранным инвестициям.

III. Индекс инвестиционного климата и приток ПИИ в странах Востока

Данные по индексу инвестклимата позволяют судить о его связи с некоторыми параметрами притока ПИИ в страны Востока (см. Таблицу 2). В этом плане можно выделить три группы стран.

Таблица 2. Индекс инвестиционного климата и приток ПИИ в странах Востока

Страна	Индекс инвестиционного климата 2016 г., баллов (0-10)	Приток ПИИ на душу населения в 2014 г., долл.	Доля притока ПИИ в ВВП в 2014, %	Приток ПИИ в 2014, млрд. долл.
1. Сингапур	8,07	12 199	14,9	67,5
2. Малайзия	7,71	350	1,4	10,8
3. Южная Корея	7,36	192	0,6	9,9
4. Таиланд	7,32	193	1,2	12,6
5. ОАЭ	7,26	1 086	1,6	10,1
6. Турция	7,17	156	0,8	12,1
7. Израиль	7,15	760	2,4	6,4
8. Индия	7,06	27	0,5	34,4
9. Индонезия	6,99	87	0,8	22,6
10. Китай	6,85	94	0,7	128,5

Источник: рассчитано автором на основе [1-7], а также данных Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) ООН и Всемирного банка.

1. Небольшие по территории и численности населения страны. Эти страны обычно имеют более благоприятный и сбалансированный инвестклимат (располагаясь в верхней половине таблицы индекса инвестклимата), большую интенсивность притока ПИИ (в расчете на душу населения) и более значительную роль ПИИ в национальной экономике (оцениваемую по доле притока ПИИ в ВВП). Наиболее очевидный пример – Сингапур. Островное государство обладает самым высоким общим индексом инвестклимата. Только по двум позициям, величине рынка и величине расходов на оплату труда, Сингапур не занимает лидирующего положения, по остальным восьми показателям инвестклимата у него первое место среди

десяти рассматриваемых стран. С большим отрывом Сингапур опережает другие страны по показателю величины ПИИ на душу населения (более 12 тыс. долл.) и по доле притока ПИИ в ВВП (почти 15%). Менее рельефно, но все же достаточно заметно выражена данная ситуация и в таких небольших государствах, как ОАЭ и Израиль.

2. Крупные страны имеют более низкий индекс инвестклимата и более низкие показатели притока ПИИ на душу населения и доли ПИИ в ВВП. Давление на индекс инвестклимата и душевой показатель притока ПИИ в этих странах оказывают очевидные объективные факторы. Например, большие расстояния удорожают формирование необходимой инфраструктуры, а аграрное перенаселение снижает показатель притока ПИИ на душу населения. Сложнее в странах данной группы определить баланс между открытостью экономики и развитием национальных производств, между налоговыми льготами и бюджетными потребностями. Поэтому в Китае, несмотря на значительные меры по увеличению открытости экономики уровень рестрикций на ПИИ остается одним из самых высоких в мире, а Индия в 2014 г. повысила корпоративный налог с 32,45% до 33,99%. В целом три страны группы (Китай, Индия, Индонезия) имеют схожие характеристики индекса инвестклимата и притока ПИИ.

3. Страны промежуточной группы. К ним можно отнести Малайзию, Южную Корею, Таиланд и Турцию. Для них характерны более высокий индекс инвестклимата и более высокие показатели притока ПИИ на душу населения, чем у стран второй группы. При этом Малайзия «сдвинута» в направлении первой группы, поскольку ее население наименьшее в промежуточной (третьей группе), а индекс инвестклимата, показатели подушевого притока ПИИ и доли ПИИ в ВВП – самые высокие.

Несмотря на то, что приведенные выше данные в достаточной степени свидетельствуют о наличии связи между инвестклиматом и притоком ПИИ, эта связь проявляется не одномоментно, а на протяжении ряда лет. Оценивать ее нужно осторожно. Дело в том, что динамика притока ПИИ в разных странах неравномерна, в отдельные годы (у разных стран разные) случаются резкие провалы в притоке, а затем затухающие периоды ускоренного восстановления. Поэтому колебания показателей притока ПИИ значительны, и их сравнение в разных странах в конкретном году не всегда наводит на объективно обоснованные выводы.

С другой стороны, улучшение инвестклимата осуществляется небыстро, за исключением начальных периодов реформ, когда срабатывает эффект низкой базы на старте. Несомненно, что существует и лаг между улучшением инвестклимата и увеличением притока ПИИ, так что более высокий индекс инвестклимата лишь по прошествии нескольких лет начинает увеличивать приток ПИИ. Все это говорит о том, что хотя инвестклимат является одним из важнейших инструментов модернизации национальной экономики, его применение эффективно тогда, когда есть стратегия привлечения ПИИ, рассчитанная на ряд лет вперед.

Список литературы:

1. Global Competiveness Report 2015-2016 / Ed. by Klaus Schwab. - Geneva, World Economic Forum, 2015.
2. Данные по индексу регуляторных ограничений ПИИ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oecd.org/investment/fdiindex.htm> (07.01.2017).
3. Global Competiveness Report 2015-2016 / Ed. by Klaus Schwab. -Geneva, World Economic Forum, 2015.
4. The Human Capital Report 2015. World Economic Forum, 2015.
5. Данные о среднем уровне заработной платы в странах мира. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.statista.com/statistics/226956/average-world-wages-in-purchasing-power-parity-dollars> (07.01.2017).
6. Global Competiveness Report 2015-2016 / Ed. by Klaus Schwab. -Geneva, World Economic Forum, 2015.
7. Данные по индексу политического риска в странах мира. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.prsgroup.com/category/risk-index> (07.01.2017).

Коростелева М.О.
ВЛИЯНИЕ ЯПОНСКИХ ПРЯМЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В КНР НА
ДИНАМИКУ И СТРУКТУРУ ДВУСТОРОННЕГО ТОВАРООБОРОТА

Преподаватель НИУ «Высшая школа экономики»
Аспирант Института Дальнего Востока РАН
maridemina@gmail.com

В абсолютном выражении японо-китайские торговые отношения имеют большой вес в мировой экономике: в 2015 г. товарооборот между двумя странами составил около 270 млрд. долл. и по объему уступил лишь товарной торговле между США и КНР, США и Канадой, США и Мексикой. Японо-китайский товарооборот стремительно расширялся в первой декаде XXI века: высокие среднегодовые темпы прироста стоимостного объема двусторонней торговли за период с 2000 по 2008 г. (17,2%) сопоставимы лишь с аналогичным показателем за 1970-е гг., когда после установления дипломатических отношений и заключения ряда международных соглашений между Японией и КНР товарооборот в среднем возрастал на 27,4% в год [3]. Нарастание торговых контактов в начале XXI в. происходило на фоне постепенной перестройки экономик двух стран, а также изменений в структуре их внешней торговли.

Прямые иностранные инвестиции в китайской экономике обеспечили общее повышение квалификации местной рабочей силы, увеличение доли среднетехнологичной продукции¹⁸ в китайском экспорте, передачу технологий и как следствие – рост технологического уровня китайских компаний. Растущая конкуренция со стороны КНР и других восточноазиатских стран в сфере производства недорогой готовой продукции заставила японские компании сосредоточиться на разработке, производстве и поставках на мировой рынок готовой и промежуточной продукции с высокой долей добавленной стоимости. Наиболее трудоемкие и ресурсоемкие этапы производства остались за пределами Японии, а участие страны в международном разделении труда стало строиться по горизонтальной модели. Эти изменения в экспортных специализациях Японии и КНР создали предпосылки для ускорения роста товарной торговли между ними.

В то же время достичь столь высоких темпов роста японо-китайского товарооборота оказалось возможным лишь благодаря участию японского бизнеса. Открытие филиалов японских компаний в Китае, расширение их деятельности и установление контактов с китайскими деловыми кругами сопровождалось ростом поставок продукции из КНР в Японию и из Японии в

¹⁸ Для определения уровня технологичности продукции в данной работе используется классификация, принятая ОЭСР. Основным критерием является доля расходов на НИОКР в себестоимости товара: для низкотехнологичных товаров эта доля не превышает 1%, для среднетехнологичных – составляет от 1% до 5%, для высокотехнологичных – от 5% до 15%. Более подробно – см. Technological classification of exports by SITC, UN Trade Statistics. [Электронный ресурс]. URL: <http://unstats.un.org/unsd/tradekb/Knowledgebase/Technological-classification-of-exports-by-SITC> (23.10.2016)

КНР. Если сопоставить количественные показатели – ежегодные потоки японских прямых инвестиций в КНР и двусторонний товарооборот – обнаруживается схожая динамика: рост обоих показателей с 2000 г.; затем замедление роста инвестиций во второй половине 2000-х гг. и падение товарооборота в 2009 г.; возврат к докризисным уровням к концу декады; сокращение инвестиций и товарооборота после 2011 г. (см. Графики 1, 2). Коэффициент корреляции между темпами прироста этих двух показателей имеет положительный знак, и его величина составляет 0,51.

График 1. Динамика японо-китайской товарной торговли, млн. долл., 2000 – 2015 гг. [3]

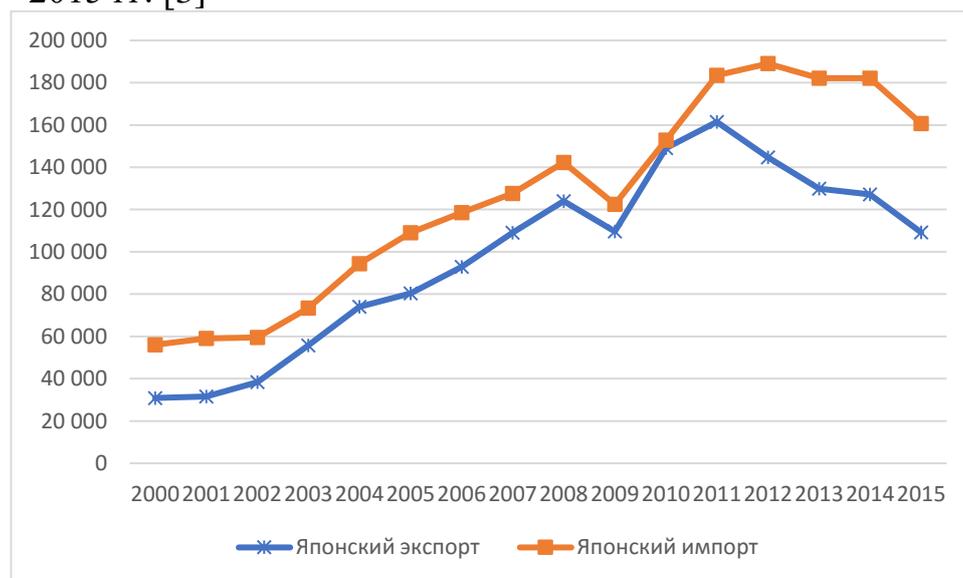
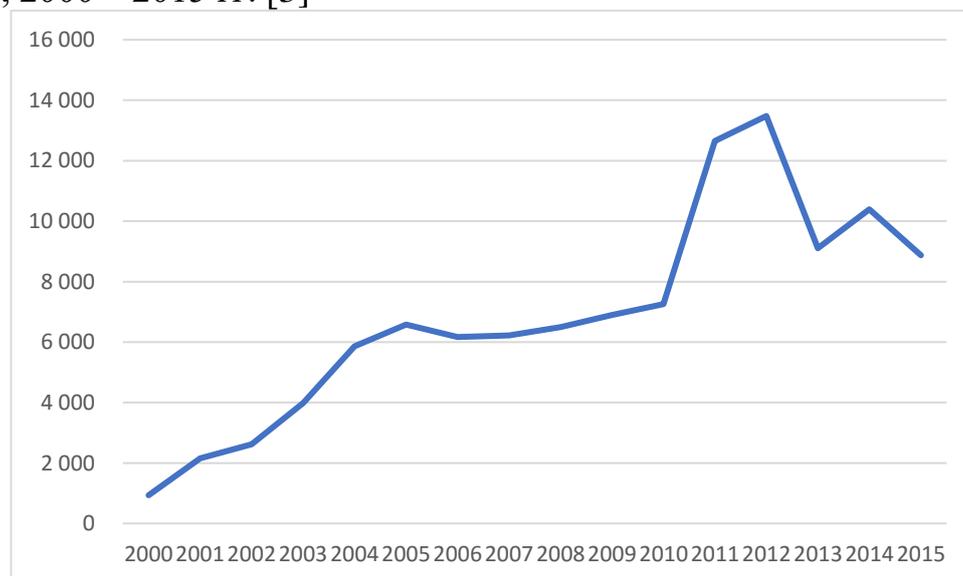

График 2. Динамика потоков японских прямых инвестиций в КНР, млн. долл., 2000 – 2015 гг. [3]

Структура японо-китайского товарооборота в 2000-х гг. также свидетельствует о том, что рост двусторонней торговли связан в первую очередь с деятельностью японских компаний в КНР: в японском экспорте преобладали капитальные и промежуточные товары (суммарно более 80% в 2009 г. [2, р. 88]), направляемые для оснащения и снабжения предприятий японского происхождения в КНР; в японском импорте большую часть

занимали потребительские товары, в том числе товары длительного пользования, произведенные на японских заводах в КНР.

Исходя из того, что в прошлом десятилетии японские прямые инвестиции в китайской экономике обусловили восходящий тренд двусторонней торговли, в данной работе автор предлагает использовать последнюю статистику по японским ПИИ в КНР для прогнозирования динамики товарооборота в кратко- и среднесрочной перспективе.

Статистика показывает, что с 2013 г. вплоть до настоящего времени японские капиталовложения в китайскую экономику сокращались в абсолютном и в относительном выражении, а в 2015 г. их стоимостной объем снизился до 8,9 млрд. долл., что составило лишь 6,8% всех исходящих японских инвестиций против 12,7% в 2010 г. [3]. Показательно, что в 2013 г. японские ПИИ в страны АСЕАН впервые за последнее десятилетие оказались в 2,5 раза дороже японских инвестиций в КНР, а в 2014 г. этот разрыв еще больше увеличился [3].

Кроме того, с середины 2000-х гг. изменилась отраслевая структура японских прямых инвестиций в материковом Китае: быстрыми темпами начал расти объем капиталовложений в непромышленный сектор, наиболее привлекательными для японских инвесторов стали такие отрасли, как финансы и страхование, торговля.

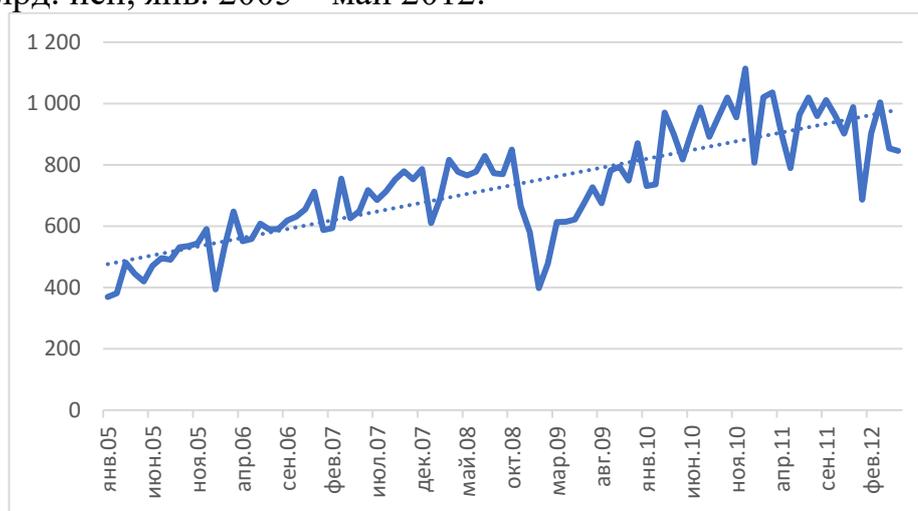
Отмеченная тенденция к сокращению ежегодных объемов японских ПИИ в КНР предположительно окажет тормозящее воздействие и на динамику двустороннего товарооборота. Сдвиги в отраслевой структуре японских инвестиций в пользу отраслей третичного сектора также будут сдерживать рост товарной торговли, так как предприятия, нацеленные на оказание различного рода услуг для китайского населения, в отличие от производственных предприятий, в большинстве своем не нуждаются в регулярных крупных поставках из Японии.

С другой стороны, внушительные объемы накопленных японских инвестиций в промышленном секторе китайской экономики (72,4 млрд. долл. в 2015 г. [1]) и большое количество японских производственных центров на территории КНР требуют сохранения поставок машиностроительной продукции инвестиционного назначения из Японии на определенном уровне – поэтому можно исключить резкие падения двустороннего товарооборота при прочих равных условиях. По этой же причине, даже если японо-китайская торговля сокращается в результате негативного воздействия экзогенных кризисов, довольно быстро наступает оживление, а динамика объемов товарной торговли напоминает U-образную кривую.

Данное утверждение можно проиллюстрировать на конкретном примере: в условиях масштабного кризиса спроса 2008-2009 гг. японский экспорт в КНР в реальном выражении восстановился в гораздо более короткий срок, чем глобальный японский экспорт (см. Графики 3, 4). Поставки продукции ключевых товарных групп (химия, общее машиностроение, электроника и электротехника, транспортные средства) из Японии в КНР в

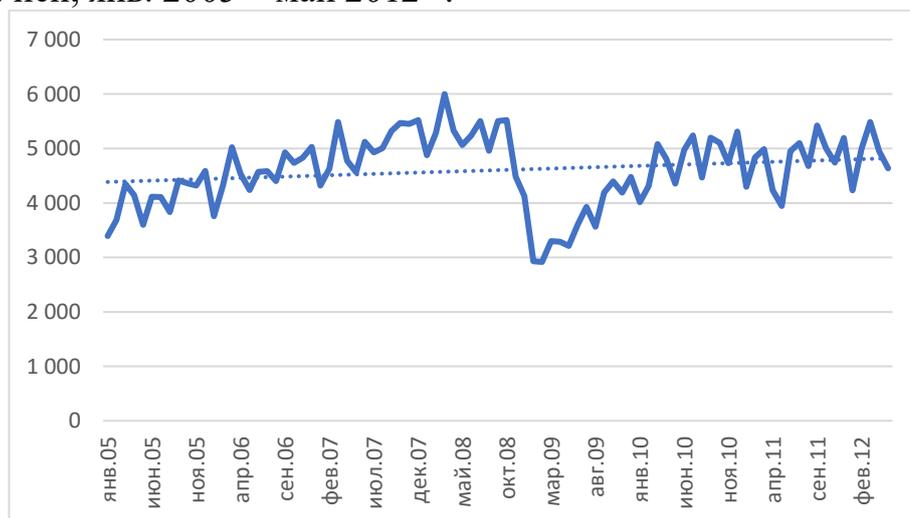
ценах 2005 г. достигли локального минимума в январе 2009 г. и вернулись к докризисному уровню уже в декабре того же года. В то же время реальный экспорт Японии по всем странам мира приблизился к докризисным показателям лишь в середине 2012 г. после минимума, зафиксированного в январе 2009 г. Такой быстрый отскок японского экспорта в КНР в постоянных ценах среди прочего обусловлен и тем, что филиалы японских компаний в Японии и КНР объединены международными производственными сетями, связаны каналами закупок и поставок, и потому товарообмен между ними легко как заморозить, так и возобновить.

График 3. Динамика японского реального экспорта в КНР (в ценах 2005 г.), млрд. иен, янв. 2005 – май 2012.

Рассчитано и составлено по [3], [1].

График 4. Динамика японского реального экспорта (в ценах 2005 г.), млрд. иен, янв. 2005 – май 2012¹⁹.

Рассчитано и составлено по [3], [1].

Постепенное сокращение технологического разрыва между Японией и КНР, а также активная деятельность японских компаний в Китае оказывают

¹⁹ Примечание: при составлении Графиков 4, 5 реальный экспорт был рассчитан по четырем основным товарным группам: химия, общее машиностроение, электроника и электротехника, транспортные средства – на которые приходится около 2/3 японского экспорта в КНР. При расчете для каждой товарной группы был использован соответствующий индекс экспортных цен.

влияние не только на динамику двусторонней торговли, но и приводят к качественным изменениям в ее структуре. Если ранее, до начала 2000-х гг., Япония поставляла в Китай высокотехнологичную готовую промышленную продукцию (в основном общего машиностроения), а взамен получала сырье, материалы, прошедшие первичную обработку, и товары трудоемких отраслей – то есть двусторонняя торговля строилась по классической теории соотношения факторов производства Хэкшера-Олина – то на современном этапе и Япония, и КНР поставляют друг другу высокотехнологичные товары (в частности, электротехнику, фармацевтические препараты, медицинское оборудование, музыкальное и звукозаписывающее оборудование и др.) и среднетехнологичную промежуточную продукцию (изделия из резины, стальные трубки, стекло, крепеж, текстиль и др.) Страны все более активно обмениваются продукцией одних и тех же отраслей, что выражается в росте индекса Грубеля-Ллойда. Индекс Грубеля-Ллойда рассчитывается по формуле:

$$B_j = \left(\frac{\sum(X_i + M_i) - \sum|X_i - M_i|}{\sum(X_i + M_i)} \right) \times 100$$

где X_i и M_i обозначают соответственно экспорт и импорт продукции товарной группы i . Если индекс равняется 100 (то есть стоимость экспорта и импорта для каждой товарной группы одинаковы), то уровень внутриотраслевой торговли максимален; если же индекс равняется 0, значит, страны закупают друг у друга те товары, которые сами не экспортируют, соответственно, речь идет о межотраслевой торговле [4]. В случае Японии и КНР можно отметить рост уровня внутриотраслевой торговли: значение индекса Грубеля-Ллойда²⁰ составило 31,7 в 2000 г., 37,3 в 2010 г. и уже 43,7 в 2015 г. [5]. Это изменение связано с рядом причин.

Во-первых, рост уровня внутриотраслевой торговли между двумя странами во многом обусловлен работой японских производственных центров на территории Китая: большая часть межгосударственной торговли оказывается внутрифирменной, и филиалы в разных странах обмениваются технологически неоднородной продукцией одной отрасли. Довольно часто используется стратегия, когда некоторые комплектующие с высокой долей добавленной стоимости (например, монолитные интегральные схемы, автомобильные трансмиссии) поставляются на китайские сборочные предприятия из Японии, а затем уже готовая продукция экспортируется в Японию. Поскольку технологически сложные комплектующие и готовая продукция по ряду международных классификаций относятся к одной отрасли, статистика выявляет внутриотраслевую торговлю.

Во-вторых, сырье и низкотехнологичные товары из КНР теряют ценовую конкурентоспособность, в то время как полуфабрикаты становятся достаточно качественными, чтобы заинтересовать стремящихся снизить свои издержки производителей в Японии. За первое десятилетие XXI в. в китайском

²⁰ При расчете индекса в качестве товарных групп были использованы категории товаров стандартной международной торговой классификации ООН (SITC) первой редакции с 3-значным кодом.

экспорте заметно увеличилась доля технологически сложных промежуточной продукции и комплектующих: если в 2000 г. она составляла 30%, то в 2009 г. – уже около 50% [2, р. 88]. Этот фактор в сочетании с предыдущим приводит к беспрецедентному росту торговли промежуточной продукцией между Японией и КНР. По данным IDE-JETRO, в 2009 г. более двух третей японского экспорта в КНР и более трети китайского экспорта в Японию составляли промежуточные товары, которые впоследствии использовались в производстве на территории страны-импортера [2, р. 89].

В-третьих, повысился уровень жизни среднестатистического китайца, и сейчас он может позволить себе приобретать высококачественную японскую продукцию – этим объясняется растущий объем поставок потребительских товаров из Японии в противовес продукции промышленного назначения. Пока их доля в японском экспорте в КНР очень мала (не более 5% в 2009 г. [2, р. 89]), однако можно ожидать ее увеличение в связи с ростом благосостояния, потребностей и индивидуализации предпочтений китайского населения. В крупнейших городах Китая – таких как Шэньчжэнь, Гуанчжоу, Тяньцзинь, Шанхай, Пекин, Ухань – доход на душу населения уже превышает 10 тыс. долл., а жители привыкли к высокому уровню жизни и заинтересованы в дорогих товарах сегмента люкс.

Описанная выше новая модель двусторонней торговли предполагает большой потенциал дальнейшего расширения обмена продукцией одних и тех же отраслей по мере повышения уровня технологического развития Китая. Для сравнения: индекс внутриотраслевой торговли между Японией и более технологически и экономически развитой, нежели КНР, Республикой Кореей на 2015 г. составляет 54,2 [5].

Итак, с учетом изменений в инвестиционной стратегии японских компаний в КНР в среднесрочной перспективе можно прогнозировать сохранение объема товарооборота (в реальном выражении) на текущем высоком уровне без значимых колебаний даже в условиях экзогенных шоков, а также увеличение доли торговли технологически неоднородной продукцией одних и тех же отраслей в структуре товарооборота.

Список литературы:

1. Bank of Japan, Main Statistical Data. [Электронный ресурс]. URL: http://www.stat-search.boj.or.jp/index_en.html (20.01.2017)
2. IDE-JETRO, W.T.O. Trade patterns and global value chains in East Asia: from trade in goods to trade in tasks // World Trade Organisation, Geneva, Switzerland. – 2011.
3. JETRO, Japanese Trade and Investment Statistics. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics/> (20.01.2017)
4. Lloyd P.J. How Intra-Industry Trade Changed Our Perception of The World Economy // The Singapore Economic Review. – 2004. – Vol. 49. – №. 1.
5. UN Comtrade Database. [Электронный ресурс]. URL: <https://comtrade.un.org/> (20.01.2017)

Лебедева И.П.
ЯПОНИЯ: ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ФОРМ ЗАНЯТОСТИ И
УГЛУБЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО РАССЛОЕНИЯ

Д.э.н., Главный научный сотрудник
Институт востоковедения РАН
Центр японских исследований
lebedeva130250@mail.ru

С начала 1990-х годов под влиянием ряда факторов бывший до этого достаточно ровным социальный ландшафт Японии начал довольно быстро видоизменяться. Равенство в доходах, примерно одинаковый уровень благосостояния различных слоев населения, ориентация абсолютного большинства семей на стандартный образ жизни и определенную систему ценностей сменились заметным расслоением по уровню текущих доходов и социальному статусу, а также все большим разнообразием стилей жизни и жизненных предпочтений японцев.

С точки зрения масштабов и социальных последствий главной линией социального расслоения стало резкое возрастание среди лиц, работающих по найму, доли непостоянно занятых. Рост непостоянной занятости происходит во всех развитых странах под влиянием процесса сервисизации экономики и изменения характера многих видов труда в результате распространения информационных технологий. Но ни в одной другой стране не существует такого глубокого водораздела между положением постоянных и непостоянных работников, как в Японии. Это относится и к оплате труда, и к возможностям повышения квалификации, а, следовательно – и продвижения по службе, и к объему социальных гарантий.

К этому следует добавить, что непостоянно занятые первыми подпадают под увольнения в случае ухудшения положения дел в компании, поскольку в отличие от постоянных работников у них нет ни гарантий долговременной занятости, ни защиты со стороны правосудия. Так, японские суды крайне отрицательно относятся к попыткам компаний уволить нерадивых работников, полагая, что они сами виноваты в том, что не смогли вырастить из них достойных членов коллектива и найти им подобающее место. Но на непостоянных работников эти правила не распространяются, даже если их контракты возобновляются и работа растягивается на несколько лет.

Но особое значение имеют различия в социальном статусе постоянных и непостоянных работников, т.е. в том, как их воспринимают в японском обществе. Они сложились под влиянием системы пожизненного найма, которая стала не только моделью управления трудом японских компаний, но и основой, на которой и вокруг которой формировались система ценностей и образ жизни нескольких послевоенных поколений японцев. Под влиянием системы пожизненного найма статус постоянного работника с гарантиями

продвижения по службе и повышения заработной платы на долгие годы вперед стал восприниматься в обществе как несомненная ценность, а статус непостоянного работника с нестабильной занятостью и низкой оплатой труда занял гораздо более низкое положение.

Особую остроту проблеме резких различий в положении постоянных и непостоянных работников придает происшедшее за два последних десятилетия качественное изменение состава категории непостоянно занятых. Прежде на условиях непостоянной занятости работали в основном школьники старших классов, студенты и домохозяйки, т.е. лица, для которых эта работа не являлась основным занятием и не была главным источником средств к существованию. Однако с начала 1990-х гг. состав этой категории начал постепенно меняться, и сейчас ее костяк составляют завершившая образование, но не нашедшая постоянную работу молодежь, женщины, вырастившие детей и желающие вернуться к полноценной трудовой деятельности, работники, уволенные по возрасту или в связи с реорганизацией компании и т.д. И для подавляющей их части работа на условиях непостоянной занятости является и основным видом занятий, и главным источником дохода.

В наиболее остром виде глубокий водораздел между постоянными и непостоянными работниками проявляет себя в молодежном сегменте рынка труда. За последние десять лет – с 2006 г. по 2015 г. – число молодых людей в возрасте от 15 до 34 лет, работающих на условиях постоянной занятости, сократилось с 15 млн 890 тыс. до 10 млн 180 тыс. или на 36%, а число непостоянно занятых, напротив, возросло с 2 млн 850 тыс. до 5 млн 190 тыс. или увеличилось на 82%. В результате, если в 2006 г. соотношение между постоянными и непостоянными работниками составило 84,8%:15,2%, то в 2015 г. – соответственно 66,2%:33,8%. А доля молодежи в общей численности непостоянных работников возросла за эти годы с 17% до 26,2% [1, 2006, 2015, table I-B-1].

Следствием роста непостоянной занятости среди молодежи стали: ее поляризация по социальному статусу и доходам в зависимости от формы занятости; появление в ее среде весьма необычных или нестандартных групп, образ жизни и ценностные ориентиры которых контрастируют с общепринятыми нормами и представлениями (*фритеры, парасайто сингуру, нитто, хикикомори*); заметный рост доли не состоящих в браке молодых японок и японцев. Так, среди постоянных работников - мужчин в возрасте от 25 до 39 лет доля не состоящих в браке составляет 42,5%, а среди непостоянных – 75,9%; среди женщин того же возраста – соответственно 56,8% и 38 % [3, p.197].

За этими цифрами скрываются укоренившиеся в общественном сознании представления о различных ролях и положении мужчин и женщин в обществе, о престижной работе и карьере, о модели семьи и семейных отношений. В частности, высокий процент не состоящих в браке среди женщин, работающих на условиях постоянной занятости, говорит о том, что

статус постоянного работника имеет особую ценность для женщин, которым сложнее, чем мужчинам получить постоянную работу. И они готовы платить за это высокую цену, включая отказ от замужества и материнства, или в лучшем случае - перенос этих событий на возможно более поздние сроки. Неудивительно поэтому, что в Японии в последние годы показатель фертильности был одним из самых низких среди развитых стран (1,4). Но это средний показатель, а за ним скрываются резкие различия по категориям работающих и неработающих замужних женщин: если в первой категории он составляет всего 0,6, то во второй – 2,2 и практически не меняется на протяжении последних трех десятилетий [4, p. 162-163].

Менее масштабные, но вполне ощутимые разделительные линии можно обнаружить и в сфере постоянной занятости. Первая из них – это закладываемые еще на стадии найма гендерные различия в характере работы. Они были введены в японских компаниях после принятия в 1986 г. Закона о равных правах женщин и мужчин при найме на работу. Поскольку в законе речь шла о недопущении неравенства в пределах одной и той же категории работников, компании пошли на выделение в рамках пожизненного найма двух типов карьеры: одна – для тех, кто будет заниматься так называемой общей работой (*согосёку*), а вторая – для тех, кто будет выполнять обычную работу (*иппансёку*). Это разделение было необходимо, прежде всего, для того, чтобы избежать ненужных расходов на внутрифирменное обучение таких «неперспективных» с точки зрения менеджмента работников, как женщины, поскольку абсолютное большинство из них после замужества и рождения ребенка уходило с работы. Для карьеры, связанной с *согосёку*, нанимались преимущественно мужчины, на которых в полной мере распространялись все привилегии пожизненного найма, а карьера, связанная с *иппансёку*, предназначалась, главным образом, для женщин, ограничивалась выполнением различной офисной работы и предполагала значительно более скромные возможности для повышения квалификации и карьерного роста, а также более низкую заработную плату. Хотя после принятия Закона о равных правах при найме на работу число женщин, работающих на условиях постоянной занятости, стало быстро возрастать и в 2015 г. составило почти 11 млн, а их доля в общем числе постоянных работников достигла почти 1/3, гендерное разделение труда в японских компаниях сохраняется и сейчас. Так, по данным за 2014 г., среди постоянных работников, занятых *согосёку*, на долю мужчин приходилось около 80%, и, наоборот, среди тех, кто выполняет *иппансёку*, 80% составляли женщины [2, p.103].

В самые последние годы появилась новая категория постоянных работников – постоянные работники с ограничениями. Эта категория была введена с целью придания большей гибкости системе пожизненного найма, более полного учета потенциала, устремлений и жизненных обстоятельств работников при планировании их карьеры и организации системы внутрифирменного обучения, а в конечном итоге – для оптимизации

расходов на рабочую силу. При этом выделяются три типа ограничений: на место работы, на характер работы, на время работы. В первом случае в процессе ротации работник не может быть переведен в другой город, что является обычной практикой в системе пожизненного найма. Во втором случае оговариваются ограничения в отношении характера служебных обязанностей (например, то, что ротация может происходить только в рамках инженерных специальностей и не должна включать управленческие должности). Третий вид ограничений предполагает освобождение работника от выполнения какой-либо работы или других видов деятельности во внеурочное время.

У постоянных работников с ограничениями такой же бессрочный контракт и такой же объем социальных гарантий, как и у обычных постоянных работников. Однако, поскольку ограничения на характер и условия их работы оговариваются в момент найма (или в момент изменения статуса), очевидно, что это накладывает сильный отпечаток на подходы менеджмента к планированию их карьеры и всех ее составляющих, и все это конвертируется в различия в заработной плате. Так, согласно данным одного из обследований, часовая заработная плата работников с ограничениями на характер работы примерно на 10 % ниже, чем у обычных постоянных работников, а с ограничениями на место работы – почти на четверть [5, p. 35].

С учетом негативных последствий углубления социального неравенства правительство принимает законы, направленные на защиту прав непостоянных работников и улучшение положения работающих женщин, предпринимает меры, облегчающие трудоустройство молодежи, а также через систему налогообложения и социального обеспечения стремится сгладить возрастающее неравенство в доходах.

Список литературы:

1. Annual Report on the Labour Force Survey // Statistics Bureau. 2006, 2015 (URL:<http://www.stat.go.jp/>) (15.11.2016).
2. Kanai K. The MHLW's Policy of "Diverse Regular Employees" and Its Impact on Female Employment // *Japan Labor Review*. Vol.13. № 2. Spring 2016.
3. Morioka.K. *Koyou mibun shyakai* (Society, in which status depends on form of employment). Tokyo: Iwanami Shyoten, 2015.
4. The Sociology of Japanese Youth. N.Y.: Nissan Institute/ Routledge, 2012 .
5. Takahashi K. Current Developments and Challenges in the Personal Management of Restricted Regular Employment // *Japan Labor Review*. Vol.13. № 2. Spring 2016.

Лукоянов А.К.
РАЗВИТИЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА ИРАНА

К.и.н., Старший научный сотрудник
Институт востоковедения РАН
Центр энергетических и транспортных исследований
lukaleksandr@y.ru

Руководство Ирана придаёт огромное значение развитию железнодорожного транспорта как важнейшему компоненту современной инфраструктуры, необходимой для успешного экономического развития страны.

Чтобы правильно понять задачи железнодорожного строительства Ирана, необходимо помнить, что ИРИ продолжает следовать тем стратегическим курсом, который был провозглашён ещё иранскими монархами: курс на превращение страны в державу мирового уровня.

Ирану нужны новые рынки сбыта своей продукции и услуг. Руководство и деловые круги страны заинтересованы в максимально быстром экономическом продвижении в соседние страны и сопредельные страны

И, конечно, Иран ищет новые пути выхода на рынки ЕС и Китая.

Важную роль здесь призваны играть именно современные железные дороги. Они позволяют более эффективно решать как гражданские задачи транспортировки грузов, так и задачи оперативной переброски войск внутри страны и - в сторону государственных границ.

В октябре 2016 парламент ИРИ одобрил на период шестого пятилетнего плана экономического развития страны (2016-2021 гг.) законопроект об отчислении 1% доходов от продажи нефти на реализацию железнодорожных проектов,

Доля железнодорожного транспорта в грузовых и пассажирских перевозках страны на 2015 год составляла менее 10%. Государственная компании Иранские железные дороги (ИЖД) поставила задачу увеличить этот показатель до 25%, а в области только грузовых перевозок - до 30%.

Планируется, увеличение доли железнодорожного транспорта в пассажирских перевозках. Доля железнодорожного транспорта в пассажирских перевозках должна составить 18%. Предполагается, что к 2021 году железнодорожный транспорт сможет перевозить 64 млн. пассажиров в год, что более, чем в 2 раза превысит этот показатель за 2015 г. (26 млн. человек).

Если во времена Хомейни основным принципом функционирования политической системы провозглашался лозунг: «ни Запад, ни Восток», то теперь этот принцип можно сформулировать как: «Вперёд на Запад и на Восток!»

Соответственно с этим стал решаться и вопрос железнодорожного строительства: с преимущественной ориентацией на восточно-западное

направление с целью обеспечения роста транзитных перевозок по своей территории.

В январе 2016 года руководством ИЖД было сделано важное заявление о том, что «с улучшением международной обстановки особое внимание будет уделяться восточным границам и планируется принимать меры к их соединению с западными границами страны»; что если раньше строительство железных дорог в Иране в основном велось в направлении с юга на север, то «впредь больше внимания будет уделяться направлению с востока на запад».

По территории Ирана проходят два международных транспортных коридора (МТК) – «Восток – Запад» и «Север – Юг».

В 2003 г. Министерство транспорта и путей сообщения Ирана вело работу по созданию МТК с рабочим названием «Европа – Азия». Иран вел переговоры и с Китаем о его финансово-техническом участии в этом проекте.

МТК «Европа - Азия» предусматривал объединение железнодорожных систем исламских государств Ближнего и Среднего Востока для перевозки транзитных перевозок грузов и пассажиров из портов Средиземного моря в порты Индийского океана в обход Суэцкого канала.

Иран, Сирия Ирак договорились также о создании МТК, который обеспечил бы благоприятные условия для железнодорожных транзитных перевозок из стран Центральной Азии через Иран и Ирак в сирийский порт Латакия и далее в страны Европы.

Однако военные действия в Ираке, а потом и в Сирии осложнили выполнение этого проекта, и прежде всего - работ по объединению железнодорожных систем Ирана и Ирака.

С завершением строительства соответствующих участков железных дорог между Ираном и Ираком, ИРИ получит выход через Ирак к Сирии и к средиземноморскому побережью.

Сегодня нам не встречается термин МТК «Европа-Азия». Обсуждая те же проблемы, в Иране пишут о железнодорожном маршруте «Восток – Запад».

По словам руководства ИЖД, на иранской территории «завершается формирования Южного международного железнодорожного маршрута из Китая в Турцию и далее в Восточную Европу». Он должен связать Китай, Мьянму, Бангладеш, Индию, Пакистан, Иран, Турцию и Болгарию.

ИРИ присоединилась к проекту создания железной дороги от Китая до Турции, которая проходит через Казахстан, Туркменистан, Иран. В 2014 г. было завершено строительство железной дороги, связавшей Казахстан, Туркменистан и Иран напрямую. Эта дорога считается самым коротким путем из Китая в страны Персидского залива

В феврале 2016 г. в Тегеран прибыл первый поезд из Китая с транзитными грузами по Шелковому пути через территорию Казахстана и Туркменистана (он въехал в Иран через пограничный терминал в Серахсе - на границе с Туркменистаном, что стало возможным после модернизация и обустройства этой железнодорожной станции).

Этот поезд доехал до Тегерана менее, чем за 14 дней. Далее состав может

направляться в Прикаспийскую зону Ирана для транспортировки грузов в Европу.

Огромное значение Иран придаёт завершению строительства железной дороги в иранском Прикаспии (Казвин – Решт – Астара), которая свяжет Иран (через Азербайджан и Россию) с железнодорожной сетью Европы. Предполагалось, что эта дорога будет полностью введена в эксплуатацию в 2016 году, но позднее была названа новая дата - март 2017 г.

В Иране планируют строить скоростные железные дороги, где скорость движения составит 200 – до 300 км/час.

С 2015 г. Иран выпускает собственные вагоны, способные выдерживать скорость до 160 км/час, а также рельсы для скоростных дорог, которые рассчитаны на скорость до 160 км и более 160 км. в час, для чего был закуплен специальный завод в Германии.

Иран планирует связать железными дорогами все провинции и основные хозяйственные центры страны, к которым относятся и порты Ирана. В ИРИ до сих пор не все порты связаны с железнодорожной сетью страны непосредственно, что теперь является серьёзным препятствием для успешного их функционирования в условиях расширения торгово-экономических связей с соседними государствами и при решении задач по обеспечению транзитных перевозок.

Развитие железнодорожного транспорта в Иране осуществляется в соответствии с государственными планами - долгосрочными и пятилетними.

Так было во времена монархии, такая же система сохранилась в основном и при новой власти. Благодаря этому железнодорожное строительство в ИРИ осуществлялось относительно неплохими для страны темпами, несмотря на многолетние санкции со стороны США.

Шестой пятилетний план (2016-2021 гг.) предполагает строительство 1500 км новых железнодорожных линий, а также прокладку вторых путей на однопутных участках.

В начале 21 века ИРИ стала пересматривать свою транспортную политику, уделяя всё большее внимание железнодорожному транспорту, который играл традиционно второстепенную роль в грузоперевозках. На первом месте в Иране всегда был транспорт автомобильный, чему способствовало наличие разветвлённой сети отличных автодорог и дешёвого бензина. К концу 20 века ситуация стала меняться. Автотранспорт перестал справляться со всё возрастающими потребностями экономики страны в грузо- и пассажиро-перевозках. К тому же, с 2007 года наступал закат эпохи сверх дешёвого бензина -8 центов за 1 литр после отказа государства от дотационной политики в этой сфере.

В 2016 г. цена 1 литра 95-го бензина равнялась уже 0,34 цента, в феврале 2017 г – 37 центов

В ИРИ железнодорожные грузовые перевозки почти в 7 раз дешевле перевозок автомобильных, что делает этот вид транспорта более рентабельным.

Этот транспорт решает проблему перегруженности автомобильных дорог Ирана, которые уже не справляются с задачами транспортировки грузов и пассажиров.

Кроме того, использование железнодорожного транспорта, особенно электрифицированного, менее вредно для экологии страны. Иран уделяет очень большое внимание вопросу электрификации железных дорог страны, планируя полную их электрификацию в будущем.

В 2008 г., когда протяжённость железных дорог страны составляла 8500 км., было запланировано их увеличение в ближайшем будущем почти в 3 раза, до 23 800 км, т.е. предполагалось построить 15 300 км. (точнее, на тот период строилось 3 300 км и проектировалось 12 000 км дорог). Исходя из того, что на тот период стоимость строительства 1 км железной дороги составляла, по иранским данным, 1,6 млн. долл., то государство планировало потратить на этот долгосрочный проект минимум 25 млрд. долларов.

Уже к июню 2014 г. протяжённость железных дорог составила 10 тыс. км. С 2008 по 2014 вводилось в эксплуатацию ежегодно около 250 км дорог, а за неполный 2015 г. было построено уже 300 км. К сентябрю 2015 г. протяжённость дорог составила уже 10300 км. (и примерно 1,8 тыс. км из них приходилось на двухпутные железные дороги).

Конечно, темпы были невелики, но наблюдается устойчивая тенденция к их систематическому росту. Ранее, с 2005 по 2008 год протяжённость железных дорог увеличилась с 8300 км до 8500 км, т.е. ежегодно вводилось в эксплуатацию в среднем только 100 км дорог,

На 2014 г. в стадии строительства находилось на 42% больше дорог (4700 км), чем было шесть лет назад (3300 км). В четвертой пятилетке (2005-2010) на реализацию программы железнодорожного строительства Иран планировал ежегодно тратить более 1 млрд. долларов.

После отмены санкционного режима в январе 2016 г. экономика Ирана начинает набирать всё большие обороты, что отразится и на дальнейших темпах развития железнодорожной сети. По прогнозам МВФ, рост ВВП Ирана в 2016 г. должен составить 4 % (иранцы заявляли ранее о 5%).

Фактическое снятие санкций с Ирана дало новый импульс развитию железнодорожного транспорта, т.к. был открыт доступ в Иран западному капиталу. Франция, Германия, Италия и Бельгия, обращаются сейчас с многочисленными предложениями о сотрудничестве с ИЖД.

По подсчётам экспертов, после снятия санкций Ирану потребуется на восстановление его экономики около 500 миллиардов долларов, в том числе и на железнодорожный транспорт. По официальным данным, в ближайшие годы Ирану потребуется около 11 тыс. грузовых вагонов и 700 новых пассажирских, потребность в которых Иран не способен удовлетворить полностью за счёт внутренних ресурсов.

Руководство Ирана намерено решать транспортные вопросы на высоком техническом уровне. Планируется создать именно современную железнодорожную систему, основанную на передовых технологиях. В этом

вопросе ИРИ ориентируется прежде всего на западных инвесторов и Китая, который является пока главным торгово-экономическим партнёром Ирана и одним из важнейших поставщиков железнодорожного подвижного состава, нехватка которого остро ощущается в стран.

Иранское руководство рассчитывает также на возвращение на иранский рынок Японии, с её технологиями и кредитами.

Перспективы развития железнодорожного транспорта ИРИ связаны с частным сектором, в руки которого постепенно передаются уже существующие линии, а также новые.

В Иране за период 2004 – 2008 гг. были созданы 33 частных железнодорожных компании, которые занимаются грузовыми и пассажирскими перевозками. В настоящее время главной проблемой для них является нехватка подвижного состава и квалифицированных кадров.

С такими же проблемами сталкивается и государственный сектор.

Иран продолжает стратегический курс, который был заложен ещё иранскими монархами: курс на превращение страны в державу мирового уровня, для реализации которого требуется современная железнодорожная сеть и соответствующая инфраструктура.

Руководство и деловые круги страны стараются делать всё возможное для решения этой задачи.

Марьясис Д.А.
СТРАТЕГИЯ ВЫХОДА РОССИИ НА ИННОВАЦИОННЫЕ РЫНКИ
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

К.э.н., Старший научный сотрудник
Институт востоковедения РАН
Отдел изучения Израиля и еврейских общин
dmaryasis@yandex.ru

Принято считать, что в экономическом развитии страны мусульманского Востока значительно отстают от большинства развитых и даже некоторых развивающихся стран мира. Во многом это так и есть. Однако в последнее время в этом огромном регионе происходят большие изменения, отражением которых послужили народные восстания, произошедшие в ряде арабских стран Ближнего Востока (БВ). Не последнюю роль в их успешности сыграли новые информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), позволившие не только молниеносно обмениваться информацией, но и координировать действия разрозненных групп людей на больших расстояниях.

Как показал американский предприниматель и инвестор Кристофер Шредер [8], на Ближнем Востоке уже на самом деле возник новый класс предпринимателей, стремящихся к инновационному развитию. При этом, до сих пор они смотрятся несколько неестественно на фоне во-многом устаревших, требующих серьёзных реформ политических, социальных, экономических систем региона. Однако инноваторы, особенно организованные в соответствующие сообщества, в развивающихся странах могут оказывать давление и на элитные и государственные структуры снизу, подталкивая их к внедрению в своих странах концепций, основанных на инновационном развитии, то есть стимулируя проведение столь необходимых реформ.

При анализе личных историй активных участников рынка новых технологий стран мусульманского Востока выявляется одна важная закономерность. Практически везде оказывается, что, либо он какое-то время жил и учился на Западе, либо проходил обучение в одном из институтов или университетов, открытых на Ближнем Востоке этими странами. Это означает, что на самом деле реальной инфраструктуры для долгосрочного инновационного развития в мусульманских странах региона нет. Ведь именно наличие качественной современной системы образования является залогом этого. Если ростки, заложенные вузами за рубежом и иностранными вузами на месте, не будут пересажены на местную почву, то, вполне вероятно, второй волны технологического предпринимательства в регионе не произойдет.

Возникает интересная ниша, которую в состоянии занять Россия. Нужно создать в уже существующих университетах новые направления, например, «инновационный менеджмент» и др., а также принять участие в создании

локальных бизнес школ. Это должны быть именно местные структуры, воспринимающиеся таковыми обществом. Надо брать в расчёт, что и сама Россия сегодня находится лишь на начальном этапе пути формирования своей современной инновационной системы. Не идёт речи о том, чтобы только российские эксперты работали в таких программах и институтах. Инновации – это глобальный процесс. К работе в таких структурах могут привлекаться специалисты из разных стран мира, включая и уже состоявшихся инноваторов региона.

Через такие программы Россия имеет возможность получить доступ к новому поколению инновационного сообщества БВ, а значит, российские бизнесмены смогут, получить лучшее представление о том, что там происходит, о потенциале этого региона. В результате вероятность появления совместных успешных проектов сильно возрастёт. К тому же, для отечественных компаний БВ может оказаться хорошим регионом для аутсорсинга.

Ещё одним интересным аспектом кооперации между Россией и инновационным сообществом стран БВ могут стать совместные НИОКР и последующая их коммерциализация с маркетингом как непосредственно в России, так и странах постсоветского пространства, а в перспективе и, например, в странах Латинской Америки.

Такое сотрудничество, помимо сугубо экономического эффекта, имеет ещё и определённое политическое значение. Представляется, что через развитие инновационного сотрудничества со странами региона Россия может увеличить своё влияние в нём. Предлагаемый подход позволит позиционировать нашу страну как друга и партнёра, поддерживающего усилия местных элит по развитию своих национальных хозяйств.

Далее остановимся на теоретическом обосновании такой формы деловой кооперации как «треугольники». В настоящее время её проработкой достаточно занимаются эксперты Российско-израильского делового совета (РИДС). Имеется в виду привлечение к двустороннему сотрудничеству третьей страны. Это позволяет решать ряд проблем, в частности проблему финансирования. Например, если россияне хотят привлечь иностранные инвестиции, а израильтяне не работают за свои деньги, то возникает замкнутый круг. Если же к сотрудничеству подключить, скажем, США в качестве партнёра с инвестиционными возможностями, то возникает устраивающая всех комбинация. Россияне получают иностранные инвестиции и израильские технологии, израильтяне получают возможность выйти на российский рынок, а американцы – эффективный инновационный инвестиционный проект. Таких «треугольников» может быть создано несколько. Расширение предлагаемой конфигурации сотрудничества за счёт включения большого числа стран представляется нежелательным, так как приведёт к понижению эффективности взаимодействия.

В рамках развития российско-израильского сотрудничества в области

инноваций возможно формирование уникального направления, которое вписывается в концепцию «треугольников», – это создание трёхсторонних команд НИОКР и коммерциализации технологий с участием представителей ПНА или Иордании, или Египта.

Как отмечено выше, сегодня БВ проходит самый сложный и очень болезненный процесс трансформации, который затрагивает все уровни и сегменты общественного уклада. Формирование экосистемы инноваций, пусть и в самом зачаточном состоянии, является интегральной частью этой трансформации. Инноваторы Иордании, Египта и ПНА выделяются своей большой активностью в процессе формирования инновационного уклада жизни на БВ. При этом инновационная экосистема в упомянутых странах развивается абсолютно отдельно от экосистемы Израиля. Имея прямую границу с одной из самых развитых инновационных экономик мира, инновационные сообщества ПНА, Иордании и Египта не пользуются её достижениями, инфраструктурой, научно-техническим потенциалом. Основная причина – палестино-израильский конфликт. Политическая ситуация настолько напряжена, что вести речь об открытом прямом сотрудничестве даже в такой аполитичной сфере, как инновации в настоящее время невозможно. Причём это касается не только непосредственно ПНА, но и стран, с которыми у Израиля есть мирный договор – Египта и Иордании.

Даже не проводя глубокого анализа, потенциальный синергетический эффект от такого сотрудничества очевиден. Арабские страны не только получают доступ к развитой инновационной экономике, но и новые рабочие места ввиду организации производства на их территории, а также интенсифицируют развитие своей экономики в целом. Израиль же как минимум получает возможность аутсорсинга и удешевления производства, не говоря уже о потенциале выхода со своей продукцией на рынки БВ, маркируя её как произведённую в одной из указанных стран.

Израильские исследователи какое-то время назад задумались о возможности налаживания инновационного сотрудничества с ПНА. Результатом чего стало их предложение создать виртуальный палестино-израильский инкубатор [9]. Виртуальность появилась из-за того, что в результате исследования его авторы пришли к выводу, что общество с обеих сторон не готово к прямому физическому контакту (данный вывод подтверждается собственными беседами автора с учёными из ПНА).

По имеющимся у автора данным, к настоящему моменту эта концепция так и не реализована на практике. Представляется, что одной из причин может быть как раз виртуальность проекта. Во-первых, виртуальные кластеры (и соответственно инкубаторы) пока ещё развиты достаточно слабо, что не позволяет говорить об их эффективности в целом. А, во-вторых, уровень общественного развития БВ таков, что осуществить переход к сотрудничеству в виртуальном пространстве без фазы сотрудничества в пространстве физическом представляется крайне затруднительным.

Россия же может стать реальной площадкой инновационного

сотрудничества между Израилем и указанными странами. Наша страна может взять на себя роль связующего звена. Для этого существуют все предпосылки. Во-первых, у России есть устоявшиеся хорошие взаимоотношения как с Израилем, так и с арабскими странами региона. Во-вторых, у России имеется физическая инфраструктура, доступ к которой у арабских инноваторов зачастую затруднён. В-третьих, относительная географическая удалённость от БВ позволяет России стать местом физических встреч представителей инновационных сообществ Израиля и арабских стран. В-четвёртых, имеющаяся в России производственная база позволит организовать в случае необходимости производство созданной в результате совместных проектов продукции. В-пятых, российская образовательная система может оказать соответствующую поддержку арабским инноваторам.

Для арабских и израильских участников «треугольника» выгода от такого сотрудничества очевидна. Существующий у двустороннего сотрудничества между ними потенциал увеличивается за счёт того, что Россия сама по себе представляет большой рынок сбыта, к тому же, используя ту же технологию брэндинга, существует возможность значительно расширить ареал сбыта результатов такого сотрудничества.

России такая конфигурация позволит более активно задействовать имеющиеся в стране научно-технические ресурсы, так как в таком формате участие российских учёных и инноваторов будет принципиальным. Наша страна в результате сможет получить то влияние, которое невозможно приобрести только политическими декларациями и деятельностью сугубо в сфере большой политики.

Важным при реализации столь амбициозного проекта является вопрос финансирования. Думается, что основная тяжесть затрат ляжет на две стороны «треугольника» – российскую и израильскую. Однако потенциальные выгоды от его реализации могут с лихвой окупить вложенные средства. Предложенная идея требует тщательного осмысления, составления серьёзного бизнес-плана, поиска путей минимизации риска, выявления возможных партнёров с арабской и израильской сторон. Может оказаться, что такая нестандартная идея воплотится в реально действующий серьёзный проект, который послужит основой системного сотрудничества между Россией и Израилем в области инноваций.

Список литературы

1. Блинов А.А. Интернет в арабском мире//Восточная аналитика. Ежегодник 2011 г. Москва, ИВ РАН, 2011 г.
2. Официальный сайт компании «Vimov» <http://www.vimov.com/vimov2.0/>
3. Официальный сайт компании «Butterfleye» <http://www.getbutterfleye.com/>
4. Babkin A., Kudryavtseva T., Utkina S. Formation of industrial clusters using method of virtual enterprises//Procedia Economics and Finance №5 (2013). Elsevier P.68–72.

5. Cluster development: a pathway to economic recovery.
<http://e4oncompetitiveness.com/?p=80>, 11.03.2010.
6. O'Callaghan R. Towards Dynamic Clustering: Capabilities and IT Enablers.//Digital Business Ecosystems. Edited by Nachira F., Nicolai A., Dini P., Le Louarn M., Leon L.R. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2007. P.68-105.
<http://www.digital-ecosystems.org/book/Section2.pdf>
7. Passiante G., Secundo G. From geographical innovation clusters towards virtual innovation clusters: the Innovation Virtual System. 42th European Regional Science Association (ERSA) Congress Report. 08.2002.
8. Schroeder Ch.M. Startup Rising: The Entrepreneurial Revolution Remaking the Middle East. Palgrave Macmillan, New York, 2013.
9. Schwartz D., Bar-El R., Malul M. A Joint Virtual Advanced Technology Incubator – A New Pattern of Israeli-Palestinian Economic Cooperation. The Berkeley Electronic Press. Volume 14, Issue 2, Article 3, 2008.
10. Steele Ch. Industry Clusters Evolving Role in Location Decisions,
<http://www.areadevelopment.com/siteSelection/jan2011/industry-clusters-evolve-location-decision93090.shtml?Page=1>, 01.2011.

Матюнина Л.Х.
ВЫБОР РЕЖИМА ВАЛЮТНОГО КУРСА: ВОЗМОЖНОСТИ И
ВЫЗОВЫ

К.э.н., Доцент кафедры МЭО ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова
lianamtn@gmail.com

Важнейшей отличительной чертой современного экономического развития является высокая мобильность капитала. Трудно представить какой-то аспект экономического развития в современном мире, который не находился бы в большей или меньшей степени под воздействием этого фактора. Особенно это очевидно для развивающихся стран (РС).

Вместе с тем международное движение капитала находится под существенным воздействием финансовых решений промышленно развитых стран (ПРС), и прежде всего событий и решений принимаемых денежными властями США. Это положение получило еще одно подтверждение в рамках концепции «финансового глобального цикла», недавно сформулированной на основе выявления устойчивой положительной корреляции международных потоков капитала с изменениями в денежно-кредитной политике (ДКП) развитых стран. При этом непропорционально сильные позиции США в мировой финансовой системе сохраняются на фоне относительного снижения роли США в мировой экономике и торговле, во многом благодаря сохранению за долларом статуса ключевой валюты. Монетарная политика ПРС оказывает воздействие на потоки капитала, влияя на уровень долговой нагрузки крупнейших международных финансовых институтов, а через них на интенсивность процесса кредитования в международной финансовой системе [3].

При этом в настоящее время денежно-кредитная политика США отличается нестандартностью, не традиционностью, что вносит еще больше неопределённости в формирование динамики международных потоков капитала. «не конвенциональная» монетарная политика, уже давно практикуемая ПРС, нарушает работу многих механизмов в экономике, чревата непредсказуемыми последствиями, но при этом оказывает влияние на формирование процентной ставки на международном финансовом рынке. Одновременно в условиях возросшей взаимозависимости экономик именно индикаторы международного финансового рынка во все большей степени влияют на принятие решений центральными банками как развитых, так и развивающихся стран. Так, например, ЦБ Норвегии отмечает, что держит политическую ставку на уровне 2%, тогда как расчеты на основе монетарного правила, состояния экономики предполагают уровень в 4%. Но низкие ставки за рубежом заставляют понижать уровень политической национальной ставки.

Политика количественного смягчения оказывает огромное воздействие на мировую экономику. Удорожание иены со 110 до 80 иен за доллар в 2008-12 годах в результате политики смягчения ФРС было преодолено только после

введения аналогичной политики банком Японии в 2012 году. В результате к 2015 году курс иены вернулся на докризисный уровень. Многие экономисты сходятся во мнении, что опыт Японии оказал влияние на решение ЕЦБ также прибегнуть к политике количественного смягчения, т.к. счел высокую стоимость евро по отношению к доллару одной из основных причин неблагополучия в экономике. В результате курс доллара вырос с 1,32 в 2014 году до 1,08 в середине 2015 года. Вслед за удорожанием доллара прошла целая серия девальваций национальных валют развивающихся стран: в Мексике, КНР, Корее, Саудовской Аравией, РФ, Аргентине и др.

Что может предложить экономическая теория развивающимся странам в условиях современной международной финансовой системы в качестве предпочтительного режима валютного курса (РВК) и соответствующей ему денежно-кредитной политики (ДКП)? Ответы на эти вопросы очень важны, т.к. валютный канал остается важнейшим в передаче внешних и внутренних шоков на национальную экономику РС, а также в силу того факта, что ДКП в сочетании с валютным курсом (ВК) часто играет роль первой линии обороны в противостоянии разным неблагоприятным изменениям как в самой стране, так и за рубежом.

Теоретическим обоснованием выбора РВК в условиях мобильности капитала служит известная трилемма, предполагающая выбрать два параметра из трех: независимую ДКП, плавающий курс и открытые рынки капитала; или фиксированный курс, свободное движение капитала и отсутствие автономной ДКП,

В качестве успешной реализации второго варианта трилеммы приводятся примеры Гонконга и Сингапура. Но это малые открытые экономики с уровнем развития финансовых рынков, намного выше среднего по РС, со сбалансированной макроэкономической политикой, развитыми институтами.

В качестве другого варианта в современных условиях РС рекомендуется плавающий курс в сочетании с таргетированием инфляции (ТИ). Плавание в сочетании с ТИ получило распространение в мире в 90-е годы прошлого века. До глобального финансового кризиса такая политика считалась «золотым стандартом» ДКП. В настоящее время из 35 стран, официально применяющих ТИ, 24 – развивающиеся страны. Таким образом, РС более активно осваивают эту практику, чем ПРС. Переход к плаванию в РС наблюдался особенно активно после азиатского кризиса конца 90-х годов, хотя ряд стран после 2008 года вернулись к политике более регулируемого валютного курса.

Плюсы ТИ заключаются в том, что монетарная политика имеет прозрачный ориентир, достаточна автономна. Если ЦБ удастся удерживать инфляционные ожидания в заданных параметрах, то ценовая стабильность будет вносить важный вклад в обеспечение макроэкономической и финансовой устойчивости, что важно для экономического роста. Кроме этого, плавающий курс служит автоматическим стабилизатором, гибко реагируя и поглощая внешние шоки. Однако, оценивая эти плюсы ТИ, надо помнить,

что ДКП сама по себе не может обеспечить долгосрочный рост за счет активности ЦБ.

В настоящее время активно изучается и сопоставляется опыт РС в проведении ТИ, выявляются основные трудности, с которыми сталкиваются страны. К последним чаще всего относят уровень развития и степень интегрированности внутренних финансовых рынков, это влияет на эффективность работы канала процентной ставки, основного инструмента ЦБ при таргетировании инфляции; часто недостаточную де-факто независимость ЦБ, фискальное доминирование особенно в условиях неблагоприятных тенденций в экономике; структурные особенности инфляции в странах с формирующимися рынками.

Другой круг вопросов, активно обсуждаемый экономистами, связан с самой возможностью для РС проводить автономную денежно-кредитную политику. При этом напомним, что автономность ДКП, ее ориентация на развитие национальной экономики является важным мотивом при выборе плавающего курса и таргетирования инфляции. Не менее важно проанализировать, как адаптация к новым формам ДКП (ТИ) может повлиять на механизм воздействия мировых рынков на РС.

В рамках изучения ТИ с этих позиций можно выделить два основных аспекта.

1. влияние внешних шоков на работу трансмиссионного механизма. При изучении трансмиссионного канала передачи сигналов ЦБ экономическим агентам обычно выделяют 4 канала: канал процентной ставки, валютного курса, канал цен активов и кредитный канал. Проведенные исследования влияния внешних факторов на экономику РС показывают достаточно высокую, хотя и не во всех странах одинаковую чувствительность всех этих каналов к глобальному финансовому циклу. Возникает вопрос, насколько внутренняя политика национальных ЦБ сможет противодействовать внешнему влиянию. Такая постановка вопроса требует, конечно, учета разной степени чувствительности РС к внешним шокам. Например, у стран Восточной Азии она в целом ниже, чем у латиноамериканских государств.

2. способность ВК противостоять значительным притокам/оттокам капитала и выполнять функцию автоматического стабилизатора для национальной экономики. Ряд недавних событий, например, информация о намерении ФРС начать сворачивать политику количественного смягчения, свидетельствует о том, что такая задача может быть трудно реализуема.

Проведенные исследования позволили ряду авторов прийти к заключению, что в современных условиях трилемма по сути превратилась в дилемму: РС могут выбрать либо открытый рынок капитала и высокую зависимость от мирового финансового цикла, либо контроль капитала для способности проводить хоть сколько-нибудь независимую монетарную политику, ориентированную на интересы внутреннего развития. Что в таких условиях могут предпринять РС?

Выбрать контроль капитала? Это не простое решение. Однако, даже

МВФ в последнее время допускает введение контроля капитала как средство защиты от чрезмерной волатильности потоков капитала, но при этом всегда указывает на недостаточную их эффективность и побочные отрицательные последствия.

Другими мерами, к которым прибегают РС для сохранения некоторой самостоятельности в проведении внутренней политики выступают валютные интервенции, а также макропруденциальное регулирование. Последнее получило развитие в странах и с фиксированными, и с плавающими курсами.

Проблема выбора наиболее адекватной современным условиям ДКП и РВК важна не только для стран с формирующимися рынками, но и для всей мировой экономической и финансовой системы, т.к. роль РС в мировой экономике, торговле, финансовых потоках возрастает. В связи с высокой чувствительностью национальных экономик РС к глобальному финансовому циклу, в значительной степени формируемым под воздействием монетарной политики США, ряд РС выдвинули идею о том, что США должны проводить ДКП с учетом своего влияния на международные потоки капитала. [2].

Экономисты все активнее обсуждают идею о необходимости международной координации монетарной политики, выработки каких-то новых принципов функционирования МВФС, которые бы лучше, чем нынешние, сочетались с открытыми рынками капитала. Создание такой международной валютно-финансовой системы предлагается начать с выработки правил ДКП в разных странах. [4]. Проведение каждой страной ДКП, основанной на определенных правилах и ориентированной на оптимизацию экономической ситуации в своей стране, при сохранении такого же подхода в других странах не создает возможностей получения выгод от изменения ДКП отдельной стране и создает условия для большей стабильности мировой экономики. Переход РС к ТИ в связи с этим рассматривается некоторыми авторами как переход РС к монетарной политике, основанной на определенных правилах. И это может быть важно для устойчивого развития мирового хозяйства в условиях мобильности капитала.

Список литературы:

1. Guillaume Plantin and Hyun Song Shin Exchange rates and monetary spillovers, BIS, WP 537 January 2016.
2. Raghuram. Rajan Competitive Monetary Easing: Is it yesterday once more? 2014 www.rbi.org.in
3. Rey, Helene (2014) "Dilemma not Trilemma: The Global Financial Cycle and Monetary Policy Independence," presented at the August 2014 Jackson Hole Conference of the Kansas City Federal Reserve Bank.
4. Volcker, Paul A. (2014), "Remarks," Bretton Woods Committee Annual Meeting, June 17
[http://www.brettonwoods.org/sites/default/files/publications/Paul%20Volcker%20final%](http://www.brettonwoods.org/sites/default/files/publications/Paul%20Volcker%20final%20)

Мельянцев В.А.
УДАЕТСЯ ЛИ БЕДНЕЙШИМ СТРАНАМ МИРА ВСТАТЬ НА ПУТЬ
БЫСТРОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ?

Д.э.н., Профессор, Заведующий кафедрой МЭО
ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова,
vamel@iaas.msu.ru

В последние два-три десятилетия ряд развивающихся стран (РС), включая такие крупные, как КНР и Индия, сумели заметно повысить темпы экономического роста. В результате, судя по (минимальному) критерию, принятому Всемирным банком и ООН²¹, доля людей в мире, живущих в экстремальной бедности, сократилась более чем втрое до менее 1/10. Но в наименее развитых странах (НРС) показатель снизился в среднем только на 1/3 до 2/5.

Если применить немного более жесткий критерий бедности, подняв ее «планку» на доллар с небольшим с 1.9 до 3.1 долл. в ППС 2011 г., можно обнаружить, что уровень критической бедности выше в РС в 2.5 раза (28-30%), а в НРС – в 1.7 раза (68-70%; составлено и рассчитано по [3; 5, 2016, с. 19]).

Так все ли безнадежно в группе НРС или ветры позитивных перемен в какой-то мере охватили и их, как ряд других РС?

Динамика роста

НРС – это треть всех РС, 1 млрд. человек, но всего 2% ВВП мира и 1% его экспорта. В последние три десятилетия прошлого века динамика роста их подушевого ВВП была значительно ниже, чем в среднем по другим РС (ДРС) и развитым государствам (РГ, см. граф.1). Но в 2000-2015 гг. среднегодовой темп прироста (СГТП) подушевого ВВП НРС многократно вырос. Это связано с рядом факторов, в т.ч. с улучшением бартерных условий внешней торговли (прежде всего в африканских НРС), а также существенным ускорением (главным образом в азиатских НРС) СГТП сельскохозяйственной продукции и экспорта готовых изделий.

Вместе с тем подушевой ВВП НРС, отнесенный к среднему уровню ДРС, сократился с 56% в 1970 г. до 21% в 2015 г. Т.е., несмотря на определенные успехи НРС, разрыв между ДРС и ними вырос в *относительных* масштабах более чем в 2.5 раза, а в *абсолютных* – в 7.8 раза (с 1.2 тыс. до 9.4 тыс. долл. в ППС 2011 г.)²².

Так как в целом динамично растущая группа ДРС сумела сократить свой относительный разрыв по подушевому ВВП с РГ почти вдвое - с 6.9 в 1970 г. до 3.8 раза в 2015 г. (хотя при этом абсолютный разрыв вырос почти вдвое), получилось так, что ныне *относительный* разрыв между НРС и ДРС, измеренный по показателю ВВП в расчете на душу населения, оказался

²¹ Подушевое потребление в день - менее 1.9 долл. в паритетах покупательной способности (ППС) 2011 г.

²² Здесь и далее, если специально не оговорено, расчеты выполнены по источникам к граф.1.

больше, чем в целом между последними и РГ. Это говорит о весьма противоречивом характере процессов конвергенции и дивергенции, происходящих в мировом хозяйстве, нарастающем в нем взрывоопасном потенциале диспропорций, имеющем серьезные не только экономические, но и социально-политические последствия.

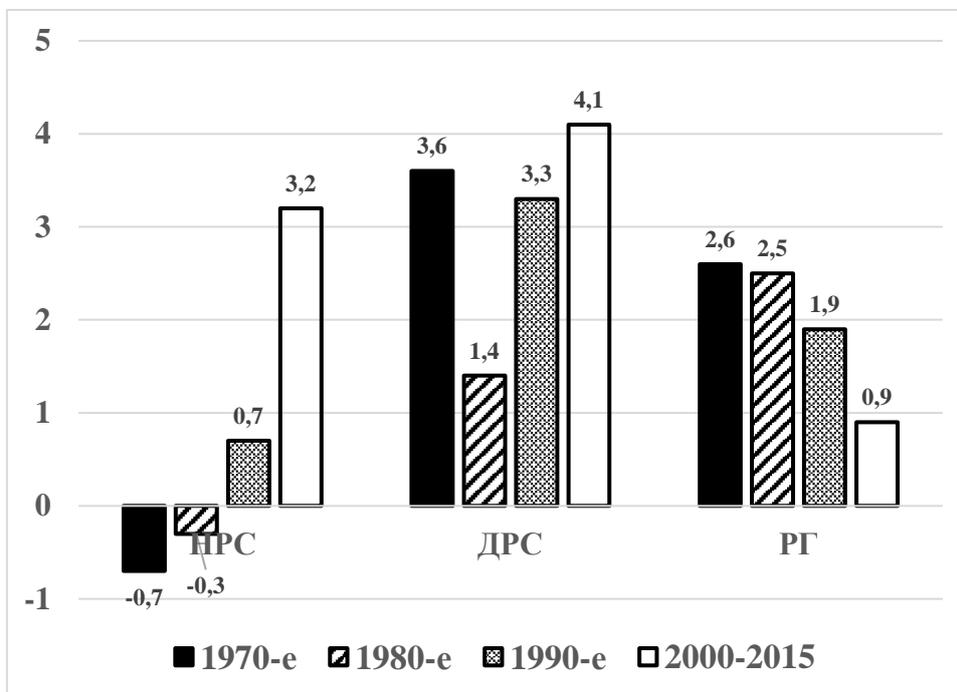

График 1. НРС, ДРС и РГ, 1970-2015 гг.: среднегодовые темпы прироста ВВП в расчете на душу населения, %.

Рассчитано по: [8; 2; 4].

Факторы роста

Расчеты по приведенной ниже модели показывают, что в первые 15 лет текущего столетия внутри группы из 28 рассмотренных нами НРС²³ опережающие темпы прироста подушевого ВВП (в т.ч. в Эфиопии, Мозамбике, Бангладеш, Камбодже, Лаосе, Мьянме) определялись соответственно на 1/3 и на 1/5 более быстрым ростом в них продукции сельского хозяйства и экспорта и примерно на 1/4 улучшением эффективности работы правительств.

$$\text{GDPPERCAPGR}_i = 0.59 \cdot \text{AGRGR}_i + 0.12 \cdot \text{EXPGR}_i + 2.86 \cdot \Delta \text{GOVEFF}_i$$

(p=0.000) (p=0.007) (p=0.001)

$$\text{AdjR}^2 = 0.83. N = 28. T = 2000-2015.$$

GDPPERCAPGR_i , AGRGR_i , EXPGR_i , ΔGOVEFF_i – означают соответственно среднегодовые темпы прироста подушевого ВВП, сельскохозяйственной продукции, экспорта товаров и услуг, а также показатель изменения

²³ На них приходится 9/10 численности населения НРС.

эффективности работы правительства. $AdjR^2$ - скорректированный показатель детерминации (изменяется от 0 до 1; чем выше – тем лучше) и p - индикатор статистической значимости (изменяется от 1 до 0; чем ниже – тем лучше). Показатели исчислены по 28 НРС с населением свыше 5 млн. человек (на середину 2010-х гг.), по которым имелись необходимые и относительно надежные данные за 2000-2015 гг.

Рассчитано по источникам к граф.1.

Уточняя сказанное, подчеркнем, что, хотя СГТП совокупной факторной производительности (СФП) в сельском хозяйстве НРС²⁴ вырос в 2.5 раза (с 0.6% в 1980-2000 гг. до 1.5% в 2000-2015 гг.), разрыв в производительности труда в сельском хозяйстве между ДРС и НРС увеличился в 1990-2015 гг. с трехкратного до пятикратного (составлено и рассчитано по [5, 2015, с. 50, 55, 72-75; 8]).

Двукратное ускорение экономического роста в целом по группе НРС с 2.8% в среднем ежегодно в 1980-2000 гг. до 5.6% в 2000-2015 гг. было обусловлено также утроением в них СГТП продукции *обрабатывающей промышленности до 7.7%* и удвоением СГТП физического объема *экспорта до 9%*. Однако, в целом по НРС в 1995-2015 гг. индекс концентрации их экспорта вырос с 0.21 до 0.26 (превысив показатель по ДРС в 2.8 и по РГ – в 3.8 раза), а доля средне- и высокотехнологичных товаров в экспорте НРС в среднем (4-5%) ныне на порядок ниже, чем в ДРС.

Несмотря на то, что в НРС доля внутренних сбережений в ВВП удвоилась (с 8.5% в 1981-2000 гг. до 16.5% в 2001-2015 гг.), норма внутренних капложений, которая выросла соответственно с 16 до 23% ВВП, более чем на 1/4 зависит от внешних источников финансирования (официальная помощь развитию достигает 5-7% их ВНД; но при этом вырос и приток ПИИ к ВВП, см. граф.2).

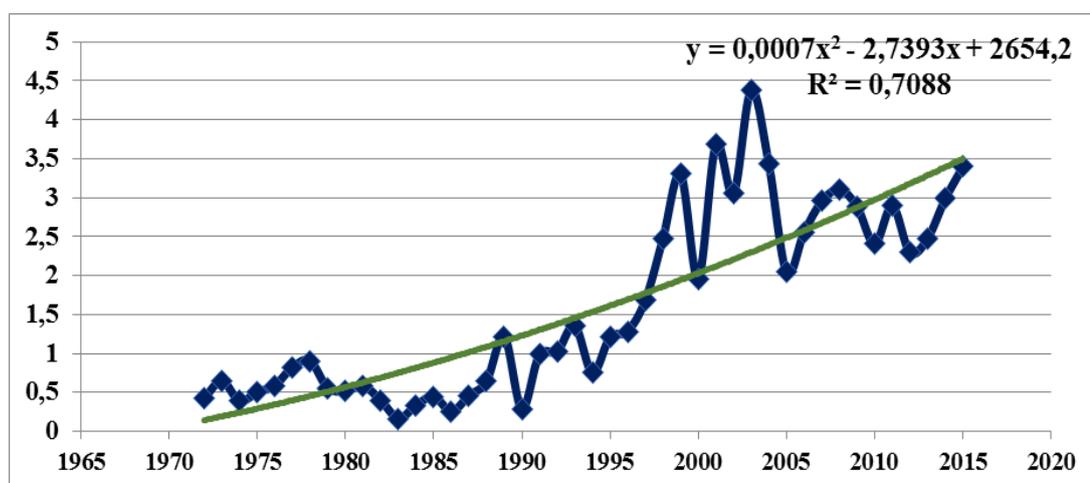

График 2. НРС, 1970-2015 гг.: чистый приток ПИИ, в % к ВВП

²⁴ В 2015 г. доля сельского хозяйства в целом по НРС составляла в занятости 2/3, в ВВП 1/4; в ДРС - 2/5 и 1/10.

Рассчитано по источникам к граф.1.

Хотя ускорение темпов прироста ВВП в первые полтора десятилетия нынешнего века в группе ДРС и НРС было преимущественно связано с увеличением в них темпов прироста СФП, в последних оно было, как минимум, вдвое бóльшим, чем в первых, и сопровождалось более существенным повышением вклада СФП в приросте ВВП (в группе НРС примерно с (-)1/7 до более 1/3 и в ДРС – с 1/5 до 1/3, см. табл.1).

Таблица 1.

НРС, ДРС и РГ, 1980-2015: важнейшие источники роста ВВП, %

	1981-2000				2001-2015			
	y	l	k	r	y	l	k	r
НРС	2.8	2.4	4.8	-0.4	5.6	2.2	6.3	2.1
ДРС	4.1	1.9	5.8	0.8	5.3	1.5	7.0	1.9
РГ	3.0	0.3	3.4	1.6	1.6	0.15	2.2	0.7

Примечания. 1. Рассчитано по следующей формуле: $y = \alpha * l + (1 - \alpha) * k + r$.

2. y, l, k и r означают соответственно среднегодовой темп прироста ВВП, затрат труда, физического капитала и совокупной факторной производительности. 3. Средние показатели эластичности изменения ВВП по труду (α) и физическому капиталу ($1 - \alpha$) взяты в пропорции 0.65: 0.35 (основываясь на результатах ряда компаративных исследований).

Исчислено по источникам к граф. 1.

Однако, несмотря на то, что в первые полтора десятилетия текущего столетия в целом и НРС и ДРС почти втрое обгоняли РГ по темпам прироста СФП, в целом за 1980-2015 гг. по уровню СФП группа ДРС подтянулась к РГ лишь с 35 до 39%, а уровень НРС (к РГ) снизился с 22 до 18% (рассчитано по источникам к граф.1).

Подчеркнем, что основы экономического роста НРС еще весьма шаткие. В среднем по НРС дефицит платежного баланса по текущим операциям вырос в 2014-2016 гг. по сравнению с 2006-2008 гг. почти вчетверо до 3-4% их ВВП. При этом СГТП подушевого ВВП по НРС сократился более чем вдвое – с 4.9% в 2005-2010 гг. до 2.2% в 2011-2016 гг.

Параметры человеческого развития

По ряду характеристик человеческого развития НРС в целом постепенно подтягиваются к ДРС. В 1980-2015 гг. показатель средней продолжительности предстоящей жизни от рождения вырос соответственно с 48 до 64 и с 62 до 72 лет, а среднего числа лет обучения взрослого населения – с 1.6 до 4.2 и с 4.5 до 6.9 лет. Однако доля взрослого населения в НРС, имеющая высшее образование (3-4%), меньше примерно втрое, чем в среднем по ДРС и почти в десять раз, чем в РГ. По числу заявок на патенты в расчете на миллион человек разрыв между ДРС и НРС вырос в 1980-2015 гг. более чем в 20 раз.

По ИЧР, скорректированному на развитие технологий, ДРС в целом не дотягивают до 2/3, а НРС – до 2/5 от уровня РГ. Доля населения в НРС,

находящаяся ниже планки многомерной бедности (2/3), в середине 2010-х годов была в 2.5 раза выше, чем в среднем по ДРС (1/4; рассчитано по [7, с.211, 228-230, 240-241, 245]).

Представляется, что без энергичной работы по реформированию базовых институтов наименее развитым странам будет трудно противостоять технологическим и иным вызовам быстро меняющегося мира, в котором резко обостряется конкурентная борьба. Между тем в последнее десятилетие *индекс недееспособности государства* значительно вырос примерно в 2/5 и снизился только в 1/10 НРС. Если по уровню подушевого ВВП в целом по группе НРС с начала века наметилась некоторая (хотя и неустойчивая) тенденция догоняющего развития (к РГ), то по композитному индексу качества институтов они сильно (в 1996-2015 гг. вдвое) отставали от группы ДРС, а те, в свою очередь, примерно во столько же раз – от развитых государств (рассчитано по [1; 9]).

Список литературы:

1. Fragile States Index. Decade Trends, 2007-2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://fsi.fundforpeace.org/fsi-decadetrends> (21.01.2017).
2. IMF Data. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.imf.org/external/data.htm>. (06.02.2017).
3. Poverty Headcount Ratio at \$1.9 and \$3.1 a day (2011 PPP) (% of population). [Электронный ресурс]. URL: <http://databank.worldbank.org>. (10.01.2017).
4. UNCTADstat. [Электронный ресурс]. URL: <http://unctadstat.unctad.org>. (21.01.2017).
5. UNCTAD. The Least Developed Countries, 2006-2016. New York, 2006-2016.
7. UNDP. Human Development Report, 2015. New York, 2015.
8. World DataBank. [Электронный ресурс]. URL: <http://databank.worldbank.org>. (10.01.2017).
9. Worldwide Governance Indicators. [Электронный ресурс]. URL: <http://info.worldbank.org/governance>. (21.01.2017).

Мосолова О.В.
ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
АВСТРАЛИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

К.э.н., Старший научный сотрудник
Институт востоковедения РАН
Центр изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании

Экономика Австралии является развитой рыночной системой. Австралия – это высокоразвитая индустриально-аграрная страна с многоотраслевой экономикой и высоким научно-техническим потенциалом. В результате проведения правительством структурных экономических реформ, которые затронули рынки товаров, капиталов и рабочей силы, экономическая система страны является очень гибкой и быстро интегрируется в систему глобальной экономики. Существенное повышение эффективности экономики, вызванное этими реформами, вместе с проведением здоровой финансовой политики и укреплением финансовой базы, способствовало созданию эластичной и устойчивой экономической структуры в стране.

Темпы роста экономики Австралии остаются в целом стабильными уже более 20 лет. С 1991 по 2000 гг. среднегодовые темпы роста экономики составляли 3.3%, с 2001 по 2010 гг. – 3.0%. С 2011 по 2016 гг. среднегодовые темпы роста экономики Австралии составляли более 4%. По прогнозам, за первую половину 2017 г. средние темпы роста экономики составят 2.5%. В 2020 г. среднегодовые темпы роста экономики должны составить 2.9%. По темпам экономического роста Австралия в целом опережает большинство стран ОЭСР, в том числе США, Великобританию, Германию и Японию [1;2;3;4;6;9].

Эксперты ОЭСР оценивают дальнейшие возможности макроэкономического развития Австралии как очень благоприятные. Экономика Австралии является 13-ой крупнейшей национальной экономикой мира по размерам ВВП, составляя примерно 1.7% всего объёма мировой экономики. К концу 2015 года объём ВВП Австралии составил 1340 млрд. долл. США. К середине 2017 года, по прогнозам, объём ВВП Австралии будет составлять 1410 млрд. долл. США, а в 2020 г. – 1720 млрд. долл. США [1;4;5;6;8;9].

На сегодняшний день Австралия является 15-ой наиболее богатой нацией в мире по размерам ВВП на душу населения. В частности, ВВП Австралии на душу населения превышает показатели Великобритании, Германии и Франции. Этот показатель является вторым по величине среди стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Только Япония показывает более высокий уровень дохода на душу населения, чем Австралия. При этом темпы роста ВВП на душу населения в Австралии являются более высокими, чем в Новой Зеландии, США и Канаде. Объём ВВП Австралии на душу населения к концу 2015 года достиг 54718 долл. США. По прогнозам, к середине 2017 г.

этот показатель достигнет 56000 долл. США, а к 2020 г. – 59160 долл. США [4;6;10;11].

Что касается уровня инфляции в стране, то надо отметить, что устойчивый экономический рост, который имел место в Австралии с начала 1990-х годов, и существенное повышение производительности экономики сопровождалось значительным снижением темпов роста инфляции. Так, например, с 1993 по 2006 гг. темпы роста инфляции составляли в среднем 2.5% в год. С 2007 по 2015 гг. средний уровень инфляции составлял 2-3%, что является более низким показателем по сравнению со многими другими развитыми странами. По данным на июнь 2016 г. уровень инфляции в стране составлял 1%. По прогнозам, к середине 2017 г. этот показатель составит 1.9%, а в 2020 г. – 3.8% [1;4;5;6;10;11].

Географически, а иногда и экономически, Австралия может условно рассматриваться как азиатская страна. Экономика Австралии имеет свои характерные черты по сравнению с другими странами Азиатско-Тихоокеанского региона, поскольку страна опирается в развитии своей экономики на добычу и экспорт минерального сырья в гораздо большей степени, чем большинство других развитых экономик мира. Важнейшим стимулом развития экономики является растущий спрос стран Азии, и, прежде всего, Китая, на австралийское сырьё.

Распределение ВВП по секторам экономики следующее: доля сельского хозяйства – 2%, промышленности – 33% (из них добывающая промышленность 13%, обрабатывающая промышленность 11%, строительство 9%), сферы услуг – 65%. (Данные за 2016 г.). Австралия имеет самые высокие в Азиатско-Тихоокеанском регионе показатели производительности труда в промышленности и сельском хозяйстве [6;10].

Экономическая структура Австралии является стабильной и имеет крепкую базу, основанную на институциональных методах регулирования экономики. Продолжение структурных реформ, которые включают в себя, в частности, реформу налоговой системы, реформу рынка труда, регулирование условий конкуренции и правил поведения корпораций на рынке, а также реформу финансового сектора, является ключевым элементом для развития экономического потенциала страны.

Не подлежит сомнению, что экономические успехи Австралии во многом базируются на использовании её богатых природных ресурсов. В то же время, правительство уделяет большое внимание развитию наукоёмких отраслей производства. Активно финансируются инновационные проекты, большие средства выделяются на проведение НИОКР в передовых отраслях производства и на развитие новых технологий, предоставляются налоговые преимущества для компаний, занятых в сфере НИОКР. В целом страна имеет хорошие возможности для достижения конкурентных преимуществ в глобальной инновационной гонке.

Достижения Австралии в области инноваций известны во всём мире, в частности, в области медицины, химии, проводятся исследования в области

окружающей среды, морской биологии, сельского хозяйства, бионики, нанотехнологий, производства микросхем, самолётостроения, аэрокосмических технологий, гелиоэнергетики и т.п.

Важным фактором успешного экономического развития является наличие в стране высококвалифицированных кадров рабочих и специалистов. Австралию отличает высокий уровень образования и подготовки кадров. Австралийская система образования занимает одно из лидирующих мест в мире с точки зрения соответствия потребностям современной конкурентоспособной экономики. В государственном бюджете выделены значительные средства на цели образования и переподготовки кадров. Австралию отличает высокий уровень подготовки инженеров и специалистов в сфере высоких технологий. Много высших менеджеров и технического персонала имеют международный опыт работы.

Что касается внешней торговли, то Австралия является 19-ым крупнейшим экспортёром и 19-ым крупнейшим импортёром в мире. Австралия является поставщиком товаров и услуг более, чем в 200 стран, а также значительным рынком для импорта продуктов со всего мира. По данным на июнь 2016 г. объём экспорта составлял 25803 млн. долл. А, объём импорта – 28998 млн. долл. А. По прогнозам, к середине 2017 г. эти цифры составят 26200 и 29156 млн. долл. А, в 2020 г. – 28500 и 32400 млн. долл. А [4;6;10].

Основными статьями экспорта Австралии являются: железная руда (в т.ч. обогащённая), уголь, золото, сырая нефть, природный газ. Основные статьи импорта Австралии – это сырая нефть, автомобили, очищенная нефть, медикаменты (искл. ветеринарные), телекоммуникационное оборудование. В последнее время в Австралии также существенно выросли объёмы торговли услугами.

Что касается географического распределения экспорта, то надо отметить, что в настоящее время большая часть австралийского экспорта направляется партнёрам по форуму Азиатско-Тихоокеанского Экономического Сотрудничества (АТЭС). Вклад партнёров по АТЭС составляет более 2/3 в общем объёме торговли товарами и услугами в Австралии (по данным на 2014 год – 72.6%) [7].

Основные партнёры Австралии по экспорту: Китай (32.5%), Япония (15.4%), Южная Корея (6.8%), США(5.1%), Новая Зеландия (3.5%), Сингапур (3.3%), Индия (3.2%). Основные партнёры Австралии по импорту: Китай (15.4%), США(12.2%), Япония(6.3%), Сингапур (5.5%), Германия (4.1%), Таиланд (3.9%), Малайзия (3.8%). (Данные за 2014 год), [7;10].

В условиях глобализации мировой экономики Австралия активно участвует в процессах международной экономической интеграции, являясь членом многих международных экономических организаций. Австралия – один из активных членов форума Азиатско-Тихоокеанского Экономического Сотрудничества (АТЭС) и Всемирной Торговой Организации (ВТО). Усилия Австралии по либерализации глобальной торговли укрепляются посредством региональных и двусторонних торговых соглашений.

Общим направлением деятельности правительства Австралии является дальнейшее продолжение структурных реформ в стране с целью более широкого доступа к мировым рынкам в условиях расширения современной и конкурентоспособной экспортной базы на основе подключения к мировому процессу либерализации торговли.

Список литературы:

1. Прогнозы развития экономики Австралии [Электронный ресурс]. URL:<http://www.economywatch.com> (17.05.2013).
2. Уверенный рост экономики Австралии [Электронный ресурс]. URL:http://www.australia_russia.ru/newsaustralia/1393.htm (18.01.2013).
3. Экономика Австралии [Электронный ресурс]. URL:http://inforex.az/forum_new/viewtopic.php (26.09.2012).
4. Australia Economic Forecasts. 2016 – 2020. Outlook. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.tradingeconomics.com/australia/forecast> (5.02.2016).
5. Australia Economic Indicators. Trading economics [Электронный ресурс]. URL:<http://www.tradingeconomics.com/australia/indicators> (3.03.2016).
6. Australian Bureau of Statistics. Key Economic Indicators, 2016 [Электронный ресурс]. URL:www.abs.gov.au/ausstats/abs@nsf/mf/1345.0 (10.10.2016).
7. Composition of Trade Australia 2013 – 2014 [Электронный ресурс]. URL:<http://dfat.gov.au/about-us/publications/Documents/cot-fy-2013-14.pdf> (8.04.2015).
8. A Global Economy [Электронный ресурс]. URL:http://www.dfat.gov.au/facts/global_economy.html (15.12.2014).
9. A Stable and Competitive Economy [Электронный ресурс]. URL:http://www.dfat.gov.au/aib/competitive_economy.html (4.11.2014).
10. Statistics Australia [Электронный ресурс]. URL:http://www.Australia.gov.au/about_australia/facts_and_figures/statistics (10.12.2016).
11. Yearbook Australia 2015 [Электронный ресурс]. URL:http://bitre.gov.au/publications/2015/files/BITRE_yearbook (20.12.2015).

Муранова А.П.
ВОЗДЕЙСТВИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА НАЛОГОВУЮ ПОЛИТИКУ
СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

К.э.н. Старший научный сотрудник
Институт востоковедения РАН
Отдел экономических исследований
muranova@inbox.ru

Всё большая вовлечённость стран Юго-Восточной Азии в единое мировое рыночное пространство и расширение их внешнеэкономических связей ведут к тому, что налоговая политика их правительств перестала определяться только национальными интересами и внутренними потребностями социально-экономического развития. По мере углубления процесса глобализации усиливается воздействие на нее внешних факторов, которые наряду с внутренними определяют ныне направление модификации налоговых систем. Это стало отчётливо проявляться уже с последней четверти XX века в связи с тем, что развивающиеся глобальные процессы затронули и сферу налогообложения. Обострившееся соперничество государств за привлечение иностранного капитала, за рынки сбыта и источники сырьевых ресурсов породило глобальную налоговую конкуренцию, в результате действия которой в мире заметно снижаются налоговые ставки. Отправной точкой такого движения ставок стали радикальные фискальные реформы, которые были проведены в 1980-х годах в США, Великобритании, Франции и Японии на основе концепции экономики предложения, предусматривающей значительное понижение ставок корпоративного налога в качестве средства поощрения и активизации предпринимательской деятельности частного бизнеса.

Влияние глобализации на фискальную политику стран ЮВА проявляется больше всего в наиболее развитых государствах региона - Индонезии, Малайзии, Таиланде, Филиппинах, Брунее Даруссаламе и особенно в Сингапуре, но оно сказывается также и в менее развитых странах – Вьетнаме, Мьянме, Камбодже и Лаосе. Экономическая стратегия всех этих стран нацелена на активное привлечение зарубежных инвестиций и придаёт большое значение фактору конкурентоспособности страны, важной составляющей которой является налоговая конкурентоспособность. В связи с этим в функции налоговой системы входит, помимо мобилизации финансовых ресурсов и регулирования внутренних социально-экономических процессов, также и обеспечение конкурентоспособности экономики с помощью налоговых инструментов.

Основные направления воздействия глобализации на налоговую политику государств региона нижеследующие.

1. Подоходное налогообложение. Влияние глобальных процессов на налоговую политику стран ЮВА стало ощущаться в конце XX в., когда были

пересмотрены ставки подоходных налогов вслед за либерализацией фискальных режимов в США и в других индустриальных странах. Правительство Сингапура в течение нескольких лет подряд понижало ставку корпоративного налога - с 40% (с 1947г. по 1987г.) до 33% в 1988г., 32% в 1990г., 31% в 1991г., 30% в 1992г. и 27% в 1993-1995гг. (в 1995г. ставка была самой низкой в регионе). Шкала ставок подоходного налога с физических лиц также значительно изменилась: в 1981г. её диапазон составлял 4-55% налогооблагаемого дохода, в 1982-1984гг. – 4-45%, в 1985-1987гг. – 4-40%, в 1988-1993гг.- 3,5%-33%, в 1994г. – 2,5- 30% {2, 1981, №6, С. 252; 1984, №5, С.205; 1988, №12, С.544; 1993, № 5,С.281-282}.

В Малайзии налог на прибыль юридических лиц был снижен с 40% в 1988г. (взимался по этой ставке с 1947г.) до 35% в 1989г., 34% в 1993г.. 32% в 1994г. и 30% в 1995г. Ставки подоходного налога с физических лиц также были преобразованы и установлены в диапазоне 6-55% в 1984г., 4-35% в 1992г., 2-34% в 1993-1994гг.и 0-32% в 1995г. {2, 1985, № 3, С.129; 1994, № 2, С.94; 1995, № 5, С.227,231; 6, 1988, С.М-16; 1995, С.М-24}.

В Индонезии согласно налоговой реформы 1984г. налог на прибыли компаний, взимавшийся по градуированным ставкам 20%, 30% и 45% был снижен до 15%, 25% и 35%, а подоходный налог с физических лиц со ставками в диапазоне 5-50% был отменён и стал выплачиваться по ставкам корпоративного налога {2, 1984, №3,С. 133}

В Таиланде налог на прибыли компаний, незарегистрированных на местной фондовой бирже, был снижен с 40% до 35% в 1986г.и до 30% в 1991г. Верхняя предельная ставка индивидуального подоходного налога понизилась с 65% до 55% в 1986г., до 50% в 1989г. и до 37% в 1991г. {1, 1991, № 4, С.14-15; 2, 1986, № 9, С.417-418}.

В XXIв. глобальный процесс снижения ставок корпоративного налога в целях поддержания конкурентоспособности экономики протекает очень активно. Среднемировая ставка уменьшилась с 32,69% в 1999г. до 27,47% в 2006г., 25,51% в 2009г. и до 23, 62% в 2016г. то есть более, чем на 9 единиц (лишь в США ставка сохраняется на одном уровне 40% и остаётся самой высокой в мире) {3; 7, С.15}. Падение ставок налога на прибыли юридических лиц происходит во всех регионах, только с разной степенью интенсивности (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Динамика средних ставок корпоративного налога в регионах мира,2006-2016гг. (%)

Регионы	2006г.	2010г.	2016г.	Уменьшение за период 2006-2016гг.(% пункта)
Европа	23,7	21,46	20,48	- 3,22
Азия	28,99	23,96	21,92	- 7,07
Северная Америка	38,05	35,5	33,25	- 4,80
Африка	30,82	28,38	27,46	- 3,36

Латинская Америка	29,07	27,52	27,29	- 1,78
Океания	30,6	29,0	26,0	- 4,6

Источник: { 3 }

«Передовым отрядом» выступают европейские страны, где в целом ставки корпоративного налога относительно низкие (за исключением Бельгии, Франции, Италии). Это, несомненно, воздействует и на положение в других районах мира, особенно в Юго-Восточной Азии, поддерживающей широкие внешнеторговые и инвестиционные связи с этим континентом. Под влиянием фискальной политики в развитых европейских странах здесь произошли существенные сдвиги в режиме корпоративного налогообложения (см. Таблицу 2). Дополнительным импульсом послужили экономический кризис и принятие двух региональных актов - в 2007г. Плана создания Экономического сообщества государств АСЕАН на 2008-2015гг. и в 2015г. Плана создания экономического сообщества на 2016-2025гг. Немаловажную роль сыграла также и сильная внутрирегиональная налоговая конкуренция, что связано с тем, что зарубежные инвестиции поступают из одних и тех же источников. Драйвером процесса выступает Сингапур, остро соперничающий с Гонконгом (ставка корпоративного налога с 2008г. -16,5%).

Таблица 2. Динамика ставок корпоративного налога в странах ЮВА, 1999-2016гг. (%)

Страны	1999г.	2003г.	2007г.	2009г.	2011г.	2015г.	2016г.
Вьетнам	35	32	28	25	25	22	...
Индонезия	30	30	30	28	25	25	25
Камбоджа	20	20	20
Малайзия	28	28	27	25	25	25	24
Сингапур	26	22	20	17	17	17	17
Таиланд	30	30	30	30	30	20	20
Филиппины	33	32	35	30	30	30	30

Источник: {3; 7}

В последнее десятилетие снижались ставки налога и на доход физических лиц, но в гораздо меньшей мере, чем в корпоративном налогообложении, да и не во всех странах ЮВА. Индивидуальный подоходный налог понизился в Индонезии с 35% в 2006-2009гг. до 30% в 2009-2016гг., во Вьетнаме - с 40% до 35% в те же годы, в Таиланде – с 37% в 2006-2012гг., до 35% в 2013-2015гг., в Малайзии – с 28% в 2006-2008гг. до 27% в 2009г., до 26% в 2010-2013гг. и до 25% в 2014г. В Сингапуре, и на Филиппинах ставки персонального подоходного налога сохранялись в 2006-2015гг. на одном уровне – соответственно 20% и 32%, а в Мьянме ставка даже повысилась с 20% в 2013-2015гг. до 25% в 2016г. [5]

Воздействие глобализации на налоговую политику в странах ЮВА проявляется не только в установлении более низких ставок подоходных налогов, но также и в том, что страны региона восприняли опыт создания развитыми странами режимов налоговых льгот и уже с середины XXв. вводили в практику различные фискальные послабления, в первую очередь

для иностранных инвесторов (в сфере подоходного налогообложения это - налоговые каникулы сроком от 3 до 10 лет, льготные ставки корпоративного налога, льготные амортизационные отчисления и другие).

Еще одним каналом влияния глобальных процессов на фискальную политику в подоходном налогообложении являются соглашения об избежании двойного налогообложения, регулирующие взимание налога у источника дохода. Глобализация бизнеса ведёт к тому, что производство не ограничивается территорией одной страны и налоговая база тоже выходит за ее границы. Чтобы уловить доход и взыскать налог с него, страна, в которой извлекается доход, вынуждена отказаться от части своего фискального суверенитета и согласовывать с правительствами других государств условия разделения прав на взимание налога с дохода, полученного на её территории. За исключением Камбоджи, все государства ЮВА имеют такие договоры со странами как внутри региона, так и вне него.

2. *Косвенное налогообложение.* Под непосредственным воздействием глобализации модифицировалось и косвенное налогообложение, сбор от которого является преобладающим в налоговых поступлениях в бюджет. Однако в отличие от подоходных налогов процесс изменений идёт медленнее. Первая акция по пересмотру громоздких и устаревших моделей налогов с продаж была проведена в Индонезии, которая ввела с 1 января 1984г. современный налог на добавленную стоимость (НДС), зародившийся во Франции в 1954г. и широко распространившийся с тех пор во всём мире (кроме США). За нею последовали Филиппины (1988г.), Таиланд (1992г.), Вьетнам (1999г.). В Сингапуре (1994г.) и Малайзии (2015г.) введен однотипный с НДС налог на товары и услуги. Мьянма в 1990г. ввела налог с продаж под названием «коммерческий налог» планирует заменить его на НДС в 2018-2019гг. Ставки налога колеблются в пределах от 6 % (в Малайзии) до 12% (на Филиппинах) и намного ниже, чем в Европе (оптимальные 15-20%) {4}.

Список литературы:

1. Bank of Thailand. Quarterly Bulletin. Bangkok.
2. Bulletin of International Fiscal Documentation. Amsterdam.
3. Corporate Tax Rates Table. KPMG. GLOBAL [Электронный ресурс]. URL: <https://home.kpmg.com/xx/en/home/services/tax/tax-tools-and-resources/tax-rates-online/corporate-tax-rates-table.html>
4. EY Worldwide VAT, GST & Sales Tax Guide 2016 {Электронный ресурс}. URL: [www.ey.com/Worldwide VAT.GST &Sales Tax Guide/2016.pdf](http://www.ey.com/Worldwide_VAT.GST_Sales_Tax_Guide/2016.pdf)
5. Individual Income Tax Rates Table. KPMG.GLOBAL. {Электронный ресурс}. URL: <https://Home.kpmg.com/xx/en/home/services/tax/tax-tools-and-resources/tax-rates-online/individual-income-tax-rates-table.html>
6. International Tax Summaries. N.-Y.
- 7 KPMG's Corporate and Indirect Tax Rate Survey 2009.19 October 2009. {Электронный ресурс}. URL: <https://www.kpmg.com/.../KPMG's-Corporate-and-Indirect-Tax-Rate-Survey-2009.gsp>

Немчинов В.М.
ПОЛИТЭКОНОМИЯ ВОСТОКА: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

К.э.н, Старший научный сотрудник,
Институт востоковедения РАН
Отдел экономических исследований
diaversity@mail.ru

Поскольку нынешняя конференция впервые за последние несколько лет предполагает диалог по заранее заявленным темам, материалам и конкретным вопросам экономического развития, а также предусматривает обмен мнениями между участниками встречи в электронном виде, мне представляется важным в тезисной форме очертить общие политэкономические контуры стран Востока и поставить ключевые вопросы, требующие дальнейшего осмысления. То как мы определяем нашу проблематику, является отражением наследуемой и принимаемой нами картины мира. Тем, что А.М. Петров назвал геномом Востока. В слаборазвитых странах после обретения независимости в основном делался упор на протекционистскую, интервенционистскую политику государственного дирижизма, какой бы ни была его окрашенность, прозападной или социалистически ориентированной. И это почти полвека в целом определяло ведущий вектор развития стран «третьего мира»[6]. Незападная и открыто антизападная ориентация сформировала картину мира социалистической политэкономии.

В современной западной экономической теории либерального типа после великого кризиса 30-х гг. поняли, что, безусловно, необходимо принимать во внимание такие экономические элементы как «всеобщую занятость, стабильность цен, равновесие платежного баланса, рост ВВП, перераспределение доходов и богатств и обеспечение социального благополучия» [1]. В политэкономической науке политическая составляющая различных цветов оказывалась доминирующим «цветовым» маркером следования разными курсами третьего, второго и первого миров вплоть до десятилетия триумфа экономического глобализма, имеющего камуфляжную окраску. Но политико-экономическая нереализованность сначала идеи «единого общего европейского дома», а теперь и отказ США от участия в транс-тихоокеанском партнёрстве привели в XXI веке к еще одной неудаче выстраивания нового мирового экономического порядка в его, как представлялось, однополярной и в универсально доминантных формах. На смену им приходят новейшие технологические и региональные политэкономические теории, которые востоковедам имеет смысл углубленно проанализировать.

К первым теориям я бы отнес то, что можно назвать инноватикой – это, прежде всего, инфо-коммуникативная стилистика ускоренного воспроизводства и симультанной массовой трансляции постоянно

генерируемых инноваций [4]. Скорее всего, в такой модели интенсивного развития формируется именно способность управления потоком иного способа мышления, которая закольцовывается на молниеносно развивающуюся, сетевую компьютерную эпоху интернета вещей. В этом смысле такую важную вещь, как всеохватное слежение и информационное управление индивидуальным спросом надо воспринимать не просто как собственно слежение через чипы и сигналы мобильного, но как слежение через учет предпочтений и программирование массового и индивидуального поведений. Сюда я бы отнес и политэкономическую мысль о технологической конвергенции как новой форме экзистенциального поиска бытийной истины [5].

Ей противостоит в парадоксальном сочетании незападная религиозная и прозападная секулярная архаика. Рассматривая дивергенцию сквозь призму технологизма, как анти-симбиоз техносферы, укладности, политики и идеологии, мы видим на Ближнем Востоке, в Африке и отчасти в Латинской Америке всплески нового трибализма, провалы и распад послевоенной национальной государственности и наступление жестокого варварства в отношении собственного населения. В западноевропейской неоархаике этому тренду соответствует манипулятивное экологическое сознание, статусный этос привилегированных меньшинств, распространившийся в пространстве «золотого миллиарда» как инструмент депопуляции (в Германии, например, именно с активизацией «зелёных» связывается всплеск сексуальных девиаций, возведённый в культ), а также резкий рост все более радикальных правых охранительных настроений. Поэтому, представляется важным проследить цепочку когнитивных трансмутаций: постмодерн – релятивизм – слайдинг по модным стилям – консенсусная веритатизация истины и – главное – смену парадигмы самого запроса на истину будущего хозяйственного жизнеустройства.

Ко вторым теориям можно отнести разработанную санкт-петербургскими экономистами под руководством Д.Ю. Мирапольского евразийскую политическую экономию [2], а также закрытую симбиотическую теорию китайских экономистов, внешне оформляемую в виде конструкторов новых «шелковых» коридоров и стратегических путей. И в том и в другом случае в качестве определяющего начала современного хозяйства предлагается категория «продукта», в его реальном и виртуальном состояниях, которая равно применима как к рыночной, так и к раздаточной экономике. В первом случае преобладает товарность, во втором – планомерность. Их различные сочетания, комбинации и конкретные соотношения будут характеризовать ту новую хозяйственную специфику, которая «развивается в ситуации, когда классическая индустриальная стадия уходит в небытие».

Оценивая ближайшую и среднесрочную перспективы, мы видим, что и шестой, и седьмой технологический уклады будут развиваться не в родственном по эконометрической эффективности хозяйственном пространстве, а в сложном и противоречивом сопряжении с

традиционалистскими укладами, обеспечивающими базовое выживание своему населению за счет максимального задействования недоиспользуемых и внерыночно перераспределяемых хозяйственных ресурсов. Оценивая нынешнюю ситуацию, «когда как показали оценки последнего Родосского форума, выход за пределы глобального геополитического и геоэкономического нестроения пока еще не виден, а целая серия сопряженных кризисов уже втянула большинство стран второго эшелона в сложный период длительной нестабильности», изучение востоковедами фундаментальных оснований обеспечения устойчивого самостоятельного существования разноукладных районных, национальных и региональных хозяйственных сегментов на Востоке является актуальной задачей [3]. Для ее решения мне представляется насущно необходимым продолжение начатого на нашей нынешней конференции разговора в форме регулярно проводимых ежемесячных консультаций-совещаний экономистов востоковедов.

Список литературы

1. Фуко М. Рождение Биополитики. СПб.: Наука, 2010, с 249
2. Евразийская политическая экономия: учебник/ под ред. И.А. Максимцева, Д.Ю. Мирапольского, Л.С. Тарасевича. – МПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016.
3. В.М. Немчинов. Евразийская экономическая интеграция в условиях роста геополитической и геоэкономической нестабильности: потенциал многоукладности, самозанятости и внерыночных форм хозяйства// IV Международный Экономический Форум «Евразийская Экономическая Перспектива», сб. докладов под ред. И. Максимцева, Издательство СПбГЭУ, СПб.: 2016.
4. Victor Nemchinov “Riding on the Waves: How to Dialogue with the East”// Russia in the Asia-Pacific Region: Challenges, Perspectives, Opportunities. Special edition of the Eastern Economic Forum. Roscongress foundation. М.: 2016.
5. В.М. Немчинов. Человеческая размерность новейших коммуникационных и информационных технологий: на пути к диалогическому знанию XXI века.// Сб. материалов XVI конференции «Наука. Философия.Религия»: Человек перед вызовом новейших информационных и коммуникационных технологий. М., 2014.
6. В.М. Немчинов. Смешанная экономика. Проблемы управления развитием. М.: Наука. 1994.

Нежданов В.Л.
МАЛАЗИЙСКИЕ ХУАЦЯО И КИТАЙ: ВЗАИМОВЫГОДНОЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

Магистр международных отношений, Тюменский государственный университет, Тюменское региональное отделение «Дома российско-китайской дружбы», Руководитель регионального отделения ДРКД
vn1993@yandex.ru

История экономического подъема КНР немыслима без учета вклада зарубежных китайцев. С 1980-х годов хуацяо начали массово инвестировать значительные средства в южные провинции КНР, что в итоге послужило серьезным стимулом к комплексному развитию экономики Китая. Сегодня Китай становится крупнейшим инвестором в страны проживания хуацяо, которые некогда были крупными инвесторами в самой КНР. В данной работе рассматривается экономическое взаимоотношение КНР и Малайзии в контексте экономических и политических отношений обеих стран с малазийскими китайцами.

Развитие экономических отношений в КНР претерпело определенные изменения, начиная с 1949 года, что наложило отпечаток на становлении капиталистических отношений после 1978 года. В итоге к началу 1979 года у КНР существовало две основные проблемы по развитию экономики. Первая - привлечение прямых иностранных инвестиций в экономику страны, вторая - профессионализация и модернизация государственных предприятий [6, с.5]. В это время Малайзия проходила собственный путь развития экономики. С 1971 по 1999 год в стране действовала националистическая «Новая экономическая политика», которая подразумевала благоприятствование фирмам, зарегистрированным на малайцев (бумипутерцев) [6, с.7]. Малазийские китайцы в свою очередь нашли возможности для развития собственного дела в новых экономических условиях. Так, наиболее богатые хуацяо приступили к формированию политических альянсов для переговоров и политического торга с малазийской национальной элитой. Средние и небогатых хуацяо в свою очередь начали развитие бизнеса в сферах, где присутствовала наименьшая поддержка от государства [6, с.9].

В экономической теории принято выделять более 6 основных причин развития инвестиционной деятельности за рубежом. При этом в 1980-е годы инвестиционная активность в Азии характеризовалась лишь стремлениями к сокращению затрат на производство и преодолению высоких таможенных заградительных тарифов [5]. Важно заметить, что в 1980-е годы хуацяо начали инвестировать в КНР по тем же экономическим причинам, по которым они переехали в Малайзию ранее, а именно появление значительных возможностей для обогащения.

В истории инвестирования малазийских хуацяо в КНР можно выделить три этапа. Первый этап можно назвать временем, когда хуацяо осторожно и с определенным недоверием относились к КНР и не стремились инвестировать

значительные средства. Этот период начался в 1985 году, когда делегация премьера Малайзии прибыла с визитом в КНР. В состав делегации входил видный бизнесмен Лим Кимхун, задачей которого было исследовать возможность инвестирования в обновляющийся Китай. Однако в период с 1985 по 1990 год в КНР инвестировали лишь 6 китайских предприятий из Малайзии. Бум инвестиций хуацяо начался после 1989 года, когда политика санкций стран Запада привела к выводу из КНР значительной части инвестиций крупных компаний. В период с 1990 по 1994 г.г. КНР привлекла порядка 64 предприятий малазийских хуацяо. Дополнительный эффект создавало движение КНР к унификации экономических процедур и стремлении вступить в ГАТТ (ВТО). Начиная с 1995 года ажиотаж малазийских хуацяо по отношению к КНР начал спадать как по причине определенного насыщения рынка, так и в виду возвращения европейских и американских инвесторов в КНР [5].

Дополнительно необходимо отметить, что китайская диаспора в Малайзии обладает значительной экономической силой. В рейтинге наиболее богатых людей Малайзии, составленном журналом Форбс более половины из 50 наиболее богатых малазийцев являются хуацяо [7]. Однако можно констатировать определенные факты, которые указывают на неблагоприятное положение хуацяо в Малайзии. За время независимости Малайзии число хуацяо сократилось и составляет на данный момент порядка 23% от населения страны [12]. При этом в Малайзии сохраняется страх «китайской угрозы», которая исходит изнутри и грозит захватом экономики [11]. При этом китайцев в Малайзии можно сравнить с гражданами «второго сорта», так как в обществе до сих пор присутствует термин «пендатанг», который обозначает приезжих и относится к хуацяо на бытовом уровне [9]. Важно отметить, что с 2014 года именно хуацяо в Малайзии показывают наибольший рост доходов и являются определенным образом двигателями экономики [1]. В данном случае вызовом для Малайзии становятся неоднократные попытки создания единой национальной идентичности (программа «Бангса Малайзия») [1], что негативно сказывается на ожиданиях молодого поколения китайцев. Так, в Малайзии уже наблюдается «утечка мозгов» [8].

С ростом китайской экономики и укреплением китайских фирм, КНР начала развитие инвестиционной деятельности в мире. Уже с 2009 года КНР являлась крупнейшим торговым партнером Малайзии. Вместе с этим к 2016 году Китай стал крупнейшим иностранным инвестором в Малайзии [10]. Малазийские хуацяо являются влиятельной группой населения, которая в значительной мере привлекает инвестиции КНР. Однако в процентном соотношении хуацяо проигрывают в привлечении инвестиций КНР государственным компаниям, принимающим более половины инвестиций Китая. Хуацяо сосредоточивают в своих руках около 28% китайских инвестиций, в то время как представители иных этнических групп получают около 33% [6, с.3]. Такое соотношение инвестиций в экономику Малайзии вызвано прежде всего националистической «Новой экономической

политикой», отголоски которой до сих пор влияют на развитие малазийской экономики.

Китайские инвестиции в Малайзию распределены неравномерно по секторам экономики. Государственные предприятия получают 76% китайских ПИИ в сфере строительства, однако лишь 29% в производстве и 25% в высоких технологиях, сфере услуг и прочих отраслях. Иная картина с хуацяо, которые получают лишь 18% ПИИ КНР в сфере строительства, однако 43% в производстве и 33% в иных сферах [6, с.3]. Таким образом можно сделать вывод, что особенности малазийской экономики привели хуацяо к развитию тех отраслей, которые позволяют иметь наименьшие контакты с правительством Малайзии и регионов страны.

Значительную роль в современных инвестиционных проектах КНР по отношению к Малайзии играет инициатива «Нового Морского Шелкового пути XXI века». Внутри этой инициативы для КНР наиболее удобным способом инвестирования в экономику Малайзии является практика слияний и поглощений малайских активов. Эксперты прогнозируют, что китайские инвестиции в инициативе Морского Шелкового пути продемонстрируют годовой 20% рост в различные проекты. Наибольший интерес КНР в Малайзии сосредоточен в сельском хозяйстве, технологиях производства, потребительских товарах, строительстве и услугах, что позволяет распределять ресурсы между государственными компаниями и хуацяо не вызывая протестов малайцев [3].

Не все малайцы разделяют ажиотаж по поводу роста инвестиций КНР в экономику страны. Эксперты отмечают, что Малайзия стремится стать страной с высоким уровнем доходов к 2020 году, что подразумевает поступательный и устойчивый приток инвестиций. Учитывая инициативность китайского проекта, эксперты отмечают возможное возвращение на первые места в Малайзии таких инвесторов как Сингапур, Япония, Голландия, США и Норвегия [2]. Вместе с этим в малазийской прессе отмечают о необходимости отказа от ПИИ, если: делается вклад в стратегические активы, ПИИ приводят к коррупции, новые фирмы работают с импортируемыми материалами, не стимулируют местный найм. Отмечается, что Малайзия уже должна развивать внутренние инвестиции, что приведет к гораздо более устойчивому росту [4].

Таким образом инвестиционное и экономическое взаимодействие КНР и Малайзии с 1980-х годов в значительной степени зависит от положения китайской диаспоры в Малайзии, её экономических и социально-политических позиций. Изменения в сложившийся порядок вещей вкладывает Морской Шелковый путь, так как представляет собой не двустороннее, а многостороннее общение стран.

Список литературы:

1. Bochen Han. Malaysia's Chinese Diaspora: the Offer Side of the Story // The Diplomat, 10.11.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://thediplomat.com/2015/11/malysias-chinese-diaspora-the-other-side-of-the->

- story/ (Дата обращения: 10.02.2017)
2. Chew Amy. China Becomes Malaysia's Biggest Foreign Investor, Thanks to 1MDB Purchases // South China Morning Post, 12.01.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/1900064/china-becomes-malaysias-biggest-foreign-investor-thanks> (Дата обращения: 13.02.2017)
 3. Chinese Investors Invest in Malaysia // China Investors 中国投资者 Blog, 15.08.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://blog.thechinainvestors.com/blog/chinese-investors-invest-in-malaysia> (Дата обращения: 10.02.2017)
 4. Lieu Chin Tong. 5 Areas for Caution in Accepting Investments from China // FMT News, 13.01.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.freemalaysiatoday.com/category/opinion/2017/01/13/5-areas-for-caution-in-accepting-investments-from-china/> (Дата обращения: 13.02.2017)
 5. Liew Ching Wen. Malaysian Investment in China: A Study of Selected Public Listed Companies / Dissertation, Department of Chinese Studies of University of Malaya, Kuala Lumpur, 1999.
 6. Lim Guanie. China's Investments in Malaysia: Choosing the «Right» Partners // International Journal of China Studies, Vol. 6, №1, April 2015. P. 1-30
 7. Malaysia's 50 Richest // Forbes [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forbes.com/malaysia-billionaires/> (Дата обращения: 11.02.2017)
 8. Pak Jenifer. Will Malaysia's Brain Drain Block Its Economic Ambitions? // BBC News, 5.06.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bbc.com/news/world-asia-22610210> (Дата обращения: 13.02.2017)
 9. «Pendatang» Term Is Just Based on Historical Fact, BNT Says // Malaysia Online, 7.11.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.themalaymailonline.com/malaysia/article/pendatang-term-is-just-based-on-historical-fact-btn-says> (Дата обращения: 13.02.2017)
 10. Prashanth Parameswaran. Is China Now Malaysia's Largest Investor? // The Diplomat, 13.01.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://thediplomat.com/2016/01/is-china-now-malaysias-largest-foreign-investor/> (Дата обращения: 10.02.2017)
 11. «Second-Class» Ethnic Chinese Controlling Malaysia's Economy, Swiss Muslim Academic Told // Malaysia Online, 4.02.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.themalaymailonline.com/malaysia/article/second-class-ethnic-chinese-controlling-malaysias-economy-swiss-muslim-acad> (Дата обращения: 13.02.2017)
 12. Will the Radical Composition of the Population Directly Affect the Interest and Right of a Race? // Malaysian Chinese News, 5.11.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.malaysianchinesenews.com/2015/11/will-the-racial-composition-of-the-population-directly-affect-the-interest-and-right-of-a-race/> (Дата обращения: 11.02.2017)

Окимбеков У.В.
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ
АФГАНИСТАНА

К.э.н., Научный сотрудник
Институт востоковедения РАН
Центр изучения стран Ближнего и Среднего Востока
ubayd@inbox.ru

Свержение правительства талибов в конце 2001 г. дало возможность Афганистану рассчитывать в восстановление национальной экономики на финансовую и техническую помощь стран-доноров и международных финансовых институтов. На первой международной конференции по Афганистану, проходившей 22 января 2002 г. в Токио с участием представителей несколько десятков крупных стран, финансовых институтов и неправительственных организаций, было положено начало процессу восстановления разрушенного народного хозяйства страны. Международные силы содействия безопасности во главе с США, численность которых привалила за сто тысяч, совместно с афганскими силовыми структурами до 2014 г. обеспечивали безопасность в Афганистане. Внешняя помощь продолжает поступать, однако ее объем оказалась существенно ниже, чем было обещано.

Рис. 1. Сумма утвержденной и фактически выделенной финансовой помощи Афганистану

За прошедшие годы были реконструированы старые и построены новые автомобильные дороги, открыт первый железнодорожный участок,

соединяющий страну с Узбекистаном, восстановлены разрушенные в ходе войны электростанции, создана современная система телекоммуникаций, появилась мобильная связь, интернет, восстановлена банковская система, увеличились объемы внешнеторгового оборота.

По состоянию на 2002 г. банковская система страны находилась в разрушенном состоянии, работа Центрального банка была парализована, региональные отделения закрылись, а коммерческие банки к этому времени перестали существовать. К 2015 г. в Афганистане функционировали 15 банков (3 государственных, 9 – коммерческих и 3 филиала иностранных банков), имевшие по всей стране 411 отделений [7, с. 13-15].

Показатель ВВП на душу населения увеличился с 207 долл. в 2002 г. до 663 в 2015 г., а численность населения за этот период выросла с 21,8 до 28,6 млн человек [4, с. 133; 5, с. 142]. Среднегодовые темпы роста населения составляют 2,4% [1, с. 236]. Свыше половины афганского населения – дети подросткового возраста и молодежь: 47% – дети до 14 лет, 20% – возрастная категория от 15 до 24 и 16% – 25-39 лет [2, с. 16], что требует большие инвестиции в развитии человеческого фактора, прежде всего в области образования на всех уровнях.

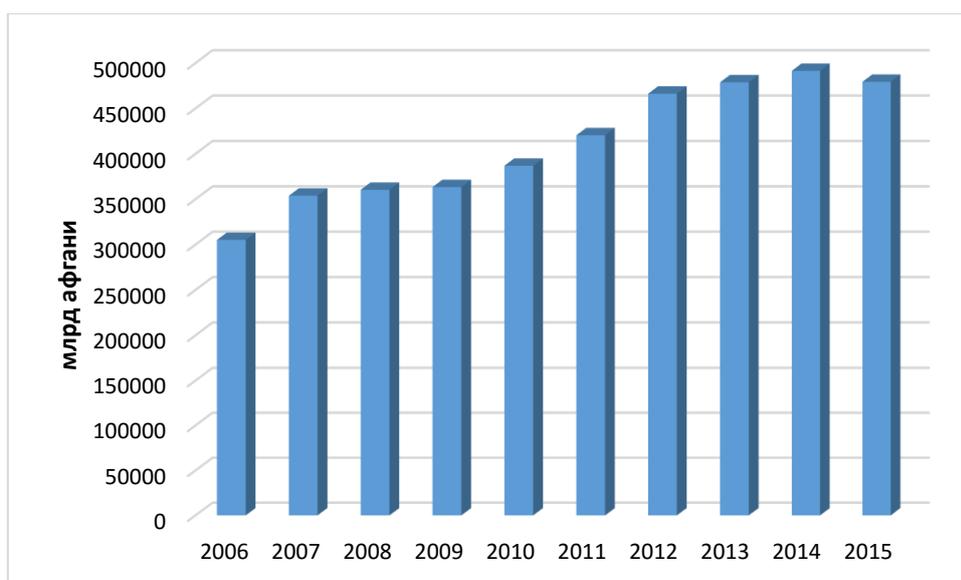

Рис. 2. Динамика ВВП Афганистана (в ценах 2002 г.).

Произошли изменения и в структуре ВВП: доля сельского хозяйства, основного сектора афганской экономики, заметно сократилась, промышленности примерно осталось неизменной, а сектора услуг значительно увеличилась.

Аграрный сектор, где проживает и занято свыше 80% афганского населения, не получил должное развитие. Относительная стабилизация политической обстановки способствовала расширению площадей посевов, увеличению объемов производства продукции, однако нерешенных проблем остается больше. Земледелие по-прежнему находится в прямой зависимости

от погодных условий – в период засух площадь посевов и урожайность зерновых сильно страдает. Строительство всех крупных и средних по масштабам страны ирригационных сооружений, в которых аграрный сектор сильно нуждается, давно вышел за рамки намеченных сроков и не завершается.

Таблица 1

ВВП по сектора экономики (%)

Отрасль	2002	2004	2006	2008	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Сельское хозяйство	43	33	33	28	28	27	25	25	24	22
Промышленность	21	25	26	26	21	22	21	20	21	22
Сфера услуги	34	39	38	44	48	48	50	52	51	52
Всего	99	97	97	97	96	96	96	96	97	97
Налог на импорт	1	3	3	3	4	4	4	4	3	3

Источник: Sectoral Contribution as % of GDP. <http://cso.gov.af/en/page/ict/11328/11332>

Таблица 2

Площадь посевов основных видов зерновых (тыс. га)

Годы	2002	2004	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Пшеница	1742	1888	2444	2466	2139	2575	2354	2232	2512	2553	2654	2128
Кукуруза	236	315	236	236	236	140	183	183	141	142	127	147
Ячмень	100	250	137	137	137	267	212	190	280	278	343	282
Рис	135	195	160	170	190	200	208	210	205	205	220	164
Всего	2213	2648	2977	3009	2702	3182	2957	2815	3138	3178	3344	2721

Источник: Afghanistan Statistical Yearbook 2008-09. P. 128; Afghanistan Statistical Yearbook 2011-12. P. 142; Afghanistan Statistical Yearbook 2013-14. P. 138; Afghanistan Statistical Yearbook 2015-16. P. 159.

Дальнейшее расширение площадей посевов не будет приносить особой пользы, если вопрос обеспечения земледелия поливной водой не решится. Урожайность в сфере земледелия предельно низкая и, как раньше, продолжает зависеть от фактора погодных условий, а в период засухи сильно падает.

Промышленность также с 2002 г. постепенно начала восстанавливаться. Общий объем производства отрасли, судя по данным официальной статистики, в 2006 г. составил 12611 млн афгани в ценах 1978 г., а к 2015 г. сократился в два раза – до 6199 млн. Резкое сокращение объема производства происходит с 2013 г., что можно наблюдать на примере данных по секторам. Так в 2006 г. частный сектор произвел продукцию на сумму 7032, а государственный – 5579 млн афгани (также в ценах 1978 г.), к 2013 г. соответственно 10063 и 310 млн, а в последующие два года соответственно в частном 6956 и 5626 млн, а государственном 359 и 573 млн афгани [3, с. 147; 5, с. 179]. Более наглядно эту тенденцию проиллюстрируют абсолютные показатели по относительно активным секторам промышленности (Табл. 3), общая численность которых ежегодно продолжает сокращаться.

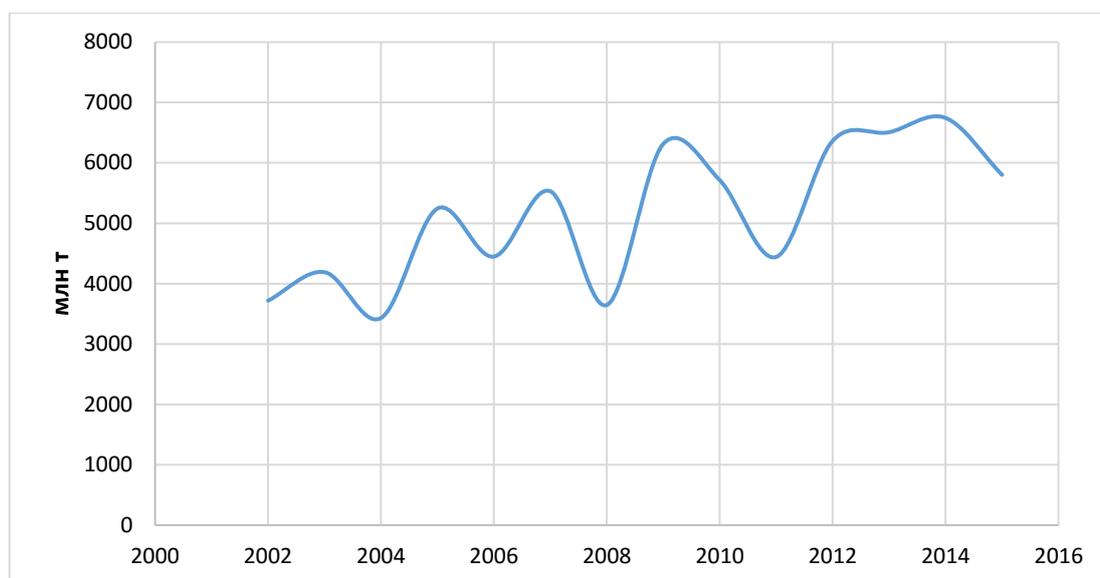

Рис. 3. Динамика производства основных видов зерновых

Таблица 3

Число наиболее активных промышленных предприятий по годам

	2006	2008	2009	2010	2012	2013	2014	2015
Химпром	58	58	58	55	52	50	40	41
Стройматериалы	84	101	105	105	103	99	83	79
Металлические изделия	78	78	80	75	75	72	65	61
Фармацевтика	10	14	11	14	11	11	8	8
Печатная продукция	56	63	63	73	70	79	70	72
Ковроделие и целлюлоза	47	45	37	30	28	25	19	19
Легкая промышленность	49	64	66	68	68	66	60	60
Пищевая промышленность	199	212	199	197	192	189	173	173
Прочие	161	196	192	190	189	185	170	165
Итого	742	831	811	807	788	776	688	678

Источник: Afghanistan Statistical Yearbook 2008-09. P. 147; Afghanistan Statistical Yearbook 2009-10. P. 133; Afghanistan Statistical Yearbook 2013-14. P. 157; Afghanistan Statistical Yearbook 2014-15. P. 166; Afghanistan Statistical Yearbook 2015-16. P. 179.

В сфере услуг больше половины объемов производства приходится на долю транспорта, складского хозяйства и связи (19%), оптовой и розничной торговли (7%), государственных услуг (13%), почты и телекоммуникации (6%). Мобильная связь является одной из самых быстроразвивающихся секторов афганской экономики, куда поступили первые иностранные инвестиции [8].

Внешние доноры обязались поддерживать экономику Афганистана до 2024 г., а страна к этому времени по плану должна освободиться от внешней финансовой зависимости. В реальности, это вряд ли произойдет, так как поступления от внутренних источников в бюджет не значительны и в

последующие годы особых положительных изменений в этом направлении не ожидается.

Таблица 4

Доля поступлений от внутренних источников в системе государственного бюджета Афганистана (%)

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Доля внутренних доходов	29	26	22	24	35	37	36	35	31	29	28
Темпы роста внутреннего дохода		9	23	27	53	16	-6	40	9	-6	2

Источник: Afghanistan Statistical Yearbook 2008-09. P. 219; Afghanistan Statistical Yearbook 2009-10. P. 201; Afghanistan Statistical Yearbook 2012-13. P. 249; Afghanistan Statistical Yearbook 2015-16. P. 260.

Таким образом, за эти годы произошли определенные положительные изменения, однако на качества жизни населения они сильно не сказывались. По индексу человеческого развития Афганистан (0,465, что ниже средних показателей групп стран с низким уровнем человеческого развития и стран Южной Азии) в 2014 г. среди 188 стран находился на 171 месте (в 2000 г. этот показатель составил 0334, в 2010 – 0,448). В частности, ожидаемая продолжительность обучения – 9,3 лет, средняя продолжительность обучения – 3,2 года, валовой национальный доход по паритету покупательной способности – 1885 долл., беднейшие слои трудящегося населения с доходом в 2 долл. США в день – 88,1% от общей численности занятых, коэффициент неравенства людей – 30, коэффициент материнской смертности – 400 случаев смерти на 100 тыс. живорождений, коэффициент рождаемости у подростков – 86,8 на 1 тыс. женщин, доля экономически активного населения – 47,9 [1, 49; 210; 218; 226; 256].

Вопрос безопасности является главным негативных фактором на обеспечение которого уходит значительная часть ресурсов бюджета. В 2015 г. расходы на оборону составляли 44%, что на 25% больше всего объема поступлений от внутренних источников. Остальным министерствам и ведомствам выделялось существенно меньше суммы: на развитие инфраструктуры – 16%, образования – 13%, здравоохранения – 4,2%, сельского хозяйства – 10% [5, 273].

Масштабная коррупция и растущий объем производства и сбыта наркотических веществ являются еще другим препятствием на пути развития афганской экономики. По данным «Транспаренси интернешнл» по итогам 2016 г. из 176 стран мира, по уровню коррумпированности Афганистан находился на 169 месте. Речь идет не только о коррупции в структурах власти, но и стран-доноров по линии международной помощи. Согласно данным афганских властей только 30% выделенной суммы получают афганцы, остальная часть обратно уходит из страны [6].

На пути дальнейшего развития афганской экономики существует еще масса других препятствий, однако политическая нестабильность, коррупция и наркоторговля являются определяющими факторами от решения которых в значительной степени зависит будущее любых проектов экономического и социального развития Афганистана.

Список литературы:

1. Доклад о человеческом развитии 2015: труд во имя человеческого развития. ПРООН. М., издательство «Весь мир», 2015.
2. Afghanistan Living Conditions Survey 2013-2014. National Risk and Vulnerability Assessment. Kabul, 2016.
3. Afghanistan Statistical Yearbook 2008-09.
4. Afghanistan Statistical Yearbook 2012-13.
5. Afghanistan Statistical Yearbook 2015-16.
6. Corruption perceptions index 2016. [Электронный ресурс]. URL: http://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2016
7. Da Afghanistan Bank Annual Report 1394.
8. Sectoral Contribution as % of GDP. [Электронный ресурс]. URL: <http://cso.gov.af/en/page/ict/11328/11332>

Печищева Л. А.
ИНДИЯ И ГЕРМАНИЯ: СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ
ЭКОНОМИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.

К.и.н., Научный сотрудник
Институт востоковедения РАН
Центр индийских исследований ИВ РАН

Начало XXI века ознаменовалось формированием нового подхода к развитию сотрудничества Индии и Германии в политической, социально-экономической сфере, а также в науке, образовании и культуре.

Основным направлением взаимодействия между Германией и Индией сегодня являются экономические отношения. Так, несмотря на глобальный финансово-экономический кризис, ФРГ и Индия проводят форумы, подписывают взаимовыгодные договоры.

Необходимо отметить, что между Индией и Германией приоритетными являются торгово-экономические отношения, которые скреплены рядом договоров и соглашений:

- торговое соглашение от 31 марта 1955 г.;
- обмен нотами о защите немецких инвестиций в Индии от 15 октября 1964 г.;
- соглашение об отказе двойного налогообложения от 19 декабря 1996 г.;
- соглашение о поощрении и защите инвестиций от 1998 г. [2, р. 6].

Ключевыми институтами, нацеленными на развитие индо-германских торгово-экономических отношений, являются: **индо-германская торгово-промышленная палата** (Indo-German Chamber of Commerce – IGCC) (1956 г.). Головной офис ТПП находится в Мумбаи, зарубежные офисы расположены в Нью-Дели, Калькутте, Бангалоре и Дюссельдорфе, а также германское общество международного сотрудничества (GIZ –Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit // German Corporation for International Cooperation) (2011 г.).

Германия является для Индии самым крупным экономическим партнером в Европе, а также входит в первую десятку торговых партнеров Индии в мире. В 2015 г. Индия заняла 25 место среди торговых партнеров Германии.

Таблица 1

Индо-германское торгово-экономическое сотрудничество
(цифры в долларах США) [3, р. 2]

Год (апрель – сентябрь)	2007-2008	2008-2009	2009-2010	2010-2011	2011-2012	2012-2013
Индийский экспорт	5,121.53	6,388.54	5,412.89	6,751.18	7,942.79	3,489.63
% рост		24.74	-15.27	24.72	17.65	
Индийский импорт	9,884.83	12,006.02	10,318.18	11,891.37	16,275.56	7,134.36

импорт						
% рост		21.46	-14.06	15.25	36.87	
Общий торговый оборот	15,006.36	18,394.56	15,731.07	18,642.55	24,218.35	10,623.99
% рост		22.58	-14.48	18.51	29.91	

Если рассматривать инвестиции, то они возросли с 2000-2008 гг. более чем на 3 млрд. евро, таким образом, делая Германию третьим по величине инвестором после Великобритании и Нидерландов в Европе и седьмым в мире. В целом, с января 2000 г. по март 2016 г. прямые инвестиции Германии в Индию оценивались в 8,64 млрд долларов США [4].

Торговые партнеры Индии учитывают ее растущее экономическое и политическое влияние в Азии и мире. Однако по ряду показателей Индия все еще уступает Китаю. Начиная с 1980-х гг., Китай демонстрирует темпы экономического роста около 10 % ежегодно, а Индия благодаря экономическим реформам 1990-х гг. смогла достичь примерно 8 %. Кроме того, у Индии сохраняются серьезные проблемы в социальной сфере: более высокие, чем у Китая, уровень бедности, отставание в сфере школьного образования, более низкий уровень грамотности, наличие тенденций, дезинтегрирующих общество, в том числе по религиозным и кастовым признакам. К тому же, проведение экономических реформ в многоконфессиональном и полиэтничном обществе в условиях демократии и многопартийности сопряжено с некоторыми трудностями [1, с. 843].

В то же время, у Индии, по сравнению с Китаем, есть и ряд преимуществ, которые могли бы обеспечить ей успех в экономическом плане. Так, Индия имеет уже сложившуюся систему демократических институтов, основы гражданского общества, судопроизводство, защищающее частную собственность. Страна располагает активно развивающимся сектором высоких технологий, опирающимся на крупные достижения в системе высшего образования. Индия не сталкивается с проблемой старения населения. Преимуществом Индии, по сравнению с Китаем, является и то, что либерализация и глобализация ее экономики не угрожают подрывом или разрушением ее политической системы. В Индии также сложилась инфраструктура для осуществления приватизации государственных предприятий.

Таким образом, сотрудничество между Индией и Германией в 2000-х гг. переживало период активной трансформации и в настоящее время развивается достаточно динамично. В условиях глобализации Индия и Германия обладают политическими, экономическими, культурными, научно-техническими ресурсами для развития их стратегического партнерства. По мнению канцлера ФРГ Ангелы Меркель, Индия обладает достаточным экономическим и политическим потенциалом, чтобы стать для Германии таким же крупным партнером в Азии, как и Китай.

Список литературы:

1. Кузык Б. Н., Шаумян Т. Л. Индия – Россия: стратегия партнерства в XXI веке. – М.: Институт экономических стратегий, 2009.
2. India and Germany. Federation of Indian Chambers of Commerce and Industry, 2007, 57 pp. [Электронный ресурс]. URL: http://www.in.kpmg.com/pdf/India_Germany.pdf (04.08.2016)
3. India - Germany bilateral relations. [Электронный ресурс]. URL: http://ficci.in/international/54525/Add_docs/India-Germany-Bilateral-Relations-21-12-12.pdf (15.02.2017)
4. India-Germany Relations. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.indianembassy.de/relationpages.php?id=37> (18.07.2016)

Пиковер А.В.
ИНФОРМАТИЗАЦИЯ И ЭЛЕКТРОННАЯ КОММЕРЦИЯ В КИТАЕ

Старший научный сотрудник
Институт Дальнего Востока
Центра социально-экономических исследований Китая
pikover@ifes-ras.ru

Китайское политическое руководство, а также интеллектуальная и деловая элита расценивает информатизацию как один из ключевых факторов радикального повышения качества комплексного развития страны.

Премьер Госсовета КНР Ли Кэцян 3 марта 2015г. на открытии 3 сессии 12 созыва Всекитайского собрания народных представителей заявил о курсе на формировании и развитии в стране стратегии «хуляньван+» («интернет+»), опирающейся на всеобъемлющее и всестороннее использование информационных сетей для развития общества.[1]

Базовая структура интернета в КНР

Как указано в «39-м Докладе о развитии интернета в Китае»[2], на декабрь 2016 года число зарегистрированных пользователей сети интернет в Китае составило 731 млн. человек, что соотносится со всем населением Европы, увеличившись за год на 42,99 млн. человек. Степень охвата населения интернетом на окончание 2016 года достигла 53,2%, что на 3,1% выше общемирового и на 7,6% выше общеазиатского показателей.

Важно, что количество пользователей, входящих в сеть с мобильных телефонов достигло 95,1% и у пользователей сформировалась привычка к оффлайн мобильным платежам.

По итогам 2016 года количество мобильных пользователей китайского интернета достигло 695 млн. человек. На фоне падения темпов прироста пользователей сети, входящих в сеть со стационарных и портативных компьютеров, в эти три года прирост мобильных пользователей непрерывно продолжался и составил 10%.

Все плотнее сближалась связь онлайн и оффлайн платежей. В 2016 году в Китае масштаб платежей при помощи мобильных телефонов достиг объема 469 млн. юаней, выросши за год на 31,2%. Процент использования мобильных телефонов для он-лайн платежей за 2016 год вырос среди пользователей сети с 57,7% до 67,5%. Стремительно проникнув в сферу оффлайн платежей, платежи с мобильных телефонов широко разнообразили локацию платежей. 50,3% пользователей сети использовали мобильные телефоны для совершения платежей в обычных (не интернет) магазинах.

Масштаб использования компьютеров на предприятиях достиг 99,0%, а использования интернета 95,6%. В 93,7% на предприятиях использовали для доступа в интернет стационарные широкополосные каналы, в 32,3% - мобильные широкополосные каналы. Таким образом наблюдается почти полное насыщение предприятий как компьютерной техникой, так и интернет-

доступом, причем с явным креном в быстрый рост мобильного интернета.

Компьютеризация предприятий

Таблица 1

Компьютеризация, использование интернета и широкополосного интернета на предприятиях

	2011г	2012г.	2013г.	2014г.	2015г.	2016г.
Компьютеризация	88,8%	91,3%	93,1%	90,4%	95,2%	99,0%
Использование интернета	82,1%	78,5%	83,2%	78,7%	89,0%	95,6%
Использование широкополосного интернета Стационарного/мобильного	74,7/10,9%	71,0/10,4%	79,6/18,3%	77,4/25,3%	86,3/23,9%	93,7/32,3%

Источник: 39-й Доклад о развитии интернета в Китае Центра интернет-информации Китая. <http://cnnic.cn/>

О росте благосостояния предприятий, а также культуры информатизации говорят цифры использования антивирусного софта. При том, что в целом за 2016 год процент использования антивирусного софта и файерволов вырос незначительно – с 91,4% до 92,4%, процент поклонников бесплатного софта упал с 74,1% до 48,6%, процент сторонников платного софта незначительно вырос – с 2,3% до 4,1%, и ощутиее всего вырос процент тех, кто готов использовать защиту информации в любом режиме – как бесплатно, так и возмездно – с 23,6% до 47,3%.

Электронная коммерция

В 2014г. объем сделок в электронной коммерции КНР составлял порядка 13 трлн. юаней.[3]

В 2015 году объем сделок в электронной торговле КНР достиг объема в 16,2 [4] трлн. юаней, увеличившись за году на 21,2%. Сетевая экономика оставалась в 2015году важнейшей силой, поддерживающей развитие средних и малых предприятий. Это не только воплотило новаторские потребительские потребности для малых и средних предприятий, но и стимулировало новые точки экономического роста.

В соответствии с данными совместного доклада крупнейшего сетевого трейдера Китая – Группы «Цзиндун» и «Института исследования экономики 21 века»[5] города «передней линии» (т.е. самые развитые города) Китая уже превзошли по потребительской активности развитые страны, сформировали свои собственные оригинальные модели потребления; города второй линии в центральных и западных районах тоже находятся в процессе формирования потребительского слоя, образ мыслей которого уже вызревает. «В целом потребители электронной коммерции устремлены в направлении здорового рационализма, всё большее внимание уделяется качеству товара. **В 2016 году китайская электронная коммерция прочно заняла лидирующее место в мире, достигнув по предварительным расчетам объема свыше 20 трлн. юаней, что составляет порядка 10% общего объема розничной торговли страны.**» - говорится в указанном докладе.

Что касается психологии потребительского поведения, то по сравнению с 2015 годом рационализм потребителей электронной коммерции ощутимо вырос. «С одной стороны, продолжался рост внимания потребителя к качеству продукта – Чжэцзян, Шанхай, Пекин, Цзянсу и прочие развитые регионы стали самыми внимательными к качеству продукта провинциями и городами, с другой стороны одним из самых привлекательных для потребителей электронной коммерции остается цена, что совершенно явно проявляется в продвижении товара.»

В городах первой линии проникновение электронной коммерции весьма велико, логистика развита и удобна, что привело к формированию зрелого потребительского поведения и алгоритмов, что проявилось в диверсификации выбора сортамента и специфике предпочтений. Сетевые супермаркеты в этих регионах развивались стремительно, частота покупок велика, объемы приобретаемых продуктов и напитков, косметики, товаров для женщин и детей и проч... товаров повседневного спроса начали вытеснять одежду, аксессуары и цифровую технику, превратившись в основные товары электронной коммерции. Одновременно в городах первой линии резко выросла пропорция свежих продуктов, книг и т.д...

Региональная ситуация с информатизацией

Таблица 2.

Территориальное распределение пользователей китайского интернета по итогам 2016г.

Провинция/город	Млн. человек	Коэффициент распространенности интернета	Прирост за год	Рейтинг распространенности интернета
Пекин	16,90	77,8%	2,6%	1
Шанхай	17,91	74,1%	1,0%	2
Гуандун	80,24	74,0%	3,3% %	3
Фуцзянь	26,78	69,7%	1.1%	4
Чжэцзян	36,32	65,6%	1.0%	5
Тяньцзин	9,99	64,6%	4,5% %	6
Ляонин	27,41	62,6%	0,4%	7
Цзянсу	45,13	56,6%	2,2%	8
Шаньси	20,375	55,5%	3,0%	9
Синьцзян	12,96	54,9%	2,7%	10
Цинхай	3,20	54,5%	0,8%	11
Хэбэй	39,56	53,3%	6,0%	12
Шаньдун	52,07	52,9%	8,7% %	13
Шаньси	19,89	52,4	5.5%	14
Внутр. Монголия	13,11	52,2%	4,1%	15
Хайнань	4,70	51,6%	0,9%	16
Чунцин	15,56	51,6%	7,6%	17
Хубэй	30,09	51,4%	10,5% %	18

Цилинь	14,02	50,9%	6,7%	19
Нинся	3,39	50,7%	3,7%	20
Хэйлунцзян	18,35	48,1%	7,5%	21
Тибет	1,49	46,1%	5,5%	22
Гуаньси	22,13	46,1%	8,8%	23
Цзянси	20,35	44,6%	15,7%	24
Хунань	30,13	44,4%	12,2%	25
Аньхой	27,21	44,3%	13,6%	26
Сычуань	35,75	43,6%	9,7%	27
Хэнань	41,10	43,4%	11,0%	28
Гуйчжоу	15,24	43,2%	13,2%	29
Ганьсу	11,01	42,4%	9,6%	30
Юньнань	18,92	39,9%	7,4%	31
В целом по стране	731,25	53,2	6,2%	

Источник: Центр интернет-информации Китая. <http://cnnic.cn/>[6]

Одним из ключевых моментов уровня и темпов информатизации страны является состояние базовой структуры телекоммуникационной отрасли. Для такой огромной страны, как Китай весьма важным фактором является территориальная неоднородность, проявляющаяся как в сфере культурной, национальной, географической, социально-экономической, так и в сфере развития информационной отрасли. Это особенно интересно с учетом явного перетока огромного количества пользователей в мобильный сектор интернета.

Таблица 3.

Коэффициент телефонизации по регионам Китая по итогам 2016г.

	Коэффициент охвата стационарной телефонии (шт./100чел.)	Коэффициент охвата мобильной телефонии (шт./100чел.)
КНР	15.0	96,2
Восточные районы	19.4	113.4
Пекин	32.0	178.3
Тяньцзинь	20.1	96.9
Хэбэй	11.5	95.9
Ляонин	20.3	101.0
Шанхай	30.3	130.7
Цзянсу	21.4	102.8
Чжэцзян	23.2	130.5
Фуцзянь	21.2	108.3
Шаньдун	9.9	97.4
Гуандун	24.1	132.3
Хайнань	18.6	103.5

Центральные районы	10.9	80.2
Шаньси	9.4	91.9
Цзилинь	18.9	96.4
Хэйлунцзян	13.1	90.4
Аньхой	10.0	70.7
Цзянси	11.3	68.8
Хэнань	8.4	83.2
Хубэй	12.5	80.0
Хунань	10.1	73.6
Западные районы	13.2	89.2
Внутр. Монголия	10.7	98.4
Гуаньси	7.3	78.7
Чунцин	18.0	95.5
Сычуань	18.2	88.9
Гуйчжоу	7.3	87.3
Юньнань	7.1	83.1
Тибет	12.0	87.8
Шэньси	17.9	100.5
Ганьсу	12.0	84.8
Цинхай	17.3	91.7
Нинся	10.6	107.3
Синьцзян	20.0	90

Источник: Управление эксплуатации, контроля и согласования Минпромсвязи КНР (<http://www.miit.gov.cn/>) [7]

Данные статистики свидетельствуют о постепенном отказе ощутимой части населения от пользования стационарной связью в пользу более многофункциональной мобильной связи.

Возвращаясь к ведущему тренду информатизации страны – концепции «Интернет+», обратимся к материалу ИА «Синьхуа»[8]:

Профессор Института менеджмента Академии наук Китая Люй Бэньфу считает, что необходимо продумать вопрос концепции «Интернет+» с мировой точки зрения. Вслед за стратегией «промышленного Интернета» США и стратегией Германии «Промышленность 4.0», Китай выдвинул план действий «Интернет+», который может сопоставляться данным двум проектам.

«Китайская модель «Интернет+» - это третья модель». По словам председателя Совета Китайской ассоциации информационной экономики это будет выходом для «догоняющих» и для развивающихся стран.

Т.о. Китай принял и последовательно реализует стратегию интенсификации общественных процессов посредством перехода

информатизации из вспомогательного средства в главную когнитивную среду **всех(!)** ведущих общественных процессов, т.е. перевода общества в качественно новое состояние и высокоэффективными рычагами управления этим обществом, включая формирование новых трендов и управления посредством этих трендов.

Список литературы:

1. ВЭБ-сайт издания «Чайна Дейли» [URL URL: http://www.chinadaily.com.cn/interface/toutiao/1138561/2015-3-5/cd_19726763.html]
2. «39-й доклад о развитии интернета в Китае» Центра интернет-информации Китая [URL: <http://cnnic.cn/guwm/xwzx/rdxw/2015/201601/W020160122639198410766.pdf>]
3. Ханчжоуское издание «Юэцин жибао» от 28.01.2015г. [URL: <http://news.163.com/15/0128/14/AH271IML00014AED.html>]
4. Конъюнктурная сеть Китая. [URL: <http://www.askci.com/news/chanye/2016/01/15/144742krmr.shtml>]
5. «Доклад о поведении потребителя в китайской электронной коммерции в 2016 году» Группы «Цзиндун» и Института исследования экономики 21 века [URL: <http://money.163.com/17/0112/15/CAJD3JDP002580PL.html>]
6. «39-й доклад о развитии интернета в Китае» Центра интернет-информации Китая [URL: <http://cnnic.cn/hlwfzyj/hlwzxbg/hlwtjbg/201701/P020170123364672657408.pdf>]
7. Официальный ВЭБ-сайт Министерства промышленности и информатизации КНР [URL: <http://zjgy.gov.cn/index.php/data/detail/403.html>]
8. Официальный ВЭБ-сайт ИА «Синьхуа» [URL: http://news.xinhuanet.com/comments/2015-03/06/c_1114544768.htm]

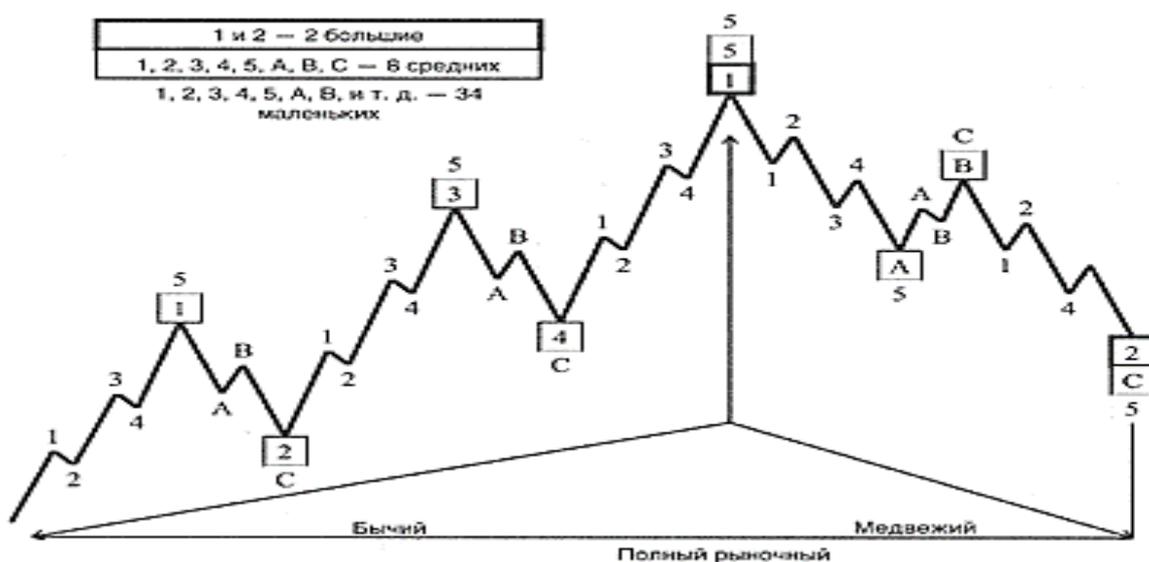
Растяникова Е.В.
СУПЕРЦИКЛЫ НА РЫНКЕ СЫРЬЕВЫХ РЕСУРСОВ НА ПРИМЕРЕ
СТРАН БРИКС

К.э.н., Научный сотрудник
Институт востоковедения РАН
Отдел экономических исследований
e_rast@mail.ru

В периоды потрясений мировой экономики особенно востребованными становятся различные теории циклов, в том числе Кондратьева, делового цикла и др. Заранее отмечу, что совпадение волн различных циклов на определенных промежутках наблюдаться может всегда, ибо все в мировой экономике связано, и спад в одной области влечет за собой спад в другой. В настоящей статье представлена циклическая теория фондового рынка, а точнее ценовые волны на мировом рынке сырьевых ресурсов. Пробудившийся интерес к теории Эллиота вызван тем, что животрепещущей проблемой сегодня стали сильнейшие колебания мировых цен на нефть.

Теория волнового движения фондовых рынков была предложена в 30-х гг. XX в. Ральфом Эллиотом. Изучая графики движения цен с 1860-х годов²⁵, он заметил, что цены на биржевых рынках развиваются по определенной модели. Он выявил на 80-летнем периоде анализа существование восьми волн: пять из которых принадлежат бычьему тренду (рост), а три – медвежьему тренду (спад) [2, с.15].

Рисунок 1. Схематическое изображение полного цикла волн Эллиота

Источник: [2, с.17]

²⁵ График движения цен с 1860-х годов используется в ежегодных обзорах ВР для прогнозирования цен на краткосрочную перспективу [5, с.14]

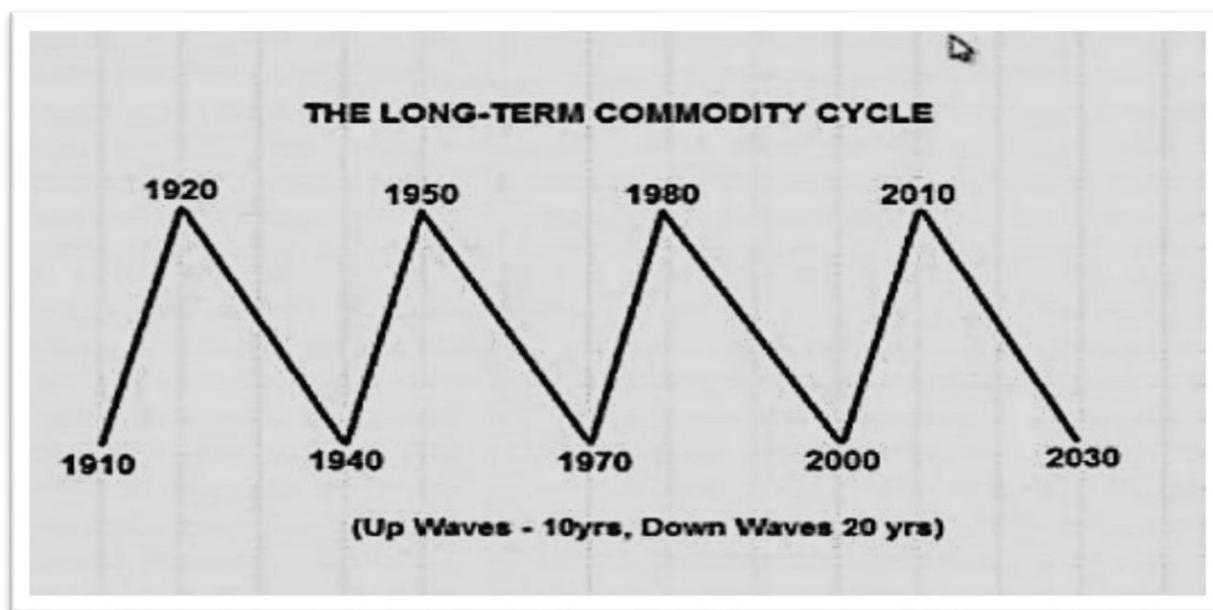
На рисунке 1 волны под номером 1, 3 и 5 – повышательные волны основного бычьего тренда. Они называются волнами импульса. Волны под номером 2 и 4 – корректирующие фазы волн 1 и 3. Волны А, В, С – это три волны медвежьего тренда. Из них волны А и С являются волнами импульса, а волна В – коррекцией волны А. Совокупность пяти волн бычьего и трех волн медвежьего тренда составляют полный рыночный цикл Эллиота (см. рис. 1).

Как и в некоторых других экономических циклах, здесь действует принцип вложенности волн – каждая волна импульса состоит из пяти волн меньшего размера, а каждая волна корректировки – из трех вложенных волн. Согласно теории Эллиота, самый длинный цикл называется Большим Суперциклом, который состоит из восьми волн суперцикла (аналогичных изображенным на рисунке), каждая из которых состоит из восьми волн меньшего цикла [2, с.14].

На практике волны Эллиота хорошо прослеживаются в ретроспективном анализе и очень приблизительно (с большой степенью ошибки) показывают будущие циклические колебания фондового рынка, поэтому прогнозирование при помощи данной теории довольно затруднительно.

Однако в периоды потрясений на рынках сырья экономисты не оставляют попыток применить теорию Эллиота к прогнозированию. Джеффри Кеннеди, современный аналитик финансового рынка, предлагает на основе волн Эллиота построить тридцатилетний сырьевой суперцикл [7]. В его интерпретации в суперцикле есть цикл роста цен, который длится примерно десять лет, и цикл спада цен, который длится двадцать лет (см. рис. 2).

Рисунок 2. Тридцатилетний суперцикл на мировом рынке сырья

Источник: [7]

Особенностью глобальных сырьевых циклов являются следующие

характеристики. Во-первых, рост цен, значительно превышающий трендовую динамику, по широкому кругу сырьевых товаров – чаще всего на сырье, необходимое для промышленного производства и строительства. Во-вторых, в основе глобального суперцикла предположительно лежит конъюнктура мирового рынка (соотношение спроса и предложения), в частности спрос на сырье, вызванный быстрой индустриализацией какой-либо крупной страны или группы стран²⁶. Предполагается, что последний сырьевой суперцикл начался в глобальной экономике в начале 2000-х годов в связи с быстрым развитием Китая и ряда других развивающихся стран, например, БРИКС. Анализируя ретроспективную динамику цен на нефть и металлы, многие аналитики еще в 2013 г. говорили о завершении фазы подъема этого суперцикла [1].

Рассмотрим суперциклы мировых цен на нефть с 1970-х годов. Подъем начала 1970-х годов (с корректирующими волнами середины 1970-х годов) сменился спадом в 1980-х годах (см. рис. 2 и 3). В частности, в нефтяном цикле пятнадцать лет наблюдалось падение цен (1983-1998 гг.), затем десятилетний рост (1998-2008 гг.). Как и на любом другом рынке, в период долгосрочного роста, как и долгосрочного падения, на рынке цен на нефть прослеживалась волатильность, однако общая направленность всех рынков всех сырьевых товаров говорит о глобальных тенденциях изменения цен на сырье. В соответствии с теорией, теперь можно ожидать падения до 2025-2028 гг., впрочем, как упоминалось выше, точно прогнозировать движение данных циклов практически невозможно.

Каково же влияние на мировой сырьевой рынок стран БРИКС? За период 2000-2013 гг. почти в два раза (с 10% до 18%) вырос удельный вес стран БРИКС в мировом внешнеторговом балансе товаров добывающей промышленности. Причем доля экспорта добывающей промышленности группы БРИКС в мировом экспорте добывающей промышленности увеличилась с 10% до 14%, а доля импорта стран БРИКС в общемировом ее импорте – с 7% до 20%. В 2013 г. в экспорте товаров добывающей промышленности среди стран БРИКС лидирующее место занимала Россия – ее вклад в мировой экспорт составил 9%, а в импорте таких товаров – Китай, доля которого в мировом импорте равнялась 13%. Ежегодный высокий темп роста ВВП Китая с начала двухтысячных годов и вплоть до событий 2008 года естественным образом требовал увеличения количества используемых ресурсов. В результате за этот достаточно короткий промежуток времени Китай вышел на беспрецедентные уровни обеспечения мирового спроса на сырье. Таким образом, с начала 2000-х годов на мировом рынке наблюдалось увеличение сырьевых потоков, и можно смело утверждать, что страны БРИКС были локомотивом этой тенденции, направляя, подпитывая, подталкивая ее динамику. Проанализируем изменение цен данного периода на сырьевые

²⁶ О конъюнктуре фондового рынка Б.Барух, в частности, сказал: «что в действительности запечатлевается в колебаниях фондового рынка – так это не сами по себе события, но человеческая реакция на эти события» [2, с.8].

ресурсы на примере нефтяных цен.

Рисунок 3. Динамика мировых нефтяных цен (1970-2015 гг.)

Источник: [3; 5, с.14]

На фоне низких цен на сырье в конце XX в. многие международные ресурсные добывающие компании не инвестировали в расширение производства и новые технологии и к скачку спроса со стороны Китая оказались не готовы. Дисбаланс спроса и предложения естественным образом привел к росту цен. С конца 2003 г. до 2005 г. включительно произошёл резкий скачок стоимости нефти. В начале января 2008 г., впервые за всю историю, цены на нефть превысили 100 долларов за баррель (однако во время «энергетического кризиса» 1970-х гг. нефть, с учетом инфляции, была еще дороже), далее тенденция роста цен продолжилась. За один день 6 июня 2008 г. нефть подорожала на \$10 за баррель. Максимальная цена ресурса была достигнута 11 июля 2008 г., превысив 147 долларов за баррель, после чего началось резкое снижение, продолжавшееся до декабря 2008 г. В 2009 г. цены постепенно восстановились, затем, в 2011-2013 гг., снова поднялись [4].

С середины 2014 г. из-за переизбытка сырья на рынке, вызванного, в частности, слабым ростом мирового потребления и ростом добычи сланцевой нефти в США, цены на нефть снизились вдвое. Кроме того, этому значительно поспособствовали увеличение производства ресурса в Саудовской Аравии и отказ ОПЕК сократить квоты на добычу в ноябре 2014 г. Для поддержки своей экономики Россия существенно подняла добычу и экспорт нефти. И хотя Китай нарастил импорт, цены продолжили падать, и в 2016 г. обновили тринадцатилетний минимум. В конце 2016 г. ОПЕК и России

в принципе удалось договориться о квотах на добычу нефти, в том числе о сокращении добычи нефти в 2017 г. В итоге цены поднялись с ноября 2016 г. по январь 2017 г. примерно на 17%. Но, по всей вероятности, это свидетельствует о корректирующей волне, полный цикл пока еще не преодолел волну спада.

В заключение хотелось бы отметить, что у теории суперциклов существуют как последователи, так и противники, их соотношение колеблется в зависимости от фазы цикла. Так, в период подъема число противников увеличивается, а в период спада больше становится последователей.

Список литературы:

1. Аналитики поспешили похоронить сырьевой суперцикл [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2013/04/17/cycle/> (17.04.2013)
2. Пректер Р., Фрост А. Волновой принцип Эллиотта: Ключ к пониманию рынка. Пер. с англ. – 6-е изд. Москва: Альпина Паблишер. 2012. - 350 с.
3. Сечин И. Кризис и перспективы развития нефтяного рынка // Эксперт. №8 (934) [Электронный ресурс]. URL: <http://todaynews24.ru/expert/2015/08/krizis-i-perspektivy-razvitiya-neftyanogo-ryinkaхх/media/256630/#anchor-1> (16.02.2015)
4. Цены на нефть [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/> (09.02.2017)
5. BP statistical review of world energy. June 2016. 65 ed. [Электронный ресурс]. URL: <http://bp.com/statisticalreview> (14.02.2017)
6. Kennedy, Jeffrey. Elliott Wave Trading: Principles and Trading Strategies [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elliottwave.com/en/Video/Elliott-Wave-Trading---Principles-and-Trading-Strategies> (21.02.2017)
7. Kennedy, Jeffrey. Have YOU Heard of the 30-Year Commodity Cycle? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elliottwave.com/Futures/You-Heard-of-the-30-Year-Commodity-Cycle> (20.02.2017)

Руденко Л.Н.
**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ АРАБСКИХ
СТРАН**

К.э.н., Старший научный сотрудник
Институт востоковедения РАН
Центр арабских и исламских исследований
l-rudenko22@yandex.ru

Одной из ключевых экономических проблем, с которой сталкиваются страны Ближнего Востока и Северной Африки в текущем десятилетии, является необходимость удовлетворения быстро растущих потребностей в электроэнергии. Этот спрос повышается в результате значительного увеличения численности населения и существенного промышленного роста в арабском регионе за последние три десятилетия. Согласно оценке журнала «Middle East Economic Digest», арабским странам в настоящее время требуется дополнительно 143,2 ГВт, чтобы удовлетворить потребности в электроэнергии, то есть прирост должен составить около 50% от их общей установленной мощности, которая равняется 285,4 ГВт [5, р.4].

В странах, которые объединены в региональную организацию – **Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ)**²⁷, спрос на электроэнергию достиг 89,5 ГВт в 2014 г., то есть увеличился на 8,4% по сравнению с предшествующим годом. Это ставит перед правительствами стран ССАГПЗ весьма трудную задачу: обеспечить предложение соответствующее спросу. По прогнозу Банка панарабского инвестирования в электроэнергетику «Аrisoip», для достижения этой весьма амбициозной цели прирост электроэнергетических мощностей в рассматриваемой группе государств должен составить 76,8 ГВт в течение 2016-2020 гг.[3, р. 10].

Проблема дефицита мощностей по производству электроэнергии в странах ССАГПЗ, по мнению аналитика Лондонской школы экономики и политологии К. Ульрихсена, может стать в предстоящие годы весьма трудноразрешимой, поскольку правительства этих стран «не только субсидируют цены на энергию вопреки законам рынка, но и осуществляют чрезвычайно энергоемкие проекты индустриализации (и урбанизации). Неэкономное потребление электроэнергии частными домовладениями (в Катаре, например, электричество бесплатно для коренного населения, хотя это, конечно, крайний случай) сочетается с эксплуатацией опреснительных установок, а также очень энергоемких нефтехимических предприятий и алюминиевых заводов (краеугольный камень диверсификации)» [1, с.119].

Масштабы неумеренного потребления энергии были обозначены в официальном докладе, подготовленном Саудовской электроэнергетической компанией (Saudi Electricity Company – SEC) весной 2011 г. Согласно этому

²⁷ В состав ССАГПЗ входят шесть государств: Бахрейн, Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Оман и Саудовская Аравия.

документу, почти треть нефтедобычи королевства уходит на удовлетворение местного спроса, который формируется в основном генерирующими компаниями, а на экспорт остающейся нефти приходится почти 80% государственных доходов. Авторы доклада предупреждали, что при сохранении нефтедобычи и потребления на уровне начала 2010-х годов страна в 2030 г. не сможет полностью удовлетворить внутренний спрос. Более того, быстрый демографический рост может ускорить развитие негативных тенденций [4, р. 31]. Аналогичное исследование, проведенное в Кувейте, выявило тот факт, что, если уровень потребления энергии не снизится, то эмирату уже к 2027 г. придется расходовать 100% добываемой нефти на покрытие внутренних издержек.

Правительства стран Персидского залива отвечают на этот вызов разработкой планов по созданию новых мощностей по выработке электроэнергии. При этом самая крупная программа развития электроэнергии в текущем десятилетии принята в Саудовской Аравии. Она предусматривает инвестиции в ряд проектов в размере 48 млрд. долл. с целью получения 40 GW дополнительных мощностей. Однако, по имеющимся прогнозам, к 2032 г. королевство будет нуждаться в увеличении производственных мощностей еще примерно на 70 GW, чтобы удовлетворить внутренний спрос [4, р. 31]. В целом для решения этих задач в предстоящие пятнадцать лет потребуется объем инвестиций, почти равный вложениям в саудовскую электроэнергетику за последние несколько десятилетий.

Важно отметить в этой связи, что экономическая ситуация в арабских монархиях существенно осложнилась после резкого падения мировых нефтяных цен в середине 2014 г. В 2016 г. глобальные цены на «черное золото» колебались вокруг отметки в 50 долларов за баррель. Снижение нефтяных цен, естественно, оказало негативное влияние на экономику арабских стран-экспортеров углеводородов. Государственные ассигнования на реализацию многих проектов начали сокращаться. Поэтому правительства стран Персидского залива решили более активно стимулировать независимые электроэнергетические проекты (independent power projects – IPPs) и таким образом поддержать программы по созданию новых мощностей в сфере электроэнергетики. Middle East Economic Digest, в свою очередь, оценил стоимость контрактов по IPPs, заключенных в странах ССАГПЗ в 2016 г. в 28,8 млрд. долл. [3, р. 10].

Необходимость существенного увеличения мощностей по производству электроэнергии является острой социально-экономической проблемой также и для **Египта**. Так, в 2013-2014 гг. в стране практически ежедневно происходили отключения электроэнергии из-за хронической нехватки топлива и дефицита генерирующих мощностей, который достигал 3 тыс. MW. Однако за последние два года в египетской электроэнергетике произошли положительные сдвиги. Улучшение ситуации, в частности, стало результатом завершения ряда отложенных проектов и введения в строй новых мощностей.

В центре многих программ арабских стран Ближнего Востока и

Северной Африки по расширению электроэнергетических мощностей находится развитие возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Это обусловлено тем, что правительства государств региона стремятся диверсифицировать источники производства электроэнергии с целью сокращения зависимости от углеводородов и повышения энергетической безопасности. Кроме того, падение цен на технологии ВИЭ, которое произошло в последние годы, сделало эти источники более конкурентоспособными по отношению к объектам, использующим конвенциональные углеводороды в качестве сырья

При реализации электроэнергетических проектов, как отметил представитель египетской компании Orascom Construction, выступая на круглом столе, организованном в Каире в декабре 2015 г., необходимо учитывать две основные составляющие: капитальные расходы (capex – capital expenditure) и операционные расходы (opex – operational expenditure). Capex для проектов, базирующихся на ВИЭ, в настоящее время не слишком отличаются от капитальных расходов на объекты, работающие на газе (gasfired projects), учитывая, что цены на технологии для получения солнечной и ветровой энергии (PV solar and wind power technology) существенно снизились [5, p. 4].

Правительство Египта, как и ряда других арабских стран, прикладывает усилия с целью диверсификации энергетического сектора путем развития возобновляемых источников энергии и запуска первого атомного проекта.

Активное продвижение производства солнечной и ветровой энергии является частью стратегии, направленной на снижение зависимости Египта от природного газа и нефти для генерации электроэнергии. Другой элемент стратегии – это развитие ядерной энергетики.

В настоящее время около 9% потребляемой электроэнергии в стране приходится на ВИЭ, при этом 8% дают гидроэлектростанции и только 1% ветровые фермы. Остальная часть поступает с тепловых электростанций, большинство которых спроектированы на использование природного газа в качестве их основного топлива. Стратегия правительства заключается в том, чтобы снизить долю газа в производстве электроэнергии до менее 80% в течение предстоящих десяти лет [2, p. 16,17].

Одной из главных проблем для многих инвесторов, стремящихся работать в египетском секторе ВИЭ, является обеспечение финансирования. В качестве поддержки программы развития солнечной генерации Европейский банк реконструкции развития (ЕБРР) в конце декабря 2015 г. объявил, что он готов предоставить 500 млн. долл. в форме займов на проекты в этой сфере [2, p. 16].

Что касается ядерной энергетики, то в ноябре 2015 г. с российской компанией «Росатом» был подписан контракт, который предусматривает строительство комплекса, включающего четыре реактора (1200 MW каждый) в Ад-Дабаа, западнее Александрии. Ожидается, что первый реактор войдет в строй в 2024 г. Вначале египетским компаниям будет принадлежать 20%

акций, затем доля вырастет до 35%. В контракте прописана аналогичная доля местного вклада в проект (оборудование, материалы, рабочая сила и др.) [2, р. 17].

«Росатом» взял на себя обязательство покрыть все издержки в иностранной валюте за счет кредита сроком на 35 лет. Под объект будет предоставлена гарантия на сорок лет, и «Росатом» будет нести ответственность за поставки топлива и утилизацию отходов. Другие коммерческие условия, например, такие, как тариф на продажу электроэнергии, которая будет производиться атомной станцией, не были раскрыты в средствах массовой информации.

Ядерный проект и развитие возобновляемых источников энергии привлекают внимание, так как они приносят нечто новое в египетский энергетический баланс. Тем не менее, на тепловые электростанции все еще будет приходиться подавляющая часть производства электроэнергии в Египте в предстоящий неопределенный период.

Согласно данным Egyptian Electricity Holding Company, правительство планирует довести установленную мощность по производству электроэнергии с 36 GW до 60 GW к 2020 г. [2, р. 17]. Возможно, данная цифра будет скромнее, учитывая масштаб этой цели и трудности, связанные с обеспечением финансирования. Тем не менее, оно заложило основу для существенного увеличения мощностей, подкрепленную более сильной финансовой базой для промышленности в результате постепенного сокращения энергетических субсидий.

Список литературы.

1. Ульрихсен К. Персидский залив: есть ли жизнь после нефти? // Россия в глобальной политике. 2011. № 5. С. 112-123.
2. Butter D. Egypt tackles energy crisis// Middle East Power. 2016. P. 16, 17.
3. Gavin J. Region turns to IPPs and renewables// Middle East Power. 2016. P. 10, 11.
4. O'Sullivan. Riyadh focuses 2013 priorities// Middle East Economic Digest. 26 October – 1 November 2012. P. 31.
5. Roscoe A. Meeting ambitious energy targets// Middle East Power. 2016. P. 4-8.

Симонова А. И.
**«ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ» КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ КИТАЙСКИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ**

Магистрантка факультета политологии
МГУ им. М. В. Ломоносова
stasya_simona@mail.ru

Концепция “Один пояс – один путь” представляет собой предложенный в 2013 году Генеральным секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Китая Си Цзиньпином экономический проект прокладки торговых путей по их древним прототипам.

Хотя, официальный Пекин в лице министра иностранных дел КНР Ван И придерживается версии о “придании мощного импульса укреплению открытой экономической картины и оживлению мировой экономики” [1], ряд российских исследователей, например, генеральный директор “Спутник - управление капиталом” Александр Лосев, ссылаясь на опубликованный в 2015 году Госкомитетом по делам развития и реформ, Министерством иностранных дел и Министерством коммерции КНР документ “Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI в.” указывает, что Китай, по сути, предлагает модель “общемирового менеджмента” [2], претендуя на роль движущей силы, центра этой модели. Именно эта цель, а вовсе не экономическое развитие других стран заботит Китай.

Анализируя недавние заявления Китая, сложно не согласиться с вышеупомянутым мнением А. Лосева. Ведь, кроме всего прочего, Поднебесная говорит также и о необходимости сделать концепцию “Один пояс – один путь” неотъемлемой частью Повестки дня на Форуме ООН 2030. Говоря, правда, что именно такая мера доказывает искреннее желание Китая способствовать дальнейшей интеграции все новых и новых стран в выгодный для всех проект.

Впрочем, вне зависимости выгодна ли концепция “Один пояс – один путь” другим странам с экономической точки зрения, на данном историческом срезе Китай с каждым днем становится все ближе и ближе к осуществлению “китайской экономической мечты”. Так, 19 января 2017 года в Лондон прибыл первый поезд из Китая, который следовал маршруту “Одного пояса – одного пути”. Эта практика теперь станет постоянной и “теперь поезда с китайскими товарами будут прибывать в Лондон еженедельно.” [3]

Чем же может быть полезна или, наоборот, вредна концепция “Один пояс – один путь” для российской экономики?

“Один пояс - один путь” является чрезвычайно привлекательной для российской экономики, в условиях достаточно продолжительных санкций, альтернативой западному импорту и западным инвесторам. В пользу “Одного

пояса – одного пути” выступает и тот факт, что на официальном уровне Россия в пределах северной ветки Экономического пояса Шелкового пути имеет равные с Китаем права и обязанности. При тесном экономическом сотрудничестве с западными странами такого положения дел, к сожалению, не наблюдалось и не предвиделось даже самыми оптимистически настроенными экономистами. Кроме того, тесное сотрудничество Китая и России в рамках концепции “Один пояс – один путь” может способствовать более прочному партнерству двух государств в рамках Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС), не говоря уже о возможном создании конкурентноспособного политического и экономического противовеса западным державам.

Вместе с тем, реализация концепции “Один пояс – один путь” приведет к гегемонии Китая в регионе, что поставит РФ в экономически зависимое от КНР положение. Здесь не может быть абсолютно никакой гарантии того, что зависимость от китайских денег будет для России менее болезненная, чем от западных.

Суммируя все вышесказанное следует сказать, что, хотя, экономическая зависимость России от внедрения Китаем концепции “Один пояс – один путь” крайне нежелательна, ее, тем не менее, не удастся избежать, т. к. на сегодняшний день экономических альтернатив, эквивалентных китайскому “Одному поясу – одному пути” у России нет.

Список литературы:

1. Инициатива Китая “Один пояс – один путь” будет дополнительно конкретизирована в 2017 году. [Электронный ресурс]. URL: <http://asiarussia.ru/news/14695/> (24.02.2017)
2. С помощью проекта “Пояса и пути” Китай выстраивает вокруг себя новый экономический порядок. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vedomosti.ru/economics/blogs/2016/01/18/624396-poyasa-puti-kitai-ekonomicheskii-poryadok> (26.02.2017)
3. “Один пояс и один путь” : в Лондон прибыл первый поезд из Китая. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2844565> (26.02.2017)

Смирнова Г.И.
РЕСПУБЛИКА СУДАН ПЫТАЕТСЯ РЕШИТЬ ПРОБЛЕМУ
ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РАМКАХ
КОМПЛЕКСНОЙ ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО
ХОЗЯЙСТВА АФРИКИ

К.э.н., Старший научный сотрудник
Институт востоковедения РАН
Центр арабских и исламских исследований
gismirnova@mail.ru

Сельское хозяйство Республики Судан (РС), несмотря на развитие нефтяной промышленности, оставалось основной отраслью экономики. В ней в 2009 г. было занято около 80% населения, но доля в ВВП составляла 32,1%. Судан обладает богатейшими ресурсами для развития аграрного хозяйства. Это плодородные земли, водные ресурсы, теплый климат, людские ресурсы. По оценке ФАО, потенциал пригодных для ведения сельского хозяйства земель в 2008 г. составлял 105 млн. га, но из них использовалось всего 7 млн. га (в том числе 800 тыс. орошаемых). Сельское хозяйство имело несколько направлений. Это отрасли, (согласно местной классификации секторы) – орошаемое земледелие, механизированное земледелие на богарных землях, традиционное земледелие и скотоводство. Первые два давали 65% всей сельскохозяйственной продукции страны, сосредоточивали большую часть капиталовложений в отрасль, основную массу сельскохозяйственной техники и кредитов, в то время как традиционный сектор продолжал оставаться на низком уровне агротехнического обеспечения и социально-экономического развития.

После провозглашения независимости Судана в 1956 г. орошаемые земли, принадлежавшие английской администрации и сдаваемые ею в аренду крестьянам, отошли к государству. Более половины их оно также сдавало в аренду. При этом сложилась система землевладения и землепользования, сочетающая отсутствие частной собственности на землю с сохранением кабальной аренды и субаренды, коллективных счетов и других методов изъятия у крестьян до 60% урожая, близких к феодальным.

Несмотря на препятствия, в Судане шел процесс капитализации арендаторских хозяйств. В результате в двух основных районах орошаемого земледелия - эль-Гезире и эль-Манакиле появился слой довольно крупных арендаторов, участки которых превышали 20 федданов каждый (1 федд. = 0,42 га). На них широко эксплуатировался наемный труд, применялась сельскохозяйственная техника. Крупные арендаторы использовали свои накопления как ростовщический капитал, вкладывали их в торговлю, в строительство. Наиболее активно капитализм в сельском хозяйстве развивался на богарных землях, где возникли механизированные фермы, специализировавшиеся на выращивании сорго. Государство всемерно

поощряло создание крупных капиталистических хозяйств в этом секторе земледелия. Современный сектор сельского хозяйства, представленный главным образом выращиванием экспортных культур (хлопок, гуммиарабик, арахис, кунжут, табак), где возникли крупные товарные хозяйства, применявшие искусственное орошение, современную технику, обслуживал в основном интересы стран Запада. Существовавший наряду с ним обширный традиционный сектор, где доминировал ручной, малопродуктивный труд, был не в состоянии обеспечивать коренное население продовольствием, а национальную промышленность сырьем. Возможности значительного расширения производства в зоне капиталистического хозяйствования (преимущественно в частно-капиталистическом сегменте) сдерживались также узостью рынка и невысокой покупательной способностью населения. В сельском хозяйстве по-прежнему преобладали мелкие крестьянские хозяйства. На их долю в 2004-2006 гг. приходилось 58% всех обрабатываемых земель, но их вклад в ВВП страны не превышал 6,3%. В то же время орошаемое земледелие велось на 9% обрабатываемой площади, а доля в ВВП составляла 11,3% [4].

Таблица №1

Урожайность основных продовольственных культур (т/га)²⁸

Годы	2005/06	2006/07	2007/08	2008/09	2009/10	2010/11
Сорго	0,71	0,76	0,58	0,63	0,41	0,63
Просо	0,31	0,34	0,31	0,27	0,23	0,26
Пшеница	2,40	2,36	1,95	2,46	1,79	1,83

Источник: [5]

Развитие производительных сил в сельском хозяйстве сдерживалось сохранением в суданской деревне пережитков докапиталистических (родоплеменных и феодальных) отношений, переходных форм землепользования. Уровень производства был довольно низким, что проявлялось в резких колебаниях объема продукции по годам и невысокой урожайности, что видно из таблицы №1.

Урожайность пшеницы в Судане в 2010/11 г. составляла 65,4 тыс. кг/га. В то же время в соседнем Египте урожайность пшеницы в этом же году – 65,4 тыс. кг/га, в Тунисе – 20,8 тыс., в Ливане – 35,7 тыс., в Марокко – 19,5 тыс. кг/га [2]. Сельское хозяйство Судана характеризуется низким уровнем агрикультуры и технологической оснащенности. Согласно опросу, проведенному в 193 хозяйствах в секторе механизированного и богарного земледелия в 2006 г., улучшенные семена применяли всего 3 хозяйства (что составляло 0,2 % общего числа опрошенных хозяйств), собственную сельскохозяйственную технику – 38 (20%), арендованную сельскохозяйственную технику – 63(33%), наемный труд использовали 73 хозяйства (38%), и 16 хозяйств (0,7%) вообще не применяли никаких технологий [6, с.41].

На один гектар пашни в Судане приходилось менее 1кг минеральных

²⁸ Данные приведены до разделения страны на два государства и отделения Юга

удобрений, и использовались они в крупных товарных хозяйствах в современном секторе. Между тем, на один гектар пашни в Африке ежегодно вносится 21 кг минеральных удобрений, в Латинской Америке - 73 кг, в Юго-Восточной Азии 135 кг, в развитых странах - 206 кг/га. В 2000 г. в Судане насчитывалось 11, 8 тыс. тракторов или 0,17 на 100 кв. км обрабатываемой площади. В 2008 г. их количество повысилось до 13, 83 ед. на 100 кв. км. Для сравнения в соседнем Египте, где обрабатывается 3% общей площади, и где 95,5% населения сосредоточено в Долине Нила и его Дельте, на 100 кв. км приходилось в 2010 г. 390 тракторов. Негативное влияние оказывало также отсутствие достаточного количества хранилищ и слабое развитие инфраструктуры.

Основной капитал в сельском хозяйстве (основные фонды) в 2007 г. оценивался ФАО в 48106 млн. долл. (имеется в виду совокупная стоимость средств, приходящихся на сельское хозяйство). Что касается структуры основных фондов, то как и в других наиболее отсталых странах Африки, на категорию «машины и оборудование» приходилось всего 1,3% основных фондов, на «мелиоративные работы» - 29,4%, «домашний скот» (продуктивный и рабочий) - 50,9% [3]. Фондовооруженность одного работника сельского хозяйства в 2007 г. примерно 6,7 тыс. долл. Этот показатель соответствовал уровню Северной Африки в целом – 6,8 тыс. долл. В то же время фондовооруженность одного работника сельского хозяйства в Северной Америке - 222,3 тыс. долл., в Австралии – 254 тыс. В расчете на одного работника сельского хозяйства приходился 1 гектар обрабатываемой площади, что соответствует среднему показателю по Африке (1,1 га/чел.), но ниже, чем в Северной Африке (2,3 га/чел.). Довольно низкий уровень обрабатываемой площади на одного работника сельского хозяйства при большом потенциале не используемых земель свидетельствует о низкой эффективности освоения земельной площади. Что касается расходов на исследовательские работы (инновации), то на эти цели, по оценке ФАО, выделялось всего 0,3% ВВП. Таким образом, по основным показателям – технической оснащенности, фондовооруженности, обрабатываемой площади на одного работника сельского хозяйства, расходов на инновации и др. Судан отставал не только от развитых, но и от других развивающихся стран. Несмотря на довольно значительные капиталовложения в сельское хозяйство после начала добычи нефти, эффективность их освоения находилась на низком уровне, о чем свидетельствует доля основного капитала, пришедшаяся на «машины и оборудование», - всего 1,3% , против 4,0% в Египте, 10,5% в Тунисе, 10,6% в ДРК, 11,1% в Ливии, 15,8% в Алжире. При этом капиталовложения направлялись преимущественно в крупные товарные хозяйства капиталистического типа в зоне орошаемого и богарного земледелия. Традиционный сектор по-прежнему пребывал в состоянии глубокой отсталости, здесь господствовали архаичные формы ведения хозяйства, что не способствовало повышению продуктивности сельскохозяйственного производства. Все эти обстоятельства привели к тому,

что страна оказалась не в состоянии обеспечивать себя достаточным количеством продовольствия.

После отделения Южного Судана в июле 2011 г. в результате референдума доходы от нефти упали с 11,1 млрд. долл. в 2010 г. до 1,8 млрд. в 2012 г. Сокращение доходов усилило дисбаланс в экономике, способствовало сокращению госрасходов, ухудшению положения широких народных масс, особенно живущих за чертой бедности (45,6% населения в 2009 г.). Президент аль-Башир, выступая в Хартуме 10 октября 2011 г., заявил: «в целях минимизации возникших проблем мы намерены сделать сельское хозяйство и производство продовольственных товаров базой нашего экономического развития» [7]. Были сформулированы главные стратегические цели в аграрной сфере, в числе которых:

- активное инвестирование в имеющиеся ресурсы;
- рост продуктивности хозяйств за счет внедрения новейших технологий;
- обеспечение ассортимента и качества экспортируемой продукции;
- повышения эффективности отрасли в интересах продовольственной безопасности;
- снабжение хозяйств водой, увеличение клина орошаемых земель; гармонизация окружающей среды за счет оптимизации пропорций между земледелием, животноводством и лесоводством.

Очевидно, что это – программа максимум, и реализовать ее в условиях недостатка финансовых средств собственными усилиями невозможно. Суданское руководство изыскивало возможности наладить сотрудничество с другими африканскими государствами в осуществлении проекта развития сельского хозяйства и отраслей пищевой промышленности в зоне Сахеля. В эту зону, помимо Судана, входят территории большой группы стран – Эфиопии, Эритреи, Джибути, Сомали, Чада, Нигера, Мали, Буркина-Фасо, ЦАР, Сенегала, Мавритании и Гамбии. В июле 2013 г. Республика Судан присоединилась к Всеобъемлющей программе развития сельского хозяйства Африки (CAADP), став 32-м ее участником. Она была разработана управляющим комитетом в сотрудничестве с ФАО в 2003г. Свои дополнения внесли также Всемирная продовольственная программа и Форум сельскохозяйственных исследований Всемирного банка. Общие цели программы заключались в следующем: преодолеть кризисную ситуацию в африканском сельском хозяйстве, добиться ускорения темпов роста сельскохозяйственного производства, ликвидировать бедность и голод, добиться увеличения экспорта и обеспечить продовольственную безопасность. Ключевым моментом программы было обязательство выделять на развитие аграрного производства не менее 10% бюджетных средств. Увеличить инвестиции намечалось по трем главным направлениям: расширение обрабатываемых площадей под надлежащим управлением и контролем над распределением водных ресурсов, улучшение сельской инфраструктуры и обеспечение доступа к рынку, развитие внутренней и

региональной торговли, увеличение производства продовольствия. Программа уделяла первостепенное внимание увеличению производства частным сектором, вопросам землепользования [1, p.11].

На 2014 г. уже 40 государств заключили договоры о присоединении к программе, но только 13 государств – участников программы выполнили обязательства инвестировать не менее 10% бюджетных средств на развитие сельского хозяйства. Например, в Гане и Руанде, которые первыми приступили к осуществлению программы, увеличение инвестиций привело к росту производительности фермерских хозяйств на 6% и ВВП на душу населения – в пределах 6-7% в год [8].

В Судане в течение почти 40 лет с небольшим десятилетним перерывом продолжалась гражданская война между Севером и Югом, а в последнее время не утихают конфликты в провинциях Дарфур, а также Южный Кордофан и Голубой Нил. После отделения Юга и потери большей части нефтяных доходов, в чрезвычайно тяжелых финансово-экономических условиях правительственным войскам приходится вести борьбу с вооруженными повстанческими формированиями Дарфура и двух указанных районов. Согласно данным Центрального банка Судана, государственный бюджет на 2016 г предусматривал дефицит в 1,6% ВВП. При этом планировались значительные расходы на военные цели. В этих условиях Республика Судан вряд ли сможет выполнить условия САADP по инвестированию 10% бюджетных расходов в развитие и модернизацию аграрного производства.

Сельское хозяйство остается традиционным по подбору культур, хотя ряд их имеет высокотоварные характеристики, и при должном уходе их выход мог бы быть увеличен существенно, уверенно поддерживая спрос на мировом рынке. Стимулом может стать и производство обычных урожаев для аравийских монархий, которые стремятся расширить свой продовольственный фонд за счет поставок зерна и дугой сельскохозяйственной продукции из соседней страны на условиях аренды, партнерства или концессий и способны резко поднять технологический и управленческий уровень в местном производстве. Без этого абсолютно невозможно поднять уровень конкурентоспособности суданского аграрного производства, которое практически только выживает, если не считать хлопка, гуммиарабика и арахиса. Между тем, даже относительно некрупные, но регулярные иностранные инвестиции в национальное сельское хозяйство способны дать огромный возвратный эффект и активизировать рынок рабочей силы, который перманентно находится в застойном состоянии.

Список литературы:

1. Comprehensive Africa Agriculture Development Programme. July 2003. (www.un.org/en/Africa/ocaadp.shtml)
2. FAO Statistical Year Book 2014. FAO. www.fao.org/docrep/019/13591e/13591c.pdf.
3. FAOSTAT//FAO Statistical division 2014. [Электронный ресурс].

URL.: <http://faostat3/fao.org>.

4. Farida Mahgoub. Curret Status of Agriculture and Future Challengts in Sudan. Current African Issues 57. Nordiska Afrikainstitutet, Upsalla, 2014. (57.nai-diva-portal. opg/smash/get/diva2^712485/FULLTEXT01.pdf)

5. Government of Sudan and FAO/FFD Crop and Food Security Assesment Mission to the Northern States of Sudan./ January 2011 Special Report, Aley Astaw, Hasem Almaahdy. [Электронный ресурс]. URL.: [hont ^ wfp.org/stellent/groups/public/documents/can/wfp231348hdftheconversation ghjuhvvf CAADP.978364](http://wfp.org/stellent/groups/public/documents/can/wfp231348hdftheconversationghjuhvvfCAADP.978364)

6. Prospects for modernization of agriculture in Sudan with emphasis to food security. Khalid Mohammed Mustafa Abu Raida. [Электронный ресурс]. URL.: [www.basicresearchjournals. Org/agric/pdf/ Raida. Pdf](http://www.basicresearchjournals.Org/agric/pdf/Raida.Pdf)

7. ТАСС. [Электронный ресурс]. URL.: www/prime-tass.ru 10.10.2011

8. The Conversation. [Электронный ресурс]. URL.: [theconversation ghjuhvvf CAADP. 978364](http://theconversationghjuhvvfCAADP.978364)

Соловьева З.А.
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕГРАДАЦИИ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ В
СТРАНАХ МАГРИБА

К.э.н., Младший научный сотрудник
Институт востоковедения РАН
Центр арабских и исламских исследований,
zsolov@yandex.ru

Важнейшую роль в развитии любого государства играет его природно-ресурсный потенциал. Основным негативным фактором, способным вызывать деградацию природной среды, становится избыточное антропогенное давление в результате сверхэксплуатации земельных и водных ресурсов, нерегулируемой урбанизации, ускоренной индустриализации. В арабском регионе это воздействие накладывается на изначальную хрупкость преобладающих экосистем.

Комплексным показателем, отражающим степень воздействия общества на окружающую среду, является экологический след (Ecological footprint). Выраженный в глобальных гектарах, экологический след показывает количество биологически продуктивных земель и вод, которое требуется жителю данной страны для производства всех потребляемых им ресурсов и поглощения выбрасываемых им загрязнений при условии использования наиболее совершенных технологий. Особенно показательное сравнение экологического следа отдельной нации с биоемкостью (Biocapacity), отражающей емкость (площадь и качество) экосистем, производящих необходимую для человека биопroduкцию и способных поглощать загрязняющие вещества, которые выбрасываются в окружающую среду. Таким образом, несколько упрощая, можно сказать, что экологический след отражает спрос на природные ресурсы со стороны жителей данного государства, а биоемкость – располагаемый запас этих ресурсов.

В целом по арабскому региону за 1961 – 2008гг. наблюдалось увеличение экологического следа на 78% с 1,2 до 2,1 гга/чел. Одновременно биоемкость снизилась на 60% с 2,2 до 0,9 гга/чел. Подобные изменения связаны в первую очередь с ростом численности населения и изменением стандартов потребления (ростом количества потребляемых товаров и услуг), а также снижением продуктивных возможностей экосистем.

Из стран Магриба в наиболее критическом положении по соотношению спроса на природные ресурсы и их наличия оказались Алжир и Ливия. В этих государствах в 2008г. экологический след превышал биоемкость примерно на 150%; в Тунисе и Марокко превышение было меньше – в пределах 100 – 150%, и лишь в Мавритании биоемкость оказалась больше экологического следа [3, с.16].

Рост потребления растущим населением товаров и услуг – естественный процесс, неизбежно сопутствующий экономическому росту и повышению

качества жизни. Величина экологического следа в странах Магриба не является избыточно высокой - население этих стран пока еще существует на довольно жестком «потребительском пайке». А вот наблюдающееся снижение биоемкости является крайне тревожным явлением.

Наиболее дефицитными видами природных ресурсов, испытывающими критическую антропогенную нагрузку в странах Магриба, являются земельные и водные ресурсы.

Существующий на подавляющей части территории стран Магриба дефицит осадков, нерегулярный режим увлажнения способствуют развитию опустынивания. Это означает снижение и потерю продуктивности почв, выражающиеся в сокращении содержания органических веществ, засолении и защелачивании, нарушении почвенной структуры. Опустынивание является преимущественно результатом водной и ветровой эрозии, химического загрязнения и физического воздействия на почвенный покров. Причем, если в доиндустриальную эпоху первостепенную роль в развитии процесса опустынивания играли климатические факторы, то в настоящее время на первое место выдвигаются причины антропогенного характера.

При небольшой плотности сельского населения и слабом развитии товарного аграрного сектора сохранялось определенное равновесие между деятельностью человека и состоянием природной среды. Традиционные агроприемы, выработавшиеся многими поколениями крестьян, были более экологичны и не оказывали столь мощного давления на окружающую среду, как современные методы ведения сельского хозяйства.

Количественные оценки степени опустынивания (деградации) земель основываются на учете утери части потенциального дохода от продукции, которую они способны произвести. Их значение изменяется в диапазоне от 10% (легкая степень опустынивания) до более 50% (крайняя степень).

В странах Магриба издавна существуют три типа использования сельскохозяйственных земель: орошаемое земледелие, богарное земледелие и пастбищное животноводство. В арабском регионе в целом деградации от средней до крайней степени подвержено 34% орошаемых земель. В Тунисе опустынивание затронуло 33% площади ирригационных периметров, в Ливии – 24%, в Алжире – 15%, в Мавритании – 12%, в Марокко – 10% [2, с.102]. При том, что эта доля, особенно в Тунисе и Ливии, достаточно велика, она, однако, не достигает средней для региона величины.

При богарном земледелии для сохранения плодородного слоя почвы требуется особенно осторожный подход, т.к. машинные способы обработки, недостаточное использование паров и других специальных агротехнических приемов усиливают угрозу водной и ветровой эрозии. По оценкам, процессом опустынивания средней степени и выше затронуто до 93% богарных площадей в Алжире, 69% в Марокко и Тунисе, 35% в Ливии, 16% в Мавритании [2, с.104].

Пастбищные угодья, расположенные в субаридных и аридных районах Магриба, наиболее подвержены опустыниванию. Если в среднем по арабскому

региону опустыниванием затронуто до 80% пастбищных угодий, то в Алжире и Марокко этот показатель составляет 90%, в Тунисе 85%, в Ливии 80%, в Мавритании 70% [2, с.105].

Таким образом, опустынивание (деградация) земель, используемых в сельскохозяйственном производстве, достигает в странах Магриба угрожающих размеров, в некоторых случаях превышая средние для арабского региона показатели.

По подсчетам экспертов, в среднем по региону Ближнего Востока и Северной Африки ежегодные потери от различных видов деградации окружающей среды составляли 5,7% совокупного ВВП, в том числе в Алжире - 4,8% (в том числе здесь и далее от опустынивания 1,2%), в Марокко 4,6% (0,4%), в Тунисе 2,7% (0,5%) [5, с.132]. Очевидно, что опустынивание земель существенно сокращает производство ВВП в странах Магриба, тем самым негативно влияя на потенциал их экономического развития.

На грани критической находится в странах Магриба ситуация с обеспеченностью водными ресурсами. Арабский регион в целом располагает в среднем 840 кубометрами пресной воды на душу населения. Для стран Магриба данный показатель еще ниже – в 2010г. на душу населения здесь приходилось 653 кубометра воды, в том числе в Ливии - 94, в Алжире – 329, в Тунисе – 438, в Марокко – 908 кубометров воды [2, с.44]. Уровень обеспеченности водными ресурсами до 500 куб. м на человека в год характеризуется специалистами как водный стресс.

Общую антропогенную нагрузку на ресурсы пресной воды характеризует такой показатель, как удельный вес забора воды от общего объема возобновляемых водных ресурсов. Максимального значения данный показатель достигает в Ливии – 615% в 2000г. Превышение в шесть раз 100-процентного уровня свидетельствует о том, что в Ливии ведется активное использование не возобновляемых водных ресурсов (подземных вод) и нетрадиционных источников воды (в результате опреснения, очистки и вторичного использования). Наименьшая доля от общего объема воды изымается для хозяйственных нужд в Мавритании (менее 12% в 2005г.). В Тунисе удельный вес забора пресной воды в 2011г. составил почти 70%, в Алжире – 67%, в Марокко - 35,7%. [1], причем в Тунисе и Алжире это показатель заметно увеличился за последнее десятилетие.

Дефицит водных ресурсов усугубляется неравномерностью их распределения по территории Магриба, а также усиливающейся нерегулярностью выпадения осадков по сезонам и от года к году. Последнее специалисты объясняют общим изменением климатических условий. Так, за 1970 - 2004гг. в Северной Африке наблюдалось повышение средних температур в приземном воздушном слое на 1-2 градуса.

Основным потребителем воды в странах Магриба является сельское хозяйство. Его доля в водопотреблении колеблется от 60% в Алжире до 95% в Марокко [4, с.3].

Значение сельского хозяйства для экономик стран Магриба трудно

переоценить. Его удельный вес в производстве ВВП сравнительно невелик – от 8,7% в Тунисе до 19,3% в Мавритании. Однако в сельской местности проживает значительная часть населения, чьи доходы и род занятий так или иначе связаны с аграрной сферой.

Первостепенное значение в производстве сельскохозяйственной продукции имеет орошаемое земледелие. В Марокко оно развивается на 16,7% обрабатываемых земель, обеспечивая при этом до 45% сельскохозяйственного ВВП и до 75% экспорта сельхозпродукции. В Алжире, где ирригационными системами оборудовано 14% обрабатываемых земель, доля продукции орошаемого земледелия в аграрном ВВП достигает 50%. В Тунисе орошается 9% обрабатываемого земельного фонда, что обеспечивает до 35% сельскохозяйственного ВВП и 25% экспорта сельхозтоваров. [1]. Однако эффективность ирригации в странах Магриба явно недостаточна (56,5%), хотя и превышает средний показатель для всего арабского региона (51%). Это связано с тем, что используются преимущественно традиционные системы орошения.

Наблюдающийся процесс деградации природных ресурсов – земельных и водных – является серьезным препятствием на пути развития сельского хозяйства и всей экономики стран Магриба. Решение проблемы нарастающего дефицита и ухудшения качества земли и воды требует значительных капиталовложений и трудозатрат в сфере модернизации и технического оснащения аграрной сферы, оптимизации приемов ведения сельского хозяйства.

Список литературы:

1. Aquastat. Countries Reports. www.fao.org/nr/water/aquastat/countries_regions/
2. Arab Environment: Future Challenges. 2008 Report of AFED. www.afedonline.org.
3. Arab Environment 5: Survival Options. 2012 Report of AFED. www.afedonline.org.
4. Arab Environment: Water. 2010 Report of AFED. www.afedonline.org
5. Hussein M.A. , Costs of Environment Degradation. An Analysis in the MENA Region. – Dec.2006. <http://earthmind.org/>.

Стрельцов Д.В.
**ГЛОБАЛЬНЫЕ ПОЗИЦИИ ЯПОНИИ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ:
ДОЛГОСРОЧНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ**

Д.и.н., Ведущий научный сотрудник,
Институт востоковедения РАН
Центр японских исследований
d.streltsov@inno.mgimo.ru

В 2010-е гг. наблюдается качественный сдвиг в глобальном позиционировании японской экономики. Он проявляется, с одной стороны, в постепенном снижении доли ВВП страны в мировой экономике с другой – в качественном изменении модели экономического развития.

С начала текущего десятилетия в большинство количественных показателей, характеризующих глобальные экономические позиции Японии, показывали отрицательную динамику. Финансово-экономический кризис 2008-2010 гг. привел Японию к более глубокому, чем в других странах, экономическому спаду, к тому же восстановление экономики после кризиса шло существенно медленнее, чем в других странах. С 2012 г. рост ВВП стал отрицательным: в 2012 г. - 5,297.3 трлн. долл., 2013 г. – 4,919.6 трлн. долл., 2014 г. – 4,602.4 трлн. долл., в 2015 г. – 4,121.2 трлн. долл. [4].

В результате доля страны в мировом ВВП в номинальном исчислении, составлявшая в 1992 г. 15,2%, упала в 2014 г. до 5,97% [9] . – это третий показатель после США и Китая. Еще в 2010 г. Япония уступила Китаю позицию второй по объему ВВП экономической державы мира, которую она неизменно занимала с 1969 г., что переместило ее в таблицы о рангах на второе место в Азии и третье в мире. При этом тенденция к снижению доли Японии в мировой экономике носит долгосрочный характер. По долгосрочным прогнозам ОЭСР, к 2060 г. доля Японии в мировом ВВП снизится с два раза, составив 3,2% [7].

Еще более заметной была утрата позиций Японии в мировом ВВП, рассчитанному по Индексу покупательной способности (PPP). По этому показателю еще в конце 1990-х гг. Японию обогнал Китай, а в 2000-е годы - Индия, что переместило страну на четвертую строчку рейтинга. В 2015 г. доля страны в глобальном ВВП по PPP составила 4,255% , тогда как Китая – 17,082%, США – 15,809% [2]. Что касается размера ВВП по PPP на душу населения, то место Японии в рейтингах середины 2010-х гг. находилось в середине третьего десятка стран (29 место в мире с показателем 37389 долл. в 2014 г.) [6].

Заметно снизилась за два с половиной десятилетия и международная конкурентоспособность японской экономики: если до начала 1990-х гг. Япония занимала по этому показателю уверенное первое место, то к началу 2010-х гг. она опустилась до десятого.

Однако в 2010-е гг. Япония частично восстановила свои былые позиции

в рейтингах конкурентоспособности. Согласно докладу Международного экономического форума (WEF) за 2016/2017 г. [1], по своей международной конкурентоспособности экономика Японии занимала в 2015 г. восьмое место в мире и второе после Сингапура место в Азии. При этом за год Япония переместилась вниз с шестого места, будучи обойденной Швецией и Великобританией. Из прочих азиатских экономик в рейтинге 2015 г. ближайшие к Японии позиции имели: Гонконг – 9-е место, Тайвань – 14-е, Малайзия – 25-е, Республика Корея – 26-е, Китай – 28-е, Таиланд – 34-е, Индия – 39-е, Индонезия – 41-е.

Япония продолжает занимать первые строчки рейтингов по отдельным критериям международной конкурентоспособности. К числу сильных характеристик экономики Японии, по которым страна входит в первую пятерку стран мира, доклад Международного экономического форума за 2016/2017 г относит уровень развития инфраструктуры, сложность и высокую диверсифицированность бизнеса, выпуск уникальной продукции и использование уникальных производственных процессов, контроль в отношении международных товарных потоков. Японскую экономику отличает также наличие высококлассных научно-исследовательских учреждений и высокий уровень расходов на НИОКР, наличие квалифицированных инженерно-технических кадров, что позволяет высоко оценить уровень инновационной среды.

Вместе с тем инновационный потенциал (innovation prowess) страны постепенно снижается: если с 2007 по 2015 годы Япония неизменно входила в первую пятерку стран мира, то в 2016 г. она перешла на восьмое место. В ряде отраслей экономики, включая отрасли со средней и высокой степенью сложности технологических и производственных процессов, Япония утратила былые позиции в мировых рейтингах. Эксперты ОЭСР отмечают, в частности, отсталость и архаичность системы производственного обучения персонала, негибкость системы найма, крайне низкую долю женщин в общей структуре найма и т.д. [1].

Глобальное сокращение удельного веса экономики Японии сопровождается утратой ею позиций на мировых рынках. Уместно вспомнить, что начиная с 1960-х гг., Япония строила свое благосостояние именно как мировая экспортная держава, выигрывающая от свободы торговли в мире. Однако в 2010-е гг. продолжалась наметившаяся ранее тенденция снижения доли Японии в мировой торговле товарами и услугами.

Еще в 2004 г. Япония уступила Китаю место ведущей экспортной державы мира. Доля Японии в мировом экспорте товаров снизилась с 9,8% в 1993 г. до 2,5% в 2015 г. [12]. В 2015 г. Япония занимала по этому показателю четвертое место в мире (4%) после КНР (14%), США (9%) и Германии (8%) [8].

Особенно обращает на себя внимание то, что с 2011 г. внешнеторговый баланс Японии стал дефицитным. В 2010 - 2014 гг. Япония сокращала свой экспорт в среднем на 3% в год и увеличивала импорт в среднем на 4% в год [3,

р.40]. Основную роль здесь играло ослабление курса японской иены по отношению к доллару, приводящее к удорожанию импорта. Особенно влияние этого фактора заметно на примере импорта энергоносителей. В результате природно-техногенной катастрофы 11 марта 2011 г. и последующего закрытия атомных электростанций Япония увеличила ввоз углеводородного топлива, стоимость которого в пересчете на иены существенно выросла. В результате существенно возросло отрицательное сальдо торгового баланса, составив 118,07 млрд. долл. США в 2013 г. и 121,97 млрд. долл. США в 2014 г. [5].

Устойчивую тенденцию к снижению демонстрирует и показатель удельного веса Японии в мировом импорте товаров. Если в 1983 году он составлял 6,7%, в 1993 году – 6,4%, то в 2003 году – уже 5,0%, в 2014 году – 4,4 % [3, р.43]. В 2015 году по данному критерию Япония заняла четвертое место в мире после США (14%), КНР (10%) и Германии (6%) [8, р.44].

Что касается мировой торговли услугами, в 2014 году доля Японии в глобальном экспорте услуг составила 3,2%, что является седьмым показателем в мире после США, Великобритании, Германии, Франции, КНР и Нидерландов [8, р.46]. Обращает на себя внимание тот факт, что доля Японии в мировой торговле услугами в последнее время растет, хотя и незначительно.

Сокращение товарной составляющей экспорта во внешнеторговом балансе Японии связано с формированием новой модели разделения труда между Японией и странами Восточной Азии, в рамках которой стадии производственного процесса оказываются разбросанными по разным странам региона. Между ними складываются транснациональные логистические цепочки в рамках транснациональных компаний, контролируемых японским капиталом. Иными словами, в международной торговле региона растет доля внутрифирменных торговых операций, а ее предметом все больше становятся не готовые товары и услуги, а добавленная стоимость.

Переместив еще в прошлом веке значительную часть своих производств за рубеж (в Китай, Тайвань, страны АСЕАН), где имеются для этого наилучшие условия, включая дешевую и квалифицированную рабочую силу и хорошую производственную инфраструктуру, Япония оставила у себя выработку технологических решений, а также производство значительной части компонентной базы. Производство, включая то, что сопряжено с созданием высокой доли добавленной стоимости, было сознательно переведено за пределы страны. Например, если в 2003 году число японских автомобилей, собранных за рубежом, составляло 8,6 млн. шт., но за 10 лет данный показатель удвоился и к 2013 году достиг уже 16,8 млн. шт. [12]. Стратегия локализации производства, т.е. приближения его к потенциальным рынкам сбыта, отражает не только стремление японского бизнеса максимально использовать преимущества стран, ставших объектом японских инвестиций, но и его озабоченность возможными негативными последствиями, связанными с колебаниями валютного курса иены.

Именно из стран-партнеров по региональной интеграции Япония импортирует готовую продукцию, включая как потребительские товары, так и

промышленное оборудование. По опубликованным данным, в 1998-2013 гг. вклад промежуточной продукции в рост экспорта составлял для Японии около 75%, тогда как для Китая он равнялся примерно 40%, стран Восточной Азии помимо – 60% [11].

Тенденцией последних нескольких лет стало приоритетное развитие экспорта из Японии в страны Восточной Азии целых инфраструктурных проектов. Речь идет о продвижении за рубеж т.н. «интегрированных систем», под которым понимается реализация в странах-партнерах комплексных проектов в области производственной и социальной инфраструктуры: экспорт промышленных технологий, готовых энергетических проектов, проектов в сфере экобизнеса и т.д. Подобный подход предполагает не просто поставки оборудования и проведение соответствующих строительных работ, но и разработку дизайна, проектирование, предоставление технологий и ноу-хау, инжиниринговые и образовательные услуги в одном пакете [14, с.183]. Для сохранения позиций на внешних рынках принятой в 2013 г. правительством Японии Стратегией глобального превосходства (Strategy of Global Outreach) делается особый упор на тех сферах экспорта готовых систем, где Япония имеет несомненное превосходство - электроэнергетика, дороги, водоснабжение, информационные технологии, организация здравоохранения и т.д.[14, с.182].

Список литературы:

1. Competitiveness Rankings [Электронный ресурс] URL: <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-index/competitiveness-rankings/> (26.03.2017)
2. GDP Share of World Total (PPP) Data for All Countries [Электронный ресурс]. URL: http://www.economywatch.com/economic-statistics/economic-indicators/GDP_Share_of_World_Total_PPP (26.03.2017)
http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&cat=mc&mc=155&type=news&top_menu=photo&sb=90&newsid=3576 (26.03.2017)
https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2016_e/WTO_Chapter_05_e.pdf, P.44. (26.03.2017)
3. International Trade Statistics 2015. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/its2015_e/its2015_e.pdf P.40. (26.03.2017)
4. Japan: Gross domestic product (GDP) in current prices from 2010 to 2020 (in billion U.S. dollars) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.statista.com/statistics/263578/gross-domestic-product-gdp-of-japan> (26.03.2017)
5. Japan: Trade balance from 2005 to 2015 (in billion U.S. dollars) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.statista.com/statistics/263625/trade-balance-of-japan> (26.03.2017)
6. List of Countries by GDP Sector Composition [Электронный ресурс]. URL: <http://statisticstimes.com/economy/countries-by-gdp-sector->

composition.php (26.03.2017)

7. OECD forecasts Japan's share of global GDP will halve by 2060 [Электронный ресурс]. URL:

<http://www.japantimes.co.jp/news/2012/11/11/national/oecd-forecasts-japans-share-of-global-gdp-will-halve-by-2060/#.VxOySTCLSUn> (26.03.2017)

8. Trading patterns: Global and regional perspectives. [Электронный ресурс]. URL:

https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2016_e/WTO_Chapter_05_e.pdf. P.44. . (26.03.2017)

9. World GDP (nominal) Ranking) [Электронный ресурс].

URL:<http://statisticstimes.com/economy/world-gdp-ranking.php> (26.03.2017)

10. World Trade Statistical Review 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2016_e/WTO_Chapter_05_e.pdf. (26.03.2017)

11. Место Японии в мировой экономике [Электронный ресурс]. URL:

<http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&newsid=2380&type=news> (. (26.03.2017)

12. Перспективы развития экономики Японии в 2017 году. [Электронный ресурс]. URL:

http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&cat=mc&mc=155&type=news&top_menu=photo&sb=90&newsid=3576

13. Тимонина И.Л. Япония на мировом рынке: от промышленного экспорта к экспорту систем// Япония в поисках новой глобальной роли / Под ред. Д.В.Стрельцова. М., 2014. С. 183.

14. Япония. Обзор экономики [Электронный ресурс]. URL:

http://www.ved.gov.ru/exportcountries/jp/about_jp/economy_jp (. (26.03.2017)

Судьин А.В.
ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО
ТРАНСПОРТНОГО КОРИДОРА «СЕВЕР–ЮГ»

К.э.н., Старший научный сотрудник
Институт востоковедения РАН
Центр изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья
avsudyin@yandex.ru

Трехстороннее российско-иранско-индийское соглашение о создании Международного транспортного коридора «Север – Юг» протяженностью более 7 тыс. км – от Санкт-Петербурга до индийского порта Мумбаи – было заключено в 2000 году. А в 2002 году министрами транспорта стран-участниц соглашения был подписан протокол об официальном открытии МТК «Север – Юг». Однако отсутствие железнодорожного пути между тремя государствами и, прежде всего, между Россией и Ираном существенно затруднило транзит товаров – ввиду необходимости их перегрузки в морских портах.

В августе 2016 года в Баку состоялась встреча президентов России, Азербайджана и Ирана – Путина, Алиева и Рухани, на которой было принято решение уже в ближайшее время открыть прямое железнодорожное сообщение между Россией и Ираном через Азербайджан.

Сама идея такого маршрута отнюдь не новая. В 1908 году была построена линия от Тифлиса (Тбилиси) до города Джульфы на иранской границе [5]. А еще ранее (в 1883 и в 1900 гг.) были открыты линии от Тифлиса до Баку и от Баку до Порты-Петровска (ныне Махачкала). Последняя из них связала железные дороги Закавказья и европейской части России. В 1915 году российскими дорожниками была построена линия вглубь Ирана от Джульфы до Тебриза. В 1941 году была введена в эксплуатацию прямая (более короткая) линия от Джульфы до Баку. А в 1949 году, в результате соединения железных дорог Абхазии и Краснодарского края, появился западный маршрут из европейской России до Джульфы – через Сочи, Сухуми и Тбилиси.

К сожалению, в постсоветский период, в результате военных конфликтов в Абхазии и Нагорном Карабахе, железнодорожное сообщение между Россией и Ираном через Джульфу стало невозможным. Поэтому было решено строить новую дорогу – через прикаспийский город Астара, расположенный на азербайджано-иранской границе. Азербайджанский участок пути уже практически построен, а в 2018 году намечено ввести в эксплуатацию иранский участок (Решт – Астара).

Следует отметить, что железнодорожная система Ирана в последние годы развивалась быстрыми темпами. В 1995 году общая протяженность железных дорог страны составляла 4,5 тыс. км. В 2010 году она превысила 10 тыс. км, а к 2015 году достигла 25 тыс. км. Таким образом, за двадцать лет она увеличилась в пять с половиной раз. В числе важнейших новых магистралей можно назвать дорогу до порта Бендер-Аббас, дорогу от Мешхеда до

туркменской границы и дорогу Керман – Захедан. Последняя из них позволила связать железнодорожную сеть Ирана с сетью дорог Пакистана и Индии.

После завершения строительства дороги Решт – Астара станет возможным транзит грузов из России через Азербайджан до иранского порта Бендер-Аббас и далее морем до Мумбаи. А в перспективе возможно и прямое железнодорожное сообщение с Индией через Иран и Пакистан.

Но, кроме вышеуказанного железнодорожного маршрута, а также водного пути по Волге и Каспию, существуют и иные варианты МТК «Север-Юг», в том числе проходящие через страны Центральной Азии. Проекты железной дороги из европейской России на юго-восток через Туркестан в сторону Британской Индии появились еще в XIX веке. Среди них можно выделить проект инженера Станислава Барановского, опубликованный в журнале «Нива» в 1874 году [1]. Он предусматривал постройку магистрали от Саратова на Волге до города Атток на Инде (в нынешнем Пакистане). Маршрут железной дороги должен был начинаться от моста через Волгу в районе Саратова и идти через реки Урал и Эмба, по плато Устюрт до южного берега Аральского моря и потом вдоль Амударьи до границы с Афганистаном. Далее маршрут проходил по восточной части этой страны до нынешней афгано-пакистанской границы, а затем через город Пешавар до берега реки Инд.

Не менее амбициозным был проект железной дороги из России в Индию, предложенный бывшим руководителем строительства Суэцкого канала Фердинандом де Лессепсом [3]. Он направил российскому правительству предложение построить дорогу от Оренбурга через Самарканд до Пешавара и соединить ее с железнодорожными путями Британской Индии. В январе 1875 года в Санкт-Петербурге состоялось специальное совещание Комитета железных дорог, на котором было рассмотрено данное предложение. В итоге оно было отклонено – вместо него было рекомендовано строить железную дорогу из европейской России до Ташкента.

Первоначально ее предполагалось проложить из Оренбурга. Но затем, по военно-стратегическим соображениям, было решено построить Закаспийскую железнодорожную линию – от Михайловского залива Каспийского моря (район нынешнего порта Туркменбаши) вглубь Средней Азии [2].

В 1888 году эта дорога дошла до Самарканда, а в 1898 году – до Ташкента. Причем от станции Мерв (Мары), расположенной на территории Туркменистана, была проложена ветка до Кушки на афганской границе. В 1916 году была построена железная дорога до Термеза – второго пункта на границе с Афганистаном.

Однако первый железнодорожный пограничный переход появился лишь в 1982 году, когда был проложен небольшой участок пути от Кушки до афганского города Тургунди. Второй железнодорожный переход на туркменско-афганской границе открылся в 2016 году – в районе городка Акина, расположенного на северо-западе Афганистана.

В 1985 году был построен автомобильно-железнодорожный «Мост Дружбы» от узбекского Термеза до Хайратона на афганском берегу Амударьи. И лишь в 2010 году от этого моста была сооружена 75-километровая ветка вглубь Афганистана – до города Мазари-Шариф. Если не считать приграничных участков пути у городов Тургунди и Акина, то на афганской территории, кроме ветки от Хайратона, построена еще лишь одна железная дорога – от иранской границы до Герата. Причем у этих двух линий разные колеи – «русская» (1520 мм) и «европейская» (1435 мм). Существуют проекты строительства еще одной или двух веток из Пакистана с «индийской» колеей (1676 мм). Афганистан, таким образом, может стать страной с тремя разными стандартами железнодорожной колеи. Но это не единственная проблема, которую придется решать при строительстве трансафганских железных дорог. Еще более серьезными препятствиями являются сложный, горный рельеф местности и нестабильная политическая ситуация в стране. Поэтому сейчас пока рано говорить о реальных проектах магистрали из стран Центральной Азии в Пакистан и Индию, проходящей через Афганистан.

Что касается дороги от Волги до южного Приаралья и далее вдоль Амударьи (как предлагал Барановский), то она была проложена в советское время, правда, не от Саратова, а от Астрахани. Эта дорога строилась в несколько этапов. А точнее, отдельные отрезки этого маршрута были частью других, построенных в разное время, дорог. Сквозное железнодорожное сообщение от Астрахани до Чарджуу (ныне Туркменабад), с выходом на основные среднеазиатские магистрали, открылось лишь в 1972 году.

В 1996 году Туркменистан и Иран построили железную дорогу Теджен – Серахс – Мешхед, позволившую связать сеть железных дорог Центральной Азии с морскими портами Ирана [4]. В 2006 году была построена дорога Ашхабад – Дашогуз (Ташауз), значительно сократившая путь от иранской границы до магистрали, идущей из Астрахани в Центральную Азию. А в 2014 году было завершено строительство Казахско-Туркменско-Иранской железной дороги, проходящей параллельно восточному берегу Каспия от полуострова Мангышлак до иранского города Горган.

Таким образом, в настоящее время существуют три варианта железнодорожных путей из европейской России в Иран: а) через Оренбург, Ташкент, Туркменабад и Серахс; б) через Астрахань, Дашогуз, Ашхабад и Серахс; в) через Астрахань вдоль восточного побережья Каспия.

Как уже отмечалось выше, в скором времени должен открыться маршрут Россия – Азербайджан – Иран, проходящий вдоль западного берега Каспия. И, наконец, существует водный путь по Волге и Каспийскому морю. Все эти пять вариантов Международного транспортного коридора «Север-Юг» позволяют осуществлять прямую транспортировку грузов из Европы через Россию в Иран и далее – в сторону Пакистана и Индии (как и в обратном направлении).

Но насколько востребованными будут все эти пути? Из перечисленных выше железнодорожных маршрутов в настоящее время реально задействованы лишь маршруты, проходящие через Серахс, по которым

центрально-азиатские государства получили выход к морским портам Ирана. Остальные варианты используются в очень незначительных масштабах.

О сколько-нибудь серьезном транзите товаров из Европы в Западную и Южную Азию по МТК «Север-Юг» пока говорить преждевременно. Основная доля товаров между этими регионами перевозится морским транспортом через Суэцкий канал. Несмотря на свою «тихоходность», морской транспорт весьма надежен и экономичен. И чтобы изменить ситуацию необходимо будет приложить немало сил для того, чтобы сделать новые транспортные маршруты более надежными, выгодными и, соответственно, более привлекательными.

Россия крайне заинтересована в реальном функционировании МТК «Север – Юг», поскольку все его варианты проходят по территории нашей страны. И есть объективные предпосылки для успешного развития этого транспортного коридора, несмотря на всю сложность данной задачи.

Список литературы

1. Барановский С. Индо-Волжская железная дорога // Нива. – СПб., 1874. №34. С.536 – 539.
2. Глущенко Е. Россия в Средней Азии: завоевания и преобразования. Железные дороги. [Электронный ресурс]. URL: <http://statehistory.ru/books/rossiya-v-sredney-azii--zavoevaniya-i-preobrazovaniya/16/> (10.02.2017).
3. Мамадалиев И. А. Зарождение проектов строительства железной дороги в Средней Азии // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. – Худжанд, 2013. Выпуск № 2 (35). С.129 – 136.
4. Министерство железнодорожного транспорта Туркменистана / Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.railway.gov.tm/history.html/> (15.02.2017).
5. Сагратян А.Т. История железных дорог Закавказья: 1856 – 1921. – Ереван: «Айастан», 1970.

Тимонина И.Л.
ИНДУСТРИЯ 4.0 В ЯПОНИИ: НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Д.э.н., Профессор, Институт стран Азии и Африки МГУ,
МГИМО (У) МИД РФ,
Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ.
timonina2000@yahoo.com.

Япония, как и другие развитые страны, находится на пути к формированию нового технологического уклада, именуемого Индустрией 4.0, или Четвертой промышленной революцией (4ПР).

Последствия 4ПР для всех стран, в том числе и для Японии, по-видимому, будут иметь фундаментальный, структурный характер. Технологические прорывы, составляющие суть 4 ПР – Интернет вещей, Большие данные, Искусственный интеллект и их интеграция – открывают огромные возможности для повышения производительности труда, эффективного использования ресурсов и сохранения окружающей среды, удешевления связи, логистики и дистрибьюции, высвобождения человеческих ресурсов, удовлетворения индивидуальных потребностей людей. В то же время Индустрия 4.0 по мере своего развития может привести к кардинальным, и не всегда безболезненным изменениям современной социально-экономической структуры (ее систем, подсистем и механизмов), трансформировать конфигурацию цепей создания стоимости и сетей аутсорсинга, отраслевую структуру производства и облик отдельных отраслей, структуру занятости, потребует от национальных правительств институциональных реформ.

Основными направлениями реализации потенциала 4ПР в Японии, по заявлению министра экономики, торговли и промышленности Х. Сэко, и в соответствии с разрабатываемой в настоящее время «дорожной картой», станут мобильность людей и товаров, финансов и производства, осуществление регуляторных и институциональных реформ, новая система интеллектуальной собственности, создание в Японии глобальных исследовательских баз для работ в области искусственного интеллекта [7].

Признавая определенное отставание от Германии и США в деле продвижения к 4ПР (в частности, в использовании новых информационных технологий), Япония предпринимает практические шаги для консолидации общенациональных усилий в данном направлении. В настоящее время идет активное формирование системы государственных и государственно-частных организаций, в функции которых входит исследовательская работа, стратегическое планирование и координация действий государственных органов и компаний в инновационной сфере.

Для изучения межотраслевых и системных проблем четвертой промышленной революции Министерством экономики, торговли и

промышленности Японии (МЭТП) в 2016 г. была создана исследовательская группа, в круг интересов которой входят вопросы изменения бизнес-моделей, конкуренции, защиты прав интеллектуальной собственности [6]. Несколько групп было создано для исследования вопросов применения технологий 4ПР в различных сферах бизнеса – дистрибьюции и логистики, индустрии кредитных карт, финансов. Состав всех групп формировался по принципу привлечения всех заинтересованных и компетентных сторон – ученых, представителей правительства и бизнес-сообщества.

Примером взаимодействия бизнеса и государства в исследуемой нами сфере может служить деятельность Консорциума по продвижению Интернета вещей (IoT) с участием компаний и министерств²⁹, среди основных целей которого устранение барьеров для использования технологий 4 ПР в государственном, промышленном и академическом секторах, выработка рекомендаций для проведения правительством реформ, касающихся регулирования сфер использования технологий 4ПР. Одно из подразделений ITAC – Лаборатория ускорения IoT на конкурсной основе оказывает финансовую и нормативно-правовую помощь долго-, средне- и краткосрочным проектам в сфере IoT.

Будущее индустриального сектора страны в Японии связывают с формированием нового бизнес-цикла, включающего: получение информации из «реального мира», ее оцифровка и обработка интеллектуальными системами; производство продукта, в том числе с использованием Интернета вещей; поставка продукции в «реальный мир», т.е. потребителю [5].

Некоторые технологии 4ПР уже внедряются компаниями. Например, это автоматический контроль работы оборудования с выявлением неэффективных точек процесса на основе анализа данных со всех устройств – («промышленный интернет» в компании Omron); цифровая производственная система, которая предлагает изготовление одежды по заказу индивидуального потребителя (SEIREN CO., LTD); прогнозирование неисправностей кондиционеров с помощью диагностического алгоритма обработки различных типов данных в режиме реального времени (компания Daikin).

В целом, наиболее перспективными рынками услуг и инфраструктуры, связанной с использованием технологий 4 ПР, по оценке экспертов Японской организации содействия внешней торговле (ДЖЕТРО), становятся: услуги по обработке больших данных; облачные вычисления; разработка технологий с использованием искусственного интеллекта; FinTech³⁰; рынок Интернета вещей и M2M; шеринг-экономика [4].

Направлением инновационного и технологического развития в русле 4ПР, где Япония является признанным лидером, является робототехника. В

²⁹ ITAC, создан в 2015 г. В 2016 г. в его составе насчитывалось 2400 компаний-членов. Со стороны правительства в создании участвовали МЭТП и Министерства внутренних дел и коммуникаций.

³⁰ FinTech (финтех) в самом общем виде - это технологические проекты в области финансовых сервисов. По определению экспертов консалтинговой компании PWC, FinTech – это динамично развивающийся сегмент на пересечении секторов финансовых услуг и технологий, в котором технологические стартапы и новые участники рынка применяют инновационные подходы к продуктам и услугам, в настоящее время предоставляемым традиционным сектором финансовых услуг. – Источник: [1]. Подробнее см. [2]

настоящее время японские производители занимают около 70% глобального рынка, и, по прогнозам, к 2020 г. стоимостной объем производства отрасли вырастет более чем в 4 раза, а к 2035 г. – в 14 раз по сравнению с 2010 г. По мнению японских правительственных экспертов, Япония, которая уже стала «роботизированной сверхдержавой», и в эпоху Интернета вещей сможет удерживать лидерство и осуществит «роботореволюцию», под которой понимаются кардинальные изменения в самой робототехнике (автономизация, интеграция машин в информационные терминалы, соединение их в сеть); все более широкое использование роботов и на производстве, и в повседневной жизни, в том числе для решения некоторых социальных проблем и укрепления международной конкурентоспособности.

Стратегия развития робототехники, разработанная в Японии, основана на понимании того факта, что робототехника не просто встраивается в технологическую систему, формирующуюся в ходе 4 ПР, но и сама является одним из драйверов перемен. Для определения перспектив развития индустрии роботов в «обществе Интернета вещей» в Японии основан Инициативный совет по роботореволюции с привлечением представителей правительства, промышленных и академических кругов [5].

По мере развития и расширения использования технологий 4ПР многие отрасли японской экономики и бизнес-функции могут менять свое содержание. Например, сфера торговли все дальше будет отходить от функции простого товаропродвижения. На основе обработки Больших данных могут сформироваться цепочки поставок, рассчитанные на удовлетворение индивидуальных потребностей клиентов, что изменит подходы компаний к маркетингу и организации производственно-сбытовых цепей. Производство материальных продуктов будет происходить на полностью автоматизированных производствах, компоненты которых связаны друг с другом и заказчиком через интернет. Глубокие изменения могут произойти в банковской деятельности по мере того, как FinTech будет вытеснять обычные банковские операции. Может уйти в прошлое «гордость» японского производственного менеджмента – система управления запасами Just-in-time.

Вероятно, подвергнутся ревизии и международные стратегии японских компаний. В условиях снижения трудоемкости производства (замена живого труда интегрированными автоматическими системами) стоимость рабочей силы не будет иметь большого значения, и при принятии решений о размещении производства и других бизнес-функций компании будут в большей степени руководствоваться мотивами приближения к потребителю.

Чрезвычайно болезненными могут оказаться перемены на японском рынке труда. С одной стороны, в условиях стареющего общества высвобождение части рабочей силы может способствовать достижению баланса спроса и предложения. Однако, Япония, как и другие страны, неизбежно столкнется со структурными проблемами, ведь в ходе 4ПР происходит вымывание квалифицированных работников средней квалификации, своего рода крепкого «среднего класса» занятых. При этом

будет, как ожидается, возрастет спрос на персонал самой высокой квалификации – креативных работников, «творцов», на подготовку которых японская система воспитания и образования не была нацелена (по крайней мере, до последнего времени).

Таким образом, перед японским правительством и бизнесом уже в ближайшей и среднесрочной перспективе стоит задача не просто приспособиться к переменам, а найти адекватный ответ на вызовы 4ПР. Стратегия заимствования и творческой адаптации передового зарубежного опыта, которая успешно применялась Японией ранее, на данном этапе технологического прогресса перестает быть эффективной. Глобальная конкуренция перемещается в поле технологий уже не завтрашнего, а послезавтрашнего дня. Более того, конкурируют уже не только технологии, а национальные инновационные системы. Япония, безусловно, включается в современную технологическую «гонку», определив, как представляется, в качестве своей ниши робототехнику.

Что касается концептуальных основ национальной стратегии в части продвижения Индустрии 4.0, то это – стратегическое долгосрочное видение, системный и комплексный подход к решению текущих и будущих проблем, активное взаимодействие бизнеса и государства с применением различных форм частно-государственного партнерства.

Список литературы:

1. «Размывание границ: Как компании сегмента FinTech влияют на сектор финансовых услуг. Всемирный обзор сегмента FinTech». Март 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pwc.ru/ru/banking/publications/fintech-global-report-rus.pdf> (8.02.2017)
2. «Что такое финтех, и почему о нем важно знать всем предпринимателям». [Электронный ресурс]. URL: <http://finstorm.ru/articles/2016/01/08/что-такое-finteh> (8.02.2017)
3. Шваб К., Четвертая промышленная революция. Пер. с англ. – М.: Эксмо, 2016 [Библиотека Сбербанка. Т.63]
4. «Attractive Sectors. ICT. Information and Communication Technology». [Электронный ресурс]. URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/en/invest/attract/pdf/en_2016_ict.pdf (8.02.2017)
5. «FY2014 Summary of the White Paper on Manufacturing Industries (Monodzukuri)» [Электронный ресурс]. URL: http://www.meti.go.jp/english/press/2015/pdf/0609_01a.pdf (8.02.2017)
6. «METI Hold Meetings of the Cross-sectional System Study Group for the Fourth Industrial Revolution» [Электронный ресурс]. URL: http://www.meti.go.jp/english/press/2016/0114_02.html (8.02.2017)
7. «New Year Greetings 2017. Hiroshige Seko, Minister of Economy, Trade and Industry». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.meti.go.jp/english/speeches/2017newyeargreetings.html> (8.02.2017)

Федорченко А.В.
ВОЗМОЖЕН ЛИ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РЕНЕССАНС В АРАБСКОМ
МИРЕ?

Д.э.н., Профессор, Ведущий научный сотрудник
Институт востоковедения РАН,
Директор Центра ближневосточных исследований МГИМО (У)
a.fedorchenko@inno.mgimo.ru

Военные конфликты на Ближнем Востоке для многих отодвинули на второй план экономическую ситуацию в регионе. Конечно, главная цель сегодня – остановить кровопролитие, достичь мира в Ираке, Сирии, Ливии и ряде других арабских стран. Но нельзя закрывать глаза и на другой вызов – *системное экономическое отставание региона*. Материальная основа цивилизации во многом определяет характер политической системы, конфликтный потенциал общества, степень удовлетворённости или неудовлетворённости населения условиями жизни и, наконец, характер международных отношений.

Статья посвящена проблеме хозяйственного отставания арабских стран, поиску путей возрождения их национальных экономик. К концу прошлого столетия прежняя модель развития себя исчерпала, отчётливо проявились признаки политического и социально-экономического застоя. В сфере экономики возросшее демографическое давление на рынок труда сочеталось с начавшимся исчерпанием финансовых и материальных ресурсов для динамичного экстенсивного роста, а современные наукоёмкие производства так и не были созданы.

Автор полагает, что оживление и модернизация арабской экономики будут происходить в три этапа: 1) восстановление разрушенных военными действиями производственных мощностей, инфраструктуры, жилого фонда в Сирии, Ираке, Ливии, Йемене и Судане; 2) стабилизация (или экономическая реабилитация); 3) структурная перестройка экономики и сокращение уровня этатизации хозяйства.

Как показывает мировой опыт, назревшим системным экономическим реформам предшествует период продолжительностью от одного года до пяти лет, в течение которого государство осуществляет неотложные меры по экономическому и финансовому оздоровлению страны. Успех таких мер создаёт возможность – в форме возросших доходов населения и госбюджета, повышения инвестиционной привлекательности и даже улучшения морально-психологического климата в стране – продвигаться к более глубокому реформированию экономики. Среди разнообразных программ в этой области следует выделить:

- решение проблемы трудоустройства и повышения жизненного уровня широких масс населения путём организации общественных работ с высокой трудоёмкостью;

- осуществление инфраструктурных проектов – развитие транспортной сети, землеустройство, орошение и т.д.
- ликвидация городских трущоб и широкое жилищное строительство; в качестве успешного примера реализации подобных проектов можно использовать опыт Турции;
- повышение экономической активности молодёжи путём совершенствования системы отношений между бизнесом с одной стороны, и высшей школой, средним специальным образованием – с другой, облегчения условий открытия новых предприятий молодыми людьми, повышение степени доступности для них заёмных финансовых ресурсов и субсидий;
- наведение порядка в бюджетном процессе и денежно-кредитной системе в целом.

На первом и втором этапах предстоит решать острую проблему финансирования проектов. Целесообразно обратить внимание на реструктуризацию расходной части госбюджета в направлении увеличения удельного веса ассигнований на выверенные, эффективные в экономическом плане и социально ориентированные проекты, развитие государственно-частного партнёрства, всемерное стимулирование частного предпринимательства в приоритетных областях экономики. Что касается внешних финансовых ресурсов, то в условиях стагнации на мировых рынках потребуется обеспечить максимально возможную отдачу на вложенные капиталы. Инфраструктурные проекты и жилищное строительство должны приносить иностранным и национальным инвесторам приемлемый доход. С экономической точки зрения это вполне реально.

Должна измениться роль международных финансовых институтов. Для повышения эффективности работы в Арабском мире им лучше отойти от навязывания своего курса и сосредоточиться на предоставлении рекомендаций и экспертных наработок, учитывающих местные условия.

В целом должна поменяться сама концепция взаимодействия развитого мира с арабскими странами. Инструментарий «благотворительного колониализма» (термин антрополога Р. Пейна) уже не работает. Норвежский экономист Э. Райнерт называет такую политику «скандинавским заблуждением»: «вместо того, чтобы атаковать источники бедности изнутри, через производственную систему, вместо того, чтобы эту систему развивать, внимание концентрируется на симптомах бедности, которые облегчаются денежными вливаниями извне» [1, с. 271].

Третий этап представляется наиболее сложным и продолжительным, но от его успеха зависит, без преувеличения, судьба арабского мира. Его условно можно разделить на два периода: разработка концепции и программы преобразований и осуществление реальных реформ. Большие трудности ждут на стыке этих периодов. Как отмечает известный египетский исследователь экономики арабских стран Т. Хегги, «переход от стадии планирования к конкретным действиям чрезвычайно сложен и обычно происходит в условиях открытого противоборства настроенных в противоположных концептуальных

направлениях центров силы, часть из которых твёрдо придерживаются идеалов прошлого, другие нацелены на новые возможности, открывающиеся в будущем» [2, с. 118].

Реформирование хозяйственного механизма представляется наиболее сложной задачей. Сама концепция этих преобразований разработана недостаточно и в силу этого пока может быть представлена в самом общем виде. В арабском мире всё явственнее осознают неизбежность *фундаментальной переоценки роли государства в экономике*. Роль государства не будет укладываться ни в концепции либерализации, которые с завидным упорством навязываются Западом, ни в традиции этатизма восточного типа, обладающие на Ближнем Востоке большой инерцией. Новая модель смешанной экономики наверняка будет включать в себя повышенный по сравнению с развитыми странами уровень госрегулирования и более высокий удельный вес государственного сектора в ВВП и занятости. Государство по-прежнему сохранит присутствие в не утратившем свою актуальность «ромбе национальных конкурентных преимуществ» М. Портера в качестве своего рода внешней детерминанты, способной оказывать как положительное, так и отрицательное влияние. Без жёсткого государственного регулирования не обойтись, по крайней мере, на начальном этапе реформ. Но симбиоз государства и рынка уже не предполагает всеохватывающего участия первого в основных сферах экономической жизни.

Особая роль в арабском экономическом ренессансе отводится большинством экспертов в их прогнозах частному предпринимательству. Успех реформ в конечном счёте зависит от степени вовлечённости в их проведение частного капитала. Однако государство, отказавшись от всеохватывающего регулирования и контроля, оставит за собой выполнение функций координатора и силы, мобилизующей ресурсы на национальном и международном уровнях. Ему же придётся создавать и поддерживать управленческий механизм, обеспечивающий баланс между краткосрочными интересами частных предпринимателей, ориентированными на максимизацию прибылей, и долгосрочными целями общества в целом. Здесь понадобится повысить прозрачность, управляемость государственных институтов, качество их услуг.

Одна только реформа государственных и частных экономических институтов способна дать впечатляющие результаты. Ещё в апреле 2003 г. эксперты МВФ подсчитали, что достижение этими институтами государств БВСА качественного уровня развитых стран приведёт к увеличению годовых темпов прироста реального ВВП на душу населения на 3 процентных пункта [3].

В более отдалённой перспективе каждой из арабских стран придётся переформатировать или создать заново свой отраслевой хозяйственный профиль. Концепция отраслевых структурных сдвигов как в развивающемся мире в целом, так и в арабских странах в частности должна быть изменена. Во-первых, пора отойти от одного из принципов Вашингтонского консенсуса, в

соответствии с которым следует открыть внутренний рынок для внешней конкуренции и помогать тем отраслям обрабатывающей промышленности, которые сравнимы по эффективности с аналогичным производством в развитых странах, отказавшись от остальных. Путь к экономическому возрождению необходимо прокладывать через формирование перспективных, но пока ещё недостаточно конкурентоспособных отраслей обрабатывающей индустрии, а также услуг с последующим подтягиванием национального производства по показателям эффективности до уровня развитого мира.

Отдельно стоит вопрос о выделении и расширении высокотехнологичного кластера. На наш взгляд, нельзя согласиться с тем, что научно-технический потенциал арабского мира не способен в перспективе справиться с этой задачей. Исследования, проводимые арабскими экономистами, показывают, что Китай и Индия, обладая сравнимым с арабскими странами потенциалом в этой области (в относительном измерении), смогли совершить рывок в развитии наукоёмкого производства. За период с 1967 г. по 2010 г. продукт национальных НТК арабских стран увеличился в стоимостном выражении примерно в 50 раз (лидировали Египет, члены ССАГПЗ и Магриб). И это при скромной доле ассигнований на НИОКР в среднем в 0,2% от ВВП, когда научные достижения концентрировались в ограниченном количестве направлений – преимущественно в здравоохранении и сельском хозяйстве [4, с. 190]. Успех экономических реформ в ближайшие десять лет напрямую зависит от готовности и способности государств заново выстроить и обеспечить устойчивое развитие научно-технической инфраструктуры.

Неизбежен период усиления протекционизма для возвращения и обеспечения жизнеспособности пока ещё неконкурентоспособных отраслей. При дальнейшем ускорении процесса глобализации свободная торговля между государствами с разными уровнями развития будет по-прежнему приводить к уничтожению наиболее эффективных промышленных секторов наименее эффективных стран. Это явление получило название «эффекта Ванека-Райнерта». Если развитые страны с пониманием отнесутся к необходимости обеспечить арабским государствам на определённое время преференциальные условия в международной торговле, то для последних станет возможным и приемлемым продолжение интеграции по линии Север–Юг, но уже в модифицированной форме: их внутренний рынок должен открываться постепенно. Опыт вовлечения в ЕЭС Испании в 1980-е гг., Израиля в 1970-1990-е гг. продемонстрировал успешность такого подхода. Региональная экономическая интеграция на Ближнем Востоке, призванная содействовать хозяйственному возрождению региона, может развиваться в первую очередь в двух направлениях – через реанимацию «Барселонского процесса» и раскрытие потенциала ближневосточной интеграции.

Трудно рассчитывать на то, что экономическое возрождение будет проходить равномерно во всех странах региона. Здесь нужны яркие примеры успешных преобразований, за которыми могли бы последовать остальные

страны – ими вполне могут стать Объединённые Арабские Эмираты, Египет, Тунис. Если удастся политическое урегулирование в Сирии, она сможет реализовать модель по урегулированию экономических и социальных проблем. По крайней мере, стать своего рода образцом модернизации для среднеразвитых арабских стран с диверсифицированной и относительно развитой по меркам этой части мира экономикой. До 2011 г. такие предпосылки существовали. Инициированные Б. Асадом реформы начали приносить свои плоды и в то же время вызвали резкое раздражение внутренних и внешних противников сирийского режима.

Список литературы:

1. Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М., Издательский дом Высшей школы экономики. 2016.
2. Heggy T. The Arab Cocoon. Arab's Problematic with Modernity and Progress. Cairo, Merit Publishing House, 2009.
3. World Economic Outlook. IMF. Washington, April 2003.
4. Zahlan A. Science and the Arabs: opportunities and challenges. Contemporary Arab Affairs. Volume 4, Issue 2, April 2011.

Филоник А.О.
АРАБСКИЙ ВОСТОК: ПРОТИВОПРАВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

К.э.н., Ведущий научный сотрудник
Институт востоковедения РАН
Центр арабских и исламских исследований
fao44@mail.ru

Значительная часть арабского мира, а, по сути, весь регион ныне, так или иначе, переживает крайне сложные времена вследствие затяжной войны с ИГ. Расползание экономического недуга идет по разным направлениям и с разной интенсивностью. Наибольший ущерб нанесен Сирии и Ираку, экономика которых по многим параметрам пришла в упадок и еще не достигла дна. Их внутренний рынок ныне функционирует в разорванном режиме. Сегменты под контролем правительства работают со сбоями, но сохраняют атрибуты регулируемой экономики.

Другая часть некогда общенационального рынка представлена хозяйствующими субъектами под контролем ИГ. Исламское квазигосударство выстраивает свою схему обращения товаров и капиталов, главным образом по канонам «исламской» экономики, но с уклоном в насилие. Его задача - в мобилизации финансовых ресурсов для целей войны. Это порождает активное движение подпольных капиталов, сопровождаемое массовыми незаконными операциями отмывания денежных средств.

Своего рода связующим звеном между двумя экономическими организмами служит теневой рынок. Его деятельность привела к колоссальному росту незаконного оборота ресурсов во всех востребованных сферах хозяйственной деятельности. Напряженная обстановка в регионе, дисбаланс спроса и предложения, борьба за выживание и другие моменты этого ряда по определению не могут не сопровождаться самыми изощренными формами контрабанды, коррупции, мафиозной активности. Отсюда взрывной рост незаконных операций и мелкой и крупной преступности. В результате, на 2/3 территории этих стран возник хаос, что позволяет подпольному бизнесу получать экономическими и внеэкономическими методами серьезные доходы в сотни миллионов долларов и процветать на стыке официальных и джихадистских структур.

Относительно мирные страны региона не отстают от воюющих сторон. Заметное падение курса египетского фунта в ноябре 2016 г. спровоцировало активность черного валютного рынка и вызвало переполюс у производителей цемента и металла – основного строительного материала. Особенно на фоне того, что Центробанк «шопотом» уведомил рынок, что кредитные линии будут открываться только под самые необходимые инвестиционные товары и средства производства, лекарства и вакцины. Банк выделил 2,2 млрд долл. на поддержку импорта этих товарных групп, но вливания сразу ушли на сторону

- на закупку аппаратуры и мобильных телефонов. Между тем, с 2011 г. Египет остро нуждается в притоке инвестиций, поток которых резко иссяк после сокращения туризма и числа иностранных инвесторов. Поступающих же из внешних источников всего 2,6 млрд долл. недостаточно, чтобы поддерживать экономический рост и обеспечивать рынок иными товарами, кроме имеющих капитальное значение. [2, 18.11.2016]

Коррупция – еще одно универсальное явление, которое прижилось в арабском мире и оценивается во многие миллиарды долларов. Оно имеет не только экономические последствия, но и влияет на политику и отражается на социальной сфере. По данным МВФ, коррупционные сборы в мире оцениваются только по госсектору в 1,5-2 трлн долл. в год, а это 2% мирового ВВП (по др. данным, 5%, или 2,6 трлн). По мнению Transparency Int., ведущей кампанию против корпоративизма и политической коррупции, только в развивающихся странах коррупционеры изымают из полезного оборота минимум 40 млрд долл., и 40% предпринимателей оплачивают поборы чиновников из госструктур. Это только видимая часть айсберга. Косвенные затраты на коррупционное обслуживание еще больше и достигают масштабов, способных влиять на макроэкономические показатели, дееспособность обществ и правительств. [4, 15.05.2016]

Доля арабских государств в валовых показателях коррупционных отчислений неизвестна. Но колоссальная бюрократическая традиция, неверие в государственную мудрость и стремление, пусть к предварительно оплаченным, но преференциям явно вынимает из предпринимательского оборота немалые средства. Из материалов Антикоррупционного саммита 2016 г. в Лондоне известно, что предполагаемая сумма коррупционных выплат по миру почти в 20 раз превышала в 2013 г. размер официальных ассигнований на развитие, равных 140 млрд долл. Можно с определенными допусками предположить, что потери по этой статье в арабском мире могли находиться в какой-то пропорции к этой цифре. [4, 15.05.2016]

Во всяком случае, 23% руководителей компаний и фирм на Ближнем Востоке считают, что коррупция - распространенная практика при оформлении контрактов. Каждый пятый бизнес-администратор допускает неэтичное поведение и возможность дать взятку ради выигрыша по сделке. Цитировавшаяся Transparency Int. утверждает, что примерно 50 млн. чел. в БВСА в 2015 г. использовали подкуп в корыстных целях. При этом 61% населения региона уверен, что уровень коррупции растет даже в перспективе одного года. Исследования Ernst & Young показывают, что многие компании пытаются искать средства для борьбы с мошенничеством. Но 40% из них недооценивают такую возможность, что значительно превышает средний по миру уровень в 29%. [6, 12.05.2016]

На практике мошеннические операции, коррупция и криминальная деятельность остаются серьезным раздражителем для бизнеса. Одна из разновидностей правонарушений - инсайдерская информация, вызывающая большую тревогу в деловых кругах. Ее масштабы резко увеличились в 2013 г.,

явно не миновав и ближневосточные рынки, имеющие широкие контакты с Западом, где этот вид незаконных деяний получил заметное распространение. За последнее время здесь велось расследование по 100 случаям, которые дополняют рассматривавшиеся ранее 908. [6, 10.01.2016]

О том, что недобросовестность в финансовых вопросах имеет свою историю в арабском мире, свидетельствует борьба в Кувейте вокруг закона о Публичном фонде и отчетности. Она возникла еще в 2009 г. в связи с аудитом работы ряда министров, ушедших в отставку. Закон мог бы стать препятствием для коррупции, но правительство и законодатели откладывали вопрос, хотя Блок развития и реформ в парламенте семь раз выступал с предложениями по вопросу. [5, 28.06.2009]

Из-за сохраняющейся недостаточной прозрачности торгово-экономических операций в ОАЭ в 2017 г. может сильно пострадать малый бизнес. Факт, что многие мелкие компании с финансовыми проблемами в 2015 г. были разорены. Десятки более крупных из-за серьезных фейковых операций с банковской задолженностью по нецелевым проектам также ушли с рынка. Тех, что наращивали задолженность с прямой целью обмана банков, постигла та же судьба. Едва капитализировавшиеся, с большой задолженностью, но реальные компании последовали за ними. [6, 29.10.2016]

Ситуация с малым бизнесом в ОАЭ - результат недостаточно отъюстированной технологии вращивания малого капитала в бизнес, компании которого имеют прорехи в балансовых счетах из-за одновременных финансовых потерь, утечки капитала и др. факторов, например, неглубокого аудита или временного проседания бизнеса при сохранении возможности самостоятельно преодолеть возникшие сбои. Но, несмотря на уязвимость, малое предпринимательство в монархиях в принципе способно обрести большую остойчивость при соответствующей корректировке повседневной экономической практики.

Тем не менее, как видно, вопрос выживаемости малоформатного предпринимательства не снимается даже в странах Персидского залива, где созданы благоприятные условия для ведения бизнеса, а рейтинги обещают упрощенный доступ на рынки. И все же риски разного происхождения остаются довольно серьезным испытанием для частного капитала, составляющего основу значительного числа аравийских компаний и фирм .

Состоявшийся в 2012 г. в Дохе Форум сотрудничества стран ССАГПЗ в области управления рисками инициировал «новую систему мер» противодействия им. Экономические и внеэкономические риски отнесены к явлениям, которые способны нарушать стабильность воспроизводственных процессов в самых разных отраслях национальных экономик. Преимущественный упор на борьбу с негативными процессами делается на финансовую сферу. Именно здесь еще сильно влияние мирового финансового кризиса, и поэтому необходимо создавать условия для эффективной работы в рамках стандарта Базель 3 наряду с мерами, профилактирующими на макро- и микроуровне возможные ошибки и сбои в финансовых аспектах

регулирования регионального рынка. [3, 15.01.2012]

В Катаре создан орган с разветвленной системой контроля за компаниями и предпринимательским сообществом, опирающийся на помощь транснациональных компаний типа IBM, Moody's, Thompson Reuters и др. [3, 15.01.2012] Именно их вмешательство признается властями наиболее действенным средством смягчения проблемы не только с позиций чисто экономического подхода к теме, но и с точки зрения создания реальных возможностей преодоления противоправной деятельности в экономике - инсайдерства, хищения персональных данных, мошенничества с банковскими кредитами и т. п.

Легализация незаконных доходов еще один больной вопрос на Арабском Востоке. Сирия еще в 2005 г. наряду с борьбой с экономическими рисками специальным декретом утвердила меры противодействия террору и отмыванию денег как способа его поддержки. Тогда же в составе Центробанка было организовано управление с правами расследования всех сомнительных операций, могущих иметь отношение к означенным преступлениям. [1, с.30] Сходные шаги предпринимаются и в других арабских странах, хотя эффективность их существенно колеблется в зависимости от политических предпочтений элит.

Тем не менее, очевидно, что даже в сложных условиях нынешнего Арабского Востока с той или иной степенью успешности осуществляются попытки противостоять черным и серым схемам. Но ближневосточная экономика в силу обстоятельств сильно засорена, не свободна от хозяйственных злоупотреблений разной этиологии. Факт, что подобные явления едва ли искоренимы в обозримой перспективе. Но они все же могут быть существенно лимитированы усилиями добросовестного и ответственного государства и его правовых институтов.

Список литературы:

1. Хасрийя, Абдель Кадир. Гасилу-ль-амваль // Аль-Муждтамау аль-иктисадий. (Отмывание денег // Экономическое общество) 2005. Октябрь С.30
2. Аль-Иттихад аль-Иктисадий 18.11.2016
3. Ар-Рая аль-Иктисадийя 15.1.2012
4. Аш-Шарк аль-Аусат 15.5.2016
5. Arab Times 28.6.2009
6. Gulf News 29.10.2016

Фридман Л.А., Имамкулиева Э.Э.
НАУКА КИТАЯ В МИРЕ 21 ВЕКА (ФИНАНСОВО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ)

Фридман Л.А.

Д.э.н., Профессор кафедры экономики и экономической
географии стран Азии и Африки
ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова

Имамкулиева Э.Э.

Младший научный сотрудник,
Институт востоковедения РАН
Отдел экономических исследований
elmiracif@gmail.com

В докладе исследуются финансово-экономические показатели развития научных исследований и опытно-конструкторских разработок (НИОКР); они сопоставляются также с индикаторами военных расходов (% к ВВП).

В современном мире насчитывается около 190 стран, входящих в ООН, но в базе данных Всемирного банка удалось обнаружить соответствующие показатели только по 103 государствам, странам и территориям.

Расхожая житейская мудрость, здравый смысл, а также исторический опыт свидетельствуют о том, что в государствах с низким уровнем душевого ВВП львиная доля ресурсов используется для удовлетворения первичных, базовых потребностей населения: в питании, одежде, жилье и т.п., и им не до такой «роскоши» как наука. Но в последние годы и десятилетия в менее и даже в некоторых наименее развитых странах появляются институты и университеты, где работают «свои» и приглашенные преподаватели и специалисты; печатаются научные статьи, закупаются лицензии и патенты на производство современной техники и использование технологий; но в целом в этих странах...не до науки.

По мере повышения уровня развития постепенно возрастает и доля ресурсов, выделяемых на НИОКР. Этот процесс становится особенно отчетливым в государствах с высоким душевым ВВП. Такова общая тенденция, легко проверяемая на массовом статистическом материале. При распределении 103 государств, стран и территорий по величине душевому ВВП и по доле расходов на НИОКР в ВВП коэффициент корреляции между величинами соответствующих индикаторов достигал в 2011-2013 гг. 0,76, а после «удаления» небольших островных стран, а также ряда «нефтяных монархий», занимавших места в первой десятке или двадцатке стран, распределенных по душевому ВВП в период высоких цен на нефть, – даже 0,86.

Однако при этом у многих стран обнаружилось серьезные нарушения (отклонения) от указанной тенденции. Нами выделена группа государств и

территорий, у которых расхождения позиций, занимаемых при распределении по подушевому ВВП и по доле расходов на НИОКР, достигали 20 и более единиц. Общее число таких стран достигло 44, причём большинство их включало развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки. При этом выделяются группы государств, у которых обнаруживаются специфические особенности использования ресурсов на НИОКР.

Во-первых, наиболее высокие места (первое-второе) по уровню расходов на НИОКР в ВВП (3,9 –4,1%) демонстрируют Республика Корея и Израиль, которые занимают «только» 28 и 24 места в «табели о рангах» по уровню подушевого ВВП.

Во-вторых, в КНР, где проживает 18-19% мирового населения, но которая занимала лишь 62-е место среди 103 стран, распределенных по подушевому ВВП, величина индикатора расходов на НИОКР достигала 2,1% (что соответствует 18-му месту в «рейтинге» стран, распределенных по расходам на НИОКР). Этот индикатор является типичным не для развивающихся, а для развитых стран; более того, он превосходит величину аналогичного показателя в таких государствах, как Великобритания, Канада, Испания, Ирландия, Новая Зеландия, Норвегия и Португалия. Не менее важно и то, что показатель расходов на НИОКР в Китае еще в 1996-98 гг. не превышал 0,6-0,7 % и увеличился к 2015 г. до 2,1%, то есть в 3,3 раза. Между тем, в конце 1990-х гг. в России расходы на НИОКР были еще хотя и незначительно, но выше, чем в КНР (по разным расчетам от 0,73 до 1,1 %; однако в 1989-1990 гг. они достигали 2%). В отличие от ситуации в КНР, в последние 13-14 лет они оставались на уровне 1,1 %. Это сравнение, на наш взгляд, свидетельствует о глубоком различии стратегического выбора, сделанного КНР и Россией в отношении научной политики, а именно – выделения ресурсов для развития НИОКР.

В-третьих, в 2011-2013 гг. ряд «нефтегазовых монархий», входящих в группу стран «с высокими доходами», характеризовались, в полную противоположность Китаю, крайне низкими показателями по аналогичному индикатору расходов на НИОКР, типичными для менее и даже наименее развитых стран (0,1 %).

Все это свидетельствует о том, что немало больших, средних и даже малых стран (в республике Корея – 50 млн., но в Израиле – 8 млн. жителей) имеют относительную свободу при стратегическом выборе в пользу ускоренного развития науки, научно-технических исследований и разработок, и они сделали такой выбор. Между тем, именно развитие НИОКР является движущей силой, без которой невозможно перейти от индустриальной к постиндустриальной, информационно-инновационной стадии развития.

В то же время другие страны (отнюдь не только «нефтегазовые монархии», но и Россия (к сожалению), Болгария, Словакия, Хорватия, Мексика) по-видимому не рассматривали расходы на НИОКР в числе своих стратегических приоритетов.

Вторая часть доклада посвящена анализу соотношения расходов на

НИОКР и военных расходов, как результата своеобразной «конкуренции» этих важнейших стратегических сфер и соответствующей политики.

При таком сопоставлении вновь обнаруживается специфическая характеристика ситуации в КНР, где удельный вес расходов на НИОКР оказался практически равен доле военных расходов в ВВП (2,1 %).

Дальнейший анализ показывает, что к 2011-2013 гг. расходы на НИОКР в ВВП были равны или даже превышали уровень военных расходов не только в КНР, но также в 25 странах Западной, Восточной, Северной и Южной Европы, а также в Канаде, Австралии, Новой Зеландии и нескольких других странах. Отметим для сведения, что, например, в России в 2011-2013 гг. военные расходы составляли 3,7 - 4,2%, в США 3,8 – 4,6%, а в Индии – 2,4-2,6% в то время, как расходы на НИОКР в России составляли 1,1%, в США – 2,8%, а в Индии – 0,8%.

Однако, ситуация в сфере военных расходов начиная с 2014 года постепенно меняется, и в последние годы, а тем более в не слишком отдаленной перспективе, обнаруживается тенденция к значительному повышению этого показателя в странах НАТО.

Сравнительно низкий удельный вес ресурсов, выделяемых для военных расходов и, одновременно, более высокий удельный вес расходов на НИОКР составлял важные конкурентные преимущества для этих стран. Это позволяет им экономить (по сравнению с другими странами, где указанный показатель выше) ресурсы, используемые в других сферах экономической, социальной и культурной жизни, в том числе для развития НИОКР. В свою очередь, высокий по современным стандартам индикатор расходов на НИОКР становится дополнительным преимуществом, так или иначе сказывающимся на масштабах и темпах экономического развития этих стран. И наконец, высокий уровень расходов на НИОКР способствует ускоренному развитию информационно-инновационного сектора их экономики.

На наш взгляд, возможности и задачи исследователей при межгосударственных сопоставлениях заключаются в том, чтобы объективно представить факты, вытекающие из них тенденции, но также и специфику отдельных стран и групп стран. Что же касается обобщающих политических и экономических выводов, то это прерогатива высших органов законодательной и исполнительной власти, людей и групп, располагающих несравнимо большим объемом разнообразной и необходимой информации (которые могут, способны и обязаны принимать соответствующие решения).

Цветкова Н.Н.
ПРОИЗВОДСТВО ТОВАРОВ ИКТ И ИТ УСЛУГ В СТРАНАХ
ВОСТОКА: ПЕРСПЕКТИВЫ НА ФОНЕ РАЗВИТИЯ РОБОТИЗАЦИИ
И АВТОМАТИЗАЦИИ

К.э.н., Ведущий научный сотрудник
Институт востоковедения РАН
Центр исследования общих проблем современного Востока
vladtsvetkov@mail.ru

В базе данных ЮНКТАД есть подробные сведения о международной торговле товарами ИКТ³¹ на 2000–2014 гг., их анализ показывает, как заметно возросла роль стран Азии в международном разделении труда в данной сфере. Доля развивающихся стран Азии в мировом экспорте товаров ИКТ увеличилась с 32% в 1996 г. до 63,4% в 2010 г. В 2014 г. на развивающиеся страны Азии приходилось 69% мирового экспорта товаров ИКТ, в том числе на шесть крупнейших экспортеров: КНР, Гонконг, Сингапур, Южную Корею, Тайвань, Малайзию – 64% мирового экспорта, на один Китай – 31%. Доля развивающихся стран Азии в мировом экспорте компьютерного оборудования и периферийных устройств в 2014 г. достигла 65,1%, в том числе КНР – 40,7%, в экспорте телекоммуникационного оборудования – 69,7%, в том числе КНР – 39,6%, в экспорте потребительской электроники – 54,5%, в том числе КНР – 34,8%. В мировом экспорте электронных компонентов в 2000–2014 гг. доля стран Азии возросла с 44,3% до 77,6% [4; 2, с. 195].

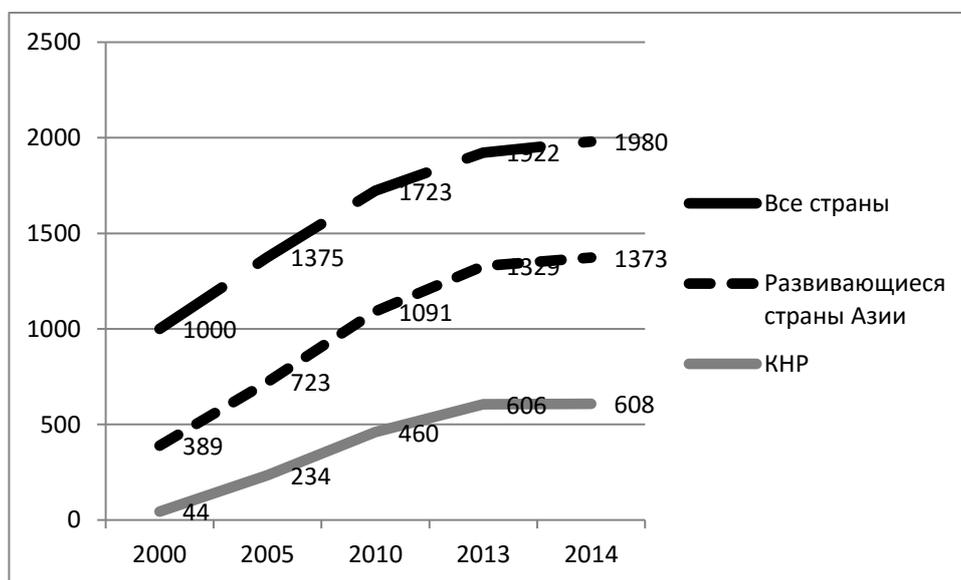

Рисунок 1. Экспорт товаров ИКТ, 2000–2014 гг. (млрд долл.)

³¹ В число товаров ИКТ входят компьютерное оборудование и периферийные устройства; телекоммуникационное оборудование; потребительская электроника (телевизоры, аудио- и видеооборудование); электронные компоненты, а также «прочие товары» [4].

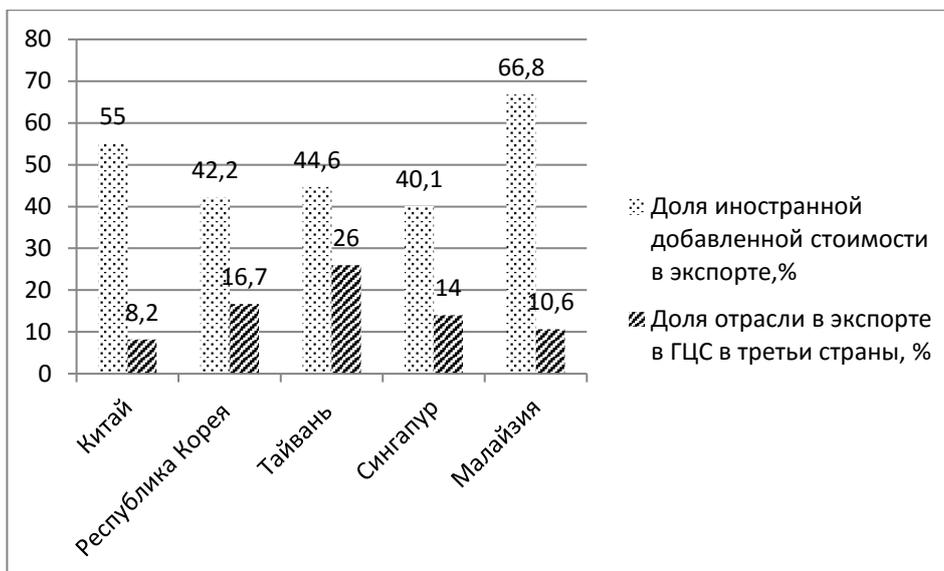
Составлено по: [4]

Данные по экспорту товаров ИКТ за 2015 г. в статистической базе ЮНКТАД не приведены. На 2015 г. (в целом на период с 1995 по 2015 г.) приводятся данные только по отдельным категориям товаров ИКТ: это, во-первых, офисное оборудование и машины по автоматической обработке данных, во-вторых, телекоммуникационное и звукозаписывающее оборудование, а также компоненты для производства электронной и электротехнической продукции (категория, явно более широкая, чем электронные компоненты для производства товаров ИКТ).

Мировой экспорт офисного оборудования и машин по автоматической обработке данных увеличился в 1995–2014 гг. с 248,9 млрд долл. до 604,3, а затем сократился в 2015 г. до 540,8 млрд долл. Доля в этом экспорте развивающихся стран Азии повысилась с 31,7% в 1995 г. 63,3% в 2015 г., при этом доля Китая – с 2% до 35,7% (подсчитано по: [7]).

Мировой экспорт телекоммуникационного и звукозаписывающего оборудования (в эту категорию в основном входят телекоммуникационное оборудование, и «потребительская электроника» из товаров ИКТ) в 1995–2015 гг. возрос с 190 млрд долл. до 786,5 млрд долл., при этом доля потребительской электроники сокращалась, а телекоммуникационного оборудования стремительно росла. В 1995-2015 гг. доля развивающихся стран Азии в мировом экспорте телекоммуникационного и звукозаписывающего оборудования увеличилась с 37,8% до 67,6%, в том числе доля КНР – с 4,4% до 37,3% (подсчитано по: [7]).

Известно утверждение, что азиатские страны с дешевой рабочей силой занимаются сборкой трудоемкой продукции и производством простых и дешевых компонентов, и поэтому доля добавленной в стране стоимости в экспорте невелика. Однако это не совсем так. По данным ВТО, доля добавленной стоимости, произведенной за рубежом, в стоимости экспорта компьютерного оборудования и электроники достигала в 2011 г. в Сингапуре 40,1%, в Республике Корея – 42,2%, на Тайване – 44,6%, в Китае – 55%, в Малайзии – 66,8% (см. рис. 2). Эти данные можно интерпретировать и иначе: стакан может быть наполовину пуст или наполовину полон. Доля созданной в стране добавленной стоимости в экспорте компьютерного оборудования составляла в 2011 г. в Малайзии 33,2%, в Китае – 45%, на Тайване – 55,4%, в Южной Корее – 57,8%, в Сингапуре – 59,9% [3, с. 87].

Р и с у н о к 2 .

Глобальные цепочки стоимости в экспорте компьютерного оборудования и электроники в странах Восточной и Юго-Восточной Азии, 2011 г. Составлено по [8].

По объему производства электронного, компьютерного, оптического оборудования (именно такая категория представлена в статистике ОЭСР о производстве добавленной стоимости и глобальных цепочках стоимости) в 2011 г. лидировал Китай (около 1 трлн долл.), за ним следовали Япония (368 млрд долл.), США (332 млрд долл.), Южная Корея, Тайвань, Германия, Сингапур. Однако по произведенной в стране добавленной стоимости в отрасли первое место занимали США, но второй была КНР, третьей – Япония, далее шли Южная Корея, Германия, Тайвань (см. рис. 3).

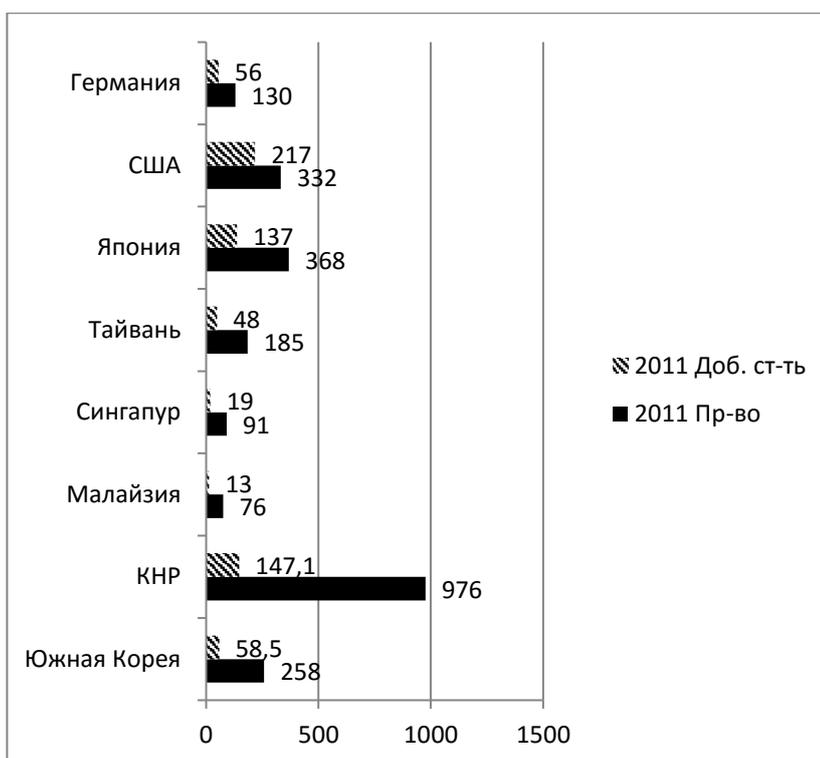

Рисунок 3.

Электронное, компьютерное и оптическое оборудование: общий объем производства и произведенная добавленная стоимость, 2011 г. (млрд долл.). Составлено по: [6].

Развивающиеся страны Азии, прежде всего Индия, вошли в число ведущих экспортеров ИТ-услуг, в ряде стран Азии эта отрасль развивается преимущественно при ориентации на внутренний рынок (см. подр. [2, с. 85–140]).

Однако сегодня позициям стран Азии в МРТ угрожает новый вызов: развитие трудосберегающих технологий. Одно из знаковых событий в мире технологий в последние годы – прорыв в развитии робототехники и впечатляющий рост продаж роботов. Сегодня на эту тему пишут немало, в том числе и в СМИ, но одной из первых публикаций в востоковедной литературе на эту тему была статья А.В. Акимова [1].

Автоматизация и роботизация наряду с несомненными положительными результатами, будут иметь ряд негативных последствий. В результате развития автоматизации и искусственного интеллекта некоторые глобальные цепочки стоимости могут трансформироваться в высокоавтоматизированное производство в одной стране. Могут исчезнуть стимулы к фрагментации производств, к перемещению их в развивающиеся страны, это окажет влияние на международное разделение труда. Возрастет безработица.

По прогнозам проекта Millenium, 2015 г., к 2050 г. 1/4 экономически активного населения в мире будут составлять безработные. И это самые оптимистические оценки. Называют более высокие цифры безработицы и более короткие сроки. Уже сегодня обсуждаются конкретные меры, которые следует принять в случае вытеснения рабочей силы роботами и

автоматизацией. Среди предлагаемых решений – выплата минимального гарантированного дохода (о введении минимального гарантированного дохода уже объявила Финляндия, во Франции ее включил в свою предвыборную программу кандидат от социалистов Бенуа Амон). Предлагаемые источники средств для выплаты этого дохода: доход от лицензирования роботов и налогов на них, налог Тобина на финансовые сделки, всеобщий минимальный налог на корпорации, собственные добровольные субсидии корпораций, прекращение использования налоговых гаваней. Вторая мера, призванная решить социальные проблемы, – бесплатное здравоохранение и образование (!). Но какое занятие найти для высвобожденной рабочей силы? Среди возможных вариантов – организация общественных работ, занятия различными хобби, движение «Сделай сам» (DOY, do it yourself), повышение значимости местной экономики, например, выращивания овощей и фруктов на своих земельных участках (РФ это уже «проходила» в 1990-х гг.) [5].

Каковы же ответы стран Азии на вызовы трудосберегающих технологий?

Первое – ориентация на региональный рынок. В производстве товаров ИКТ сложилось к настоящему времени разделение труда между самими азиатскими странами, одни поставляют электронные компоненты, другие производят сборку готовых изделий. Доля взаимного экспорта в экспорте электронных компонентов у шести стран Азии – ведущих экспортеров товаров ИКТ: КНР, Гонконга (КНР), Тайваня (провинции КНР), Сингапура, Республики Кореи в 2013 г. достигла почти 4/5. Второе – переориентация на внутренний рынок. Третье – перемещение трудоемких производств в страны с более дешевой рабочей силой, например, из Китая во Вьетнам [2, с. 209–215].

И наконец, главное: сами развивающиеся страны Азии и их ТНК активно развивают роботизацию и автоматизацию. Тайваньская «Хон Хай» («Фоксконн») превратилась в одну из крупнейших мировых ТНК электронной промышленности, делая ставку на использовании дешевой рабочей силы в КНР (например, при сборке айфонов и айпадов). Однако сегодня «Хон Хай» стала все чаще использовать труд роботов и даже производит роботов. «Хон Хай» выпускает разработанных японской компанией «Софтбанк» и ее филиалом «Альдебаран» роботов Пеппер стоимостью в 2 тыс. долл. и автоматические руки для сборочных операций, последние она устанавливает на своих филиалах в КНР.

Китай, Республика Корея уже сегодня делают ставку на внедрение автоматизации в производство товаров ИКТ, индийские ТНК внедряют ее в сфере ИТ-услуг. Опыт развивающихся стран Азии следовало бы учитывать и России.

Список литературы

1. Акимов А.В. Трудосберегающие технологии и общественное развитие в XXI веке // *Восток (Oriens)*. 2015. № 1. С. 87–96.

2. Цветкова Н.Н. Информационно-коммуникационные технологии в странах Востока: производство товаров ИКТ и ИТ-услуг. М.: ИВ РАН, 2016.
3. Цветкова Н.Н. Страны Востока в международной торговле электронными компонентами и глобальные цепочки стоимости // Восток (Oriens), 2016, № 6. С. 73–89.
4. Bilateral trade flows by ICT goods categories, annual, 2000–2013; 2000–2014. Information Economy. [Электронный ресурс]. URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx=15850> (2.03.2016).
5. Future Dynamics of Work & Technology Alternatives to 2050. Foresite. 12th June 2015. Turku, Finland. Jerome G. Glenn. The Millennium Project. [Электронный ресурс]. URL: https://futuresconference2015.files.wordpress.com/2015/05/book_of_abstracts_web1.pdf (5.03.2016).
6. Gross production and value added: electronic, computer and optical equipment. OECD. [Электронный ресурс]. URL: http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=TIVA2015_C1# (12.12.2016).
7. Merchandise trade matrix – product groups, exports in thousands of dollars, annual, 1995-2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=24739> (2.02.2017).
8. WTO. Trade in Value Added and Global Value Chains. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/miwi (20.03.2016).